

БРАЙАН СТЕЙВЛИ

Брайан Стейвли создал сложный мир
с удивительным богатством деталей...

LIBRARY JOURNAL (STARRED REVIEW)

КЛИНКИ ИМПЕРАТОРА

ХРОНИКИ НЕТЕСАНОГО ТРОНА. КНИГА 1

Звезды новой фэнтэзи

Брайан Стейвли

**Хроники Нетесаного
трона. Клинки императора**

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Стейвли Б.

Хроники Нетесаного трона. Клинки императора / Б. Стейвли —
«Азбука-Аттикус», 2013 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-21250-3

В Аннуре предательски убит император из династии Малкенианов – потомков богини света. В государстве назревает смута. Кому же достанется власть? У императора трое детей, и у каждого свой жизненный путь – путь мудреца, воина или политика. Наследник Нетесаного трона Каден живет в отдаленном горном монастыре, постигая таинственное искусство, дающее ключ к древней силе. В скором времени Кадена должны объявить самым влиятельным правителем в мире. Но пока этого не произошло, его жизни угрожает опасность... Валин, младший сын императора, готовится стать воином элитного подразделения, летающего на гигантских ястребах. Перед последним жестоким испытанием он узнает о заговоре против династии Малкенианов и о смерти отца. Валин стремится спасти брата, наследника трона, но после череды странных происшествий понимает, что и за его головой идет охота... Адер, дочь императора, занимающая высокий государственный пост, вынашивает план мести, желая обличить и покарать убийцу. Она уверена в том, что знает его. Однако тайная записка отца, которую тот вложил в завещанную дочери книгу, переворачивает все с ног на голову. К чему призывает император в предсмертном послании? Кого он называет своими клинками? Смогут ли потомки богини света противостоять заговорщикам? «Клинка императора» – первая книга трилогии «Хроники Нетесаного трона».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-21250-3

© Стейвли Б., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Пролог	8
1	11
2	14
3	18
4	22
5	31
6	40
7	49
8	57
9	67
10	74
11	78
12	86
13	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Брайан Стейвли

Хроники Нетесаного трона.

Книга 1. Клинки императора

Brian Staveley

THE EMPEROR'S BLADES

Copyright © 2013 by Brian Staveley

Map by Isaac Stewart All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Liza Dawson Associates (США) при содействии агентства Александра Корженевского (Россия).

© В. Ю. Иванов, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Брайан Стейвли – автор отмеченной наградами трилогии-фэнтези «Хроники Нетесаного трона». После того как десять лет были отданы преподаванию литературы, философии, истории и религии, Брайан решил посвятить себя литературному творчеству.

Его первая книга «Клинки императора» в 2015 году получила премию Дэвида Геммела за лучший дебют, попала в шорт-лист «Локуса» и вышла в полуфинал Goodreads Choice Awards в двух номинациях: «Эпическая фэнтези» и «Дебют».

Трилогия о Нетесаном троне была переведена более чем на десять языков и успешно продается по всему миру.

* * *

«Многоточная» фэнтези со стремительно развивающимся сюжетом... Стейвли подвергает главных героев испытанию, при этом он достаточно мудр, чтобы не идеализировать их, даже если они демонстрируют экстраординарные способности.

Publishers Weekly

Стейвли создает мир предательства и обмана, способный удерживать ваше внимание до последней страницы. От этого увлекательного романа невозможно оторваться... А идеально рассчитанный финал заставит читателей умолять о продолжении.

RT Book Review

Эта книга заставила меня надолго застыть на краешке стула. Эта книга вызвала у меня настоящий прилив адреналина. Эта книга захватила меня полностью. Она взорвала мой мозг!

Litchick's Hit List

Знакомые ингредиенты оживают в руках многообещающего нового шефа... С уверенным мастерством Стейвли доводит начальную стадию своей

истории до кульминации, когда двойная игра и количество трюков поражают воображение...

Locus

Брайн Стейвли создал сложный мир с удивительным богатством деталей...

Library Journal (Starred Review)

* * *

Посвящается моим родителям, читавшим мне сказки

- Отец!.. – повторила Вера и снова запнулась на этом слове.
- Дочь, – отозвался Тан-из.
- Ты ведь не...

Она прерывисто дышала, оглядываясь через плечо на ров, где в солнечных лучах сверкала сталь: доран-се уже принялись за работу.

- Ты ведь не можешь...

Тан-из склонил голову к плечу. Он пытался понять свою дочь, пытался понять всех своих детей. Хоть он и не был целителем, солдатская жизнь давным-давно научила его заботиться о сломанных костях и разорванной коже, ухаживать за гниющей плотью, когда в раны попадала грязь, врачевать изматывающий кашель у тех, кто слишком долго не видел дома. Но это... он не мог постичь природу сокрушительного недуга и тем более был не в силах его излечить.

- Дочь, ты одержима. Гниль овладела тобой.

Опустив руку, Тан-из провел пальцем вдоль морщин на лбу дочери, коснулся хрупких лучиков, разбегающихся от уголков глаз, отыскал тонкую серебряную нить, затерявшуюся среди каштановых локонов. Всего несколько десятков лет, а ее гладкая оливковая кожа уже начала грубеть от солнца и ветра. Когда Вера, вырвавшись в этот мир, впервые показалась между ляжек своей матери, крепкотелая и вопящая во все горло, он было подумал, что девочка вырастет здоровой и недуг ее не коснется. С тех самых пор этот вопрос не оставлял его – и вот ответ.

– Пока гниль лишь слегка тебя тронула, – отметил он, – но со временем ее хватка окрепнет.

– И это вам поможет? – выкрикнула она, в отчаянии дернув головой в сторону свежвыкопанного рва. – Вот к чему вы пришли?

Тан-из покачал головой:

– Решение принимал не я. Совет проголосовал...

– Почему? Почему вы так нас ненавидите?

– Ненавидим? – повторил он. – У нас нет такого слова, дитя. Его придумали вы.

– Это не слово! Это чувство – настоящее чувство! Хоть что-то реальное, хоть какая-то правда об этом мире!

Тан-из покивал. Ему уже доводилось слышать нечто подобное. «Ненависть», «отвага», «страх»... Те, кто считает, что гниль – всего лишь недуг плоти, не понимают в ней ничего. Она разрушает разум, подтачивает само основание мысли и рассудка.

– Я выросла из твоего семени, – заговорила Вера, как если бы это логически следовало из сказанного ею прежде. – Ты кормил меня, когда я была маленькая!

– Так же поступают многие живые существа: волки, орлы, лошади. Все молодые и несовершенные должны опираться на тех, кто их породил.

– Волки, орлы и лошади защищают своих детей! – вскричала она, плача уже навзрыд и сильнее сжимая его ноги. – Я видела! Они охраняют и берегут, кормят и ухаживают. Они растят своих детей!

Вера протянула дрожащую, ищущую руку к лицу отца:

– Почему вы отказываетесь растить нас?

Тан-из отвел руку дочери в сторону:

– Волки растят своих детей, чтобы те стали волками. Орлы – орлами. Вы же... – Он нахмурил брови. – Мы вырастили вас, но вы оказались испорчены. Осквернены. Сомнительны. Посмотри сама...

Он указал на сгорбленные, поникшие фигуры, застывшие возле края рва; сотни фигур, молча ждущих своей участи.

– Вы и без нас умрете, и очень скоро.

– Но мы ведь люди! Мы ваши дети!

Тан-из утомленно покачал головой: нет смысла приводить разумные доводы тому, чей разум помрачен.

– Вы никогда не станете нам ровней, – спокойно проговорил он, вытаскивая нож.

При виде клинка Вера издала горлом сдавленный звук и отпрянула. Тан-из подумал, не попытается ли она бежать. Некоторые пытались. Никто не убежал далеко. Эта его дочь, однако, убежать не стала. Вместо того она сжала руки в бледные трясущиеся кулаки и видимым усилием воли поднялась с колен. Теперь она смотрела ему прямо в глаза, и, хотя волосы прилипли к ее мокрому от слез щекам, она больше не плакала. Впервые, пусть и ненадолго, кореживший ее ужас отступил. Она казалась почти здоровой. Исцеленной.

– А такими, какие мы есть, вы нас любить не можете? – спросила она, медленно и четко выговаривая слова. – Пусть оскверненных, пусть испорченных! Пусть совсем прогнивших – такими вы нас не можете любить?

– Любить... – повторил Тан-из, пробуя на вкус незнакомое созвучие, перекатывая его во рту.

Нож вошел в ее тело и двинулся вверх, через мышцы, между ребер, прямо к бешено колотящемуся сердцу.

– Это, дочь, ваше слово – как и «ненавидеть». У нас такого нет.

1

Солнце уже висело над самыми вершинами гор – безмолвный яростно пылающий уголек, заливший гранитные утесы светом, словно кровью, – когда Каден обнаружил растерзанную козу.

Многие часы он шел за проклятой тварью по извилистым горным тропкам, выискивая следы там, где земля была помягче; наудачу выходил на голую скалу и возвращался обратно, если догадка оказывалась неверной. Медленная, утомительная работа – как раз такую старшие монахи с радостью поручали своим ученикам. Солнце мало-помалу уходило за горизонт, небо на западе наливалось лиловым, словно набухающий синяк, и Каден начал беспокоиться, не придется ли провести среди горных вершин всю ночь, согреваясь лишь грубоотканым балахоном. Согласно аннурскому календарю, весна уже несколько недель как наступила, однако монахи не придавали календарю большого значения – равно как и погода, все еще суровая и неуступчивая. В длинных полосах тени под скалами лежали клочья грязного снега, от камней веяло холодом, а иголки на немногочисленных узловатых кустах можжевельника по-прежнему были скорее серыми, чем зелеными.

– Ну давай же, сволочь, – бормотал Каден, изучая очередной след. – Неужели тебе хочется здесь ночевать? Мне точно не хочется.

Горный ландшафт представлял собой сплошной лабиринт ущелий и каньонов, узких промоин и заваленных щебнем уступов. Каден уже пересек три нажравшихся снежной каши ручья, которые пенились в теснинах каменных стен, и его балахон отсырел от брызг. Когда солнце сядет, ткань задубеет от холода. Как козе удалось перебраться через стремительные потоки, он мог только гадать.

– Сколько можно по твоей милости таскаться среди этих скал?..

Слова замерли на губах: он наконец нашел свою пропажу. Коза была шагах в тридцати, зажатая в расщелине так, что виднелась только задняя ее часть.

Хотя он не мог ее как следует рассмотреть – по всей видимости, она застряла между большим валуном и стеной ущелья, – в глаза бросалось, что с ней что-то не так. Животное стояло неподвижно, слишком неподвижно; задние ляжки вывернуты под неестественным углом, ноги торчат прямо, как палки.

– Ты это брось, – неуверенно сказал Каден.

Он подошел ближе, горячо надеясь, что козу не угораздило покалечиться слишком сильно. Монахи хин были небогаты, козьи стада служили им источником молока и мяса. Если Каден вернется с раненым животным или еще хуже – с мертвым, его ждет суровое наказание от умиала.

– Ты это брось, старина, – повторил Каден, осторожно взбираясь по расщелине.

Судя по всему, коза застряла, но, если все же могла бегать, ему вовсе не хотелось снова гоняться за ней по всем Костистым горам.

– Внизу пастбища получше. Сейчас вместе спустимся...

Вечерние тени скрывали кровь, пока Каден едва не наступил в нее. Она разлилась широкой, темной неподвижной лужей. Животное было растерзано: на бедре зияла глубокая рана, идущая дальше к животу, через мышцы вглубь к внутренностям. На глазах у Кадена из раны вытекли последние бурые капли. Превращая мягкий пух на подбрюшье в липкую волокнистую массу, они стекали вниз по одеревенелым ногам, словно моча.

– Шаэль побери! – выругался он, огибая застрявший в ущелье валун.

В том, что скалистый лев задрал козу, не было ничего необычного, однако теперь придется тащить тушу обратно в монастырь на своих плечах.

– Нужно было тебе убежать! Не могла ты...

Он не договорил, почувствовав, как выпрямилась и напряглась спина: ему наконец удалось как следует рассмотреть животное. По коже ослепительной холодной вспышкой полоснул страх. Каден перевел дыхание, затем усилием воли успокоился. Хинское обучение мало на что годилось, но умирять свои эмоции он за восемь лет научился. Страх, зависть, гнев, удовлетворение – он по-прежнему их ощущал, но поверхностно, а не нутром, как прежде. Сейчас, однако, даже глядя из крепости собственного спокойствия, он не мог отвести глаза от туши.

Тварь, выпотрошившая козу – Каден тщетно пытался представить, что это могло быть, – на этом не остановилась. Голова животного была сорвана с плеч, крепкие сухожилия и мышцы разодраны несколькими резкими сильными ударами, так что у туши остался торчать обрубок шеи. Скалистый лев мог задрать отбившегося от стада слабачку, но не так. Эти раны были слишком жестоки, даже излишни; в них не читалась будничная расчетливость убийств, которые Кадену доводилось видеть в горах. Несчастную козу не просто задрали – ее разорвали на части.

Каден огляделся в поисках недостающей части туши. Камни и ветки, смытые первыми весенними паводками, забили узкую горловину расщелины, образовав заплетенный травами и подбитый илом матрас, из которого торчали выбеленные солнцем цепкие деревянные скелетики-пальцы. В расщелине скопилось столько мусора, что голову удалось найти не сразу – она валялась на боку в нескольких шагах от козы. Почти вся шерсть была содрана, а череп расколот. Мозга не было, его вычерпали, словно ложкой из миски.

Первой мыслью Кадена было бежать. Кровь еще капала со слипшегося козьего меха – в угасающем свете дня она казалась скорее черной, чем красной, – а значит, убийца мог прятаться где-нибудь в скалах, карауля свою добычу. Никто из местных хищников не стал бы нападать на Кадена – тот был довольно высок для своих семнадцати лет, хорошо сложен и силен, поскольку полжизни провел в тяжком труде. С другой стороны, никто из местных хищников не стал бы отрывать козью голову и выедать из нее мозг.

Каден повернулся к устью ущелья. Солнце уже скрылось за степью, оставив лишь ожог в небе над горизонтом. Ночь заполняла ущелье, словно масло, струйкой льющемся в кувшин. Даже если пуститься в путь немедленно и всю дорогу бежать что есть силы, последние несколько миль до монастыря придется покрыть в полной темноте. Каден думал, что давно перерос страх ночи в горах, но ему совсем не нравилась перспектива идти, спотыкаясь на каменистой тропе, под взглядом затаившегося во тьме неизвестного хищника.

Он шагнул в сторону от изувеченной туши.

– Хенг захочет, чтобы я это нарисовал, – пробормотал он, заставляя себя вновь повернуться к месту бойни.

Любой, имеющий кисть и клочок пергамента, сумеет сделать набросок, однако монахи хин ожидали от своих послушников и учеников большего. Рисование – следствие видения, а у монахов был свой особый способ видеть. Они называли это «сама-ан» – «гравированный ум». Разумеется, это было всего лишь упражнение, шагок на долгом пути к достижению ваниате, полного освобождения; но и это искусство могло принести пусть и небольшую, но пользу. За восемь лет в горах Каден научился видеть, действительно видеть мир таким, какой он есть: след пятнистого медведя, зубчики на лепестке вилколиста, вздымающиеся башни отдаленных горных вершин. Бесчисленные часы, недели, даже годы он смотрел, вглядывался, запоминал. Каден мог с точностью до последней черточки нарисовать любое из тысяч растений и животных и запечатлеть в памяти любую сцену длительностью в несколько ударов сердца.

Он дважды медленно вдохнул и выдохнул, освобождая место в голове – готовя чистую дощечку, на которой будут выгравированы все мельчайшие детали. Страх оставался, но он был препятствием, и Каден как мог умалил его, сосредоточившись на текущей задаче. Подготовив дощечку, он принялся за работу. У него ушло лишь несколько вдохов и выдохов, чтобы запечатлеть оторванную голову, лужи темной крови, изувеченную тушу животного. Линии были уверенными и точными, тоньше любой кисти, и, в отличие от обычной памяти, мысленное

рисование оставило яркий, четкий образ, незабываемый, как скала под ногами, – такой, который он сможет при желании воссоздать и внимательно изучить. Каден завершил сама-ан и позволил себе длинный осторожный выдох.

– Страх есть слепота, – пробормотал он, цитируя старый хинский афоризм. – Спокойствие – зрение.

Мудрость древних служила слабым утешением свидетелю кровавой сцены, однако теперь, когда в памяти были выгравированы подробности убийства, Каден мог наконец уйти. Бросив через плечо взгляд на ближние утесы – не затаился ли в них хищник, – Каден двинулся к устью расщелины. Ночной туман уже переваливал через горные вершины. Каден несся наперегонки с темнотой вниз по неверным тропкам; его сандалии мелькали рядом со сбитыми с деревьев ветками, рядом с предателями-камнями, готовыми кинуться под ноги, чтобы человек сломал лодыжку. Ноги, озябшие и одеревенелые после многочасового осторожного выслеживания козы, постепенно разогревались от движения; сердце установило ровный ритм.

«Ты ни от кого не убегаешь, – повторял он сам себе. – Просто торопишься домой».

Впрочем, у Кадена вырвался тихий вздох облегчения, когда спустя милю тропа обогнула отвесную, похожую на башню скалу – монахи называли ее Коготь – и далеко впереди показался Ашк-лан. Горстка каменных строений жалась на узком уступе в тысяче футов внизу, словно пытаясь отодвинуться подальше от бездны. В нескольких окнах тлели теплые огоньки. Наверное, в кухне при трапезной в очаге развели огонь, а в зале для медитаций зажгли светильники; слышится тихий гул: монахи уже совершают вечерние омовения и ритуалы...

Безопасность. Это слово непрошеным появилось в его уме. Там, внизу, ждала безопасность, и Каден невольно прибавил шаг – заторопился к этим слабым, скудным огонькам, убегая от того, что таилось в неведомой темноте позади.

2

Каден бегом пересек уступ перед центральным двором Ашк-лана, но сбавил темп, оказавшись внутри. Его тревога, столь острая и ясно ощутимая при виде растерзанной козы, понекому утихла, пока он спускался с горных вершин и подходил все ближе к монастырю, откуда веяло теплом и дружелюбием. Теперь, направляясь к основной группе строений, он чувствовал, что глупо было так нестись. Конечно, смерть животного оставалась загадкой, однако и горные тропы могут быть опасны, особенно для тех, у кого хватает ума бегать по ним в темноте. Каден перешел на неспешный шаг, собираясь с мыслями.

«Мало мне было козу потерять! Если бы я умудрился еще и ногу сломать – вот тут-то Хенг точно исхлестал бы меня в кровь!»

Гравий монастырских дорожек хрустел под его сандалиями. Это был единственный звук, не считая жалобных завываний ветра, то налетавшего порывом, то вновь стихавшего, то принимавшегося кружить меж узловатых ветвей деревьев и холодных каменных стен. Все монахи были уже внутри; кто-то сгорбил над миской, кто-то постился, сидя со скрещенными ногами в зале для медитаций и постигая пустоту. Подойдя к трапезной – длинному, низкому строению, источенному ветрами и дождями до такой степени, что оно казалось едва ли не частью скалы, – Каден приостановился, чтобы зачерпнуть воды из бочки возле двери. Сделав глоток и чувствуя, как вода стекает в глотку, он выровнял дыхание и замедлил биение сердца. Не стоило подходить к умиялу в состоянии смятения, со спутанными мыслями. Превыше всего монахи хин ценили спокойствие и ясность. Учителя не раз пороли Кадена за беготню, за крики, за излишнюю поспешность, за необдуманное движение. К тому же он теперь дома; вряд ли убийца козы станет рыскать здесь, среди этих суровых построек.

Вблизи Ашк-лан не производил большого впечатления, тем более ночью: три длинных каменных здания – спальня корпус, трапезная и зал для медитаций – образовывали квадратный двор; их бледные гранитные стены были, словно молоком, облиты лунным светом. Они ютились на самом краю отвесного утеса, так что четвертая сторона двора зияла провалом, за которым открывалась панорама облачного неба над предгорьями и западной степью. Далеко внизу травяные луга уже наливались весенней цветочной кипенью – качались на ветру синие хелендеры, там и здесь виднелись купы монашкиных слезок, рябили в глазах крошечные белые узелки-на-верность. Однако ночью, под холодным непроницаемым взглядом звезд, степь была невидима. Повернувшись к краю обрыва, Каден оказался лицом к лицу с огромной пустотой, неизмеримой черной бездной. Казалось, Ашк-лан стоит на самом краю мира, прилепившись к отвесной скале, словно часовой, который караулит великое ничто, готовое поглотить все сущее...

Сделав еще глоток, Каден отвернулся. Ночь принесла холод, и теперь, когда он больше не бежал, порывы ветра с Костистых гор секли его пропотевший балахон, словно ледяные ножи. Чувствуя, как урчит в желудке, он обратился к теплоте желтому свету и тихим отзвукам беседы, лившимся из окон трапезной. Обычно в этот час, когда солнце уже зашло, а ночная молитва еще не началась, большинство монахов вкушали свою скромную вечернюю пищу: вяленую баранину, репу и сухой черный хлеб. Хенг, умиял Кадена, скорее всего, там же, вместе с остальными, и, если все пройдет удачно, Каден быстренько доложит ему о случившемся, набросает по памяти рисунок и успеет насладиться еще теплой едой. Монастырская пища была куда как скромнее тех яств, которые мальчишкой он вкушал в Рассветном дворце, пока отец не отослал его к монахам; однако у хин была поговорка: «Голод – лучшая приправа».

У хин были поговорки на все случаи жизни; их передавали из поколения в поколение, словно пытаясь восполнить отсутствие у ордена богослужений и формальных ритуалов. Пустому Богу не было дела до пышных обрядов, принятых в городских храмах. В то время

как более молодые боги всюду обжирались музыкой, молениями и приношениями, возлагаемыми на изысканные алтари, Пустой Бог требовал от хин лишь одного – жертвы. И на его алтарь полагалось класть не вино или богатства, но самого себя. «Ум – это огонек, – говорили монахи. – Задуй его».

Даже спустя восемь лет Каден не очень понимал, что это значит, а под нетерпеливое урчание желудка ему не особенно хотелось об этом размышлять. Толкнув тяжелую дверь трапезной, он ступил внутрь, и его окутал тихий гул разговоров. В вытянутом помещении было полно монахов: одни сидели за грубо сколоченными столами, склонив головы над мисками, другие стоя грелись у огня, пылавшего в очаге в дальнем конце зала. Несколько человек увлеченно играли в камни; они глядели на доску перед собой пустыми глазами, мысленно проводя линии обороны и атаки.

Люди отличались друг от друга так же, как и страны, из которых они прибыли: высокие и плотные белокожие эды с далекого севера, где море половину года укрыто льдом; жилистые ханны с покрытыми татуировками кистями и предплечьями, как принято среди племен, населяющих джунгли к северу от Поясницы; даже несколько зеленоглазых манджари, чья смуглая кожа была лишь немногим темнее, чем у самого Кадена. Впрочем, несмотря на разницу во внешности, всех монахов объединяли суровость и спокойствие, рожденные жизнью в суровых и спокойных горах, вдалеке от комфорта того мира, в котором они начинали свой путь.

Хин были малочисленным орденом; в Ашк-лане вряд ли насчитывалось более двухсот монахов. Молодые боги – Эйра, Хекет, Орелла и другие – влекли к себе приверженцев со всех трех континентов, у них были свои храмы едва ли не в каждом захудалом городишке: роскошные позолоченные дворцы, устланные шелком. Некоторые могли поспорить с жилищами самых богатых министров и атрепов. Одному Хекету служило, наверное, несколько тысяч жрецов, и еще десятеро больше людей стекалось к его алтарю в надежде обрести смелость.

У менее приятных божеств тоже были свои почитатели. Ходило множество слухов о палатах Рашшамбара и кровавых служителях Ананшаэля, о кубках, вырезанных из черепов и сочащихся мозгом, о задушенных во сне младенцах, о жутких оргиях, где страсть сочеталась ужасным союзом со смертью. Порой говорили, что лишь десятая часть тех, кто открывал двери его святилищ, возвращалась обратно. «Их забрал Владыка Костей, – шептались люди. – Сама Смерть взяла их себе».

Старшие боги, отдалившиеся от мира и безразличные к делам людей, имели меньше поклонников. Но тем не менее у них были имена – Интарра и ее супруг Хал Летучая Мышь, Пта и Астар-рен, – и тысячи людей со всех трех континентов чтили их.

Лишь Пустой Бог оставался безымянным, безликим. По представлениям хин, он был старейшим, самым таинственным и могущественным из богов. Большинство людей за пределами Ашк-лана считали, что он исчез или никогда не существовал. Кто-то говорил, что его убила Эйе, когда создавала мир, небо и звезды. Кадену это казалось весьма правдоподобным: за все годы, что он бегал вверх и вниз по горным перевалам, он ни разу не встретил никаких признаков бога.

Каден осмотрел помещение, ища кого-нибудь из приятелей, и обнаружил, что из-за стола возле стены на него глядит Акйил. Рядом на длинной скамье расположились Серкан и толстяк Фирум Прумм (единственный из обитателей Ашк-лана, которому удавалось сохранить свои объемы, несмотря на бесконечную беготню, таскание тяжестей и участие в строительстве – всего этого требовали от учеников старшие монахи). Каден кивнул в ответ и собрался было пройти к приятелю, но тут в другом конце трапезной заметил Хенга. Он с трудом подавил вздох – умиал наверняка наложит какое-нибудь наказание, если ученик сядет ужинать без доклада. Похоже, оставалось надеяться, что рассказ о задранной козе не займет много времени и вскоре Каден присоединится к другим и наконец-то получит свою миску похлебки.

Уя Хенга было трудно не заметить. Во многих отношениях он больше пришелся бы к месту в одном из прославленных питейных заведений Аннура, нежели здесь, в далеком уединенном монастыре в сотне лиг от границы империи. В отличие от остальных монахов, исполнявших свои работы в смиренном молчании, Уй Хенг мурлыкал себе под нос, ходя за козами, распевал во все горло, таская на гору огромные мешки глины с отмелей, и выкидывал бесчисленные коленца, кроша репу в котлы. Он умудрялся шутить, даже когда избивал в кровь своих учеников. В настоящий момент он развлекал собратьев по столу длинным рассказом, перемежавшимся замысловатыми жестами и чем-то наподобие птичьего посвиста. Однако, как только он увидел приближающегося Кадена, улыбка сползла с его лица.

– Я нашел козу, – отчитался Каден без предисловий.

Хенг вытянул обе руки, будто пытаясь остановить слова на полпути.

– Я больше не твой умиал, – объявил он.

Каден захлопал глазами. Шьял Нин, настоятель монастыря, примерно раз в год назначал ученикам новых умиалов, но никогда не делал этого так внезапно. Не посреди же ужина.

– Что случилось? – спросил Каден, охваченный внезапным подозрением.

– Тебе пора двигаться дальше.

– Прямо сейчас?

– А другого времени и не бывает. Завтра тоже будет «сейчас».

Каден проглотил колкое замечание (даже если Хенг ему больше не умиал, это не мешает монаху отхлестать его).

– И кого мне назначили? – спросил он.

– Рампури Тана, – ответил Хенг глухо; в его голосе не слышалось обычного веселья.

Каден молча уставился на него. Все знали, что Рампури Тан не берет учеников. Кроме того, несмотря на линялый коричневый балахон и выбритую голову, а также на то, что он целыми днями сидел со скрещенными ногами и застывшим взглядом, погруженный в созерцание Пустого Бога, Рампури Тан вообще не производил впечатления монаха. Каден не мог бы сказать точно, в чем тут дело, но и послушники это чувствовали – среди них ходила сотня домыслов, в которых Тану приписывались разные истории прошлого, одна невероятнее другой, от самых темных до совершенно блистательных. Говорили, например, что шрамы на лице он получил на Изгибе, сражаясь на арене с дикими зверями; что он убийца и вор, раскаявшийся в своих злодеяниях и избравший путь созерцания; что он обездоленный брат какого-то вельможи или атрепа, скрывающийся в Ашк-лане лишь до тех пор, пока не выносит достойный план мести. Каден не был особенно склонен верить какой-либо версии, однако отмечал в них одну общую черту: насилие. Насилие и опасность. Кем бы ни был Рампури Тан до прибытия в Ашк-лан, Каден не горел желанием видеть его своим умиалом.

– Он ждет тебя, – сказал Хенг, и в его голосе послышалось нечто наподобие сочувствия. – Я обещал послать тебя к нему в келью, как только ты придешь.

Каден позволил себе еще разок оглянуться на стол, за которым сидели его друзья, хлебная свое варево и пользуясь теми несколькими минутами не подчиненной распорядку беседы, которые были им позволены в течение дня.

– Ступай! – велел Хенг, прерывая его размышления.

Дорога от трапезной до спального корпуса была недлинной – сотня шагов через двор, потом вверх по короткой тропинке между двумя рядами высохших можжевельников. Каден быстро преодолел расстояние, стремясь поскорее укрыться от ветра, и толкнул тяжелую деревянную дверь. Все монахи, даже настоятель Шьял Нин, спали в совершенно одинаковых кельях, выходивших в длинный центральный проход. Комнатушки были маленькими, в них едва хватало места для соломенного тюфяка, грубой плетеной циновки и пары полок, но ведь монахи в основном проводили время вне корпуса: в мастерских или медитационном зале.

Оказавшись внутри, куда не залетал пронзительный ветер, Каден замедлил шаг, чтобы подготовиться к предстоящей встрече. Он не знал, чего ждать. Некоторые наставники сразу проверяли нового ученика, другие сперва наблюдали, оценивая способности и слабые места будущего монаха, и только потом решали, какой стиль обучения избрать.

«Это всего лишь новый умиал, – убеждал себя Каден. – Год назад Хенг тоже был для тебя новым умиалом, но ты же привык!»

И тем не менее во всем этом было что-то странное, тревожащее. Сперва расчлененная коза, потом эта внезапная смена наставника, когда по-хорошему ему полагалось сидеть на длинной скамье перед дымящейся миской, споря с Акйилом и другими учениками...

Каден медленно набрал в легкие воздух, медленно выдохнул. Беспокойство никогда не приносит пользы.

«Живи сейчас, – сказал он себе, повторяя один из основных хинских афоризмов. – Будущее есть сон...»

Однако же некий голос в глубине его мыслей, голос, который невозможно было успокоить или заглушить, тут же напомнил: далеко не все сны приятны, и порой, сколько ни мечись и ни ворочайся в постели, ты не в силах проснуться.

3

Рампури Тан сидел на полу своей маленькой кельи спиной к двери. Перед ним на каменных плитах был расстелен чистый лист пергамента. В левой руке он держал кисть, однако все медлил окунуть ее в плошку с разведенными чернилами, стоявшую сбоку.

– Входи, – приказал он, не поворачиваясь к двери и подзывая Кадена свободной рукой.

Тот переступил порог и остановился. Первые несколько минут с новым умиалом могли задать тон их дальнейшим отношениям. Большинство монахов стремились сразу произвести впечатление на учеников, а Каден вовсе не горел желанием заработать суровое наказание из-за какой-нибудь оплошности или ошибки в суждении. Тан, однако, молчаливо созерцал свой чистый пергамент и, по-видимому, был вполне удовлетворен этим занятием. Каден приготовился терпеливо ждать, примеряясь к странностям нового наставника.

Было нетрудно понять, откуда у послушников взялась идея, что Тан в молодости сражался на арене. Хотя монаху давно уже перевалило за пятый десяток, его мускулатура оставалась могучей – в особенности выделялись мощные плечи и шея, – и в целом своим телосложением Рампури Тан напоминал валун. Сквозь редкую щетину на его черепе виднелись глубокие шрамы, белые на фоне темной кожи, словно какой-то дикий зверь рвал его голову когтями, снова и снова рассекая плоть до самой кости. Как бы ни появились эти раны, боль, очевидно, была мучительной... Мысли Кадена снова перескочили к расчлененной туше, и он зябко поежился.

– Ты нашел животное, за которым посылал тебя Хенг, – резко заговорил монах.

Фраза прозвучала не как вопрос, и несколько мгновений Каден колебался, стоит ли отвечать.

– Да, – отозвался он наконец.

– Ты вернул его в стадо?

– Нет.

– Почему?

– Его убили. Очень жестоко.

Тан отложил кисть, одним плавным движением поднялся на ноги и впервые за все это время повернулся лицом к ученику. Он был высок, почти одного роста с Каденом, и тот внезапно почувствовал, будто в тесной келье стало очень мало места. Глаза монаха, темные и острые, словно заточенные гвозди, пришили Кадена к месту. Дома, в Аннуре, ему случалось видеть людей с запада Эридрои или с крайнего юга – укротителей диких животных, которые могли подчинять своей воле медведей и ягуаров одной лишь силой взгляда. Сейчас Каден чувствовал себя одним из этих зверей: только сделав над собой усилие, он смог выдержать взгляд своего нового умиала.

– Скалистый лев? – спросил монах.

Каден покачал головой:

– Башка была оторвана от шеи, словно отрублена. И кто-то выел мозг из черепа.

Несколько мгновений Тан смотрел на него, потом указал на кисть, плошку с чернилами и пергамент, лежавшие на полу:

– Рисуй.

Каден уселся, чувствуя некоторое облегчение. Какие бы сюрпризы ни готовила ему опека Рампури Тана, по крайней мере, некоторые привычки тот разделял с Хенгом – слыша о чем-либо необычном, тут же требовал рисунок. Что ж, это было несложно. Каден сделал два вдоха и выдоха, сосредоточил мысли и вызвал сама-ан. Картина заполнила его внутренний взор во всех своих деталях: намокшая козья шерсть, свисающие куски плоти, пустая чаша черепа, отброшенного, словно разбитый горшок. Он окунул кончик кисти в плошку и принялся рисовать.

Работа продвигалась быстро – обучаясь у монахов, он имел предостаточно времени, чтобы отточить свое мастерство. Каден опустил кисть. Изображение на пергаменте могло бы быть отражением его разума в неподвижной воде озера.

Огромное, тяжелое, как камень, молчание заполнило пространство за его спиной. Каден боролся с искушением оглянуться, но ему было сказано только сесть и рисовать, ничего больше. Рисунок был закончен, так что теперь он просто сидел.

– Это то, что ты видел? – наконец спросил Тан.

Каден кивнул.

– И у тебя хватило самообладания остаться и сделать сама-ан.

Кадена затопило удовлетворение. Возможно, обучение под руководством Тана окажется не таким уж и страшным...

– Что-нибудь еще? – спросил монах.

– Больше ничего.

Жестокий удар обрушился столь неожиданно, что Каден прикусил язык. Поперек спины вспыхнула яркая жгучая полоса боли, во рту разлился медный вкус крови. Он дернулся было, чтобы выставить руку, защищаясь от следующего удара, но тут же подавил инстинктивное движение. Тан теперь его умиал, то есть имеет полное право налагать на него повинности и наказания по своему усмотрению. Причина внезапного избивания оставалась для Кадена загадкой, однако он знал, как следует держаться при порке.

Восемь лет, проведенных у хин, научили его, что «боль» – более чем приблизительное слово для того многообразия ощущений, которое им обозначается. Каден узнал, как мучительно сдавливают ноги, слишком долго погруженные в ледяную воду, и как бешено колет и чешется под кожей, когда они начинают отогреваться. Он изучил медленную тянущую усталость, пронизывающую мышцы, вынужденные работать сверх своих возможностей, и ростки страдания, расцветающие на следующий день, когда начинаешь разминать пальцами дрожащую плоть. Есть быстрая, яркая боль чистого пореза от соскользнувшего ножа и тупая, пульсирующая головная боль после недельного поста. Монахи хин придавали боли очень большое значение. Боль, говорили они, – это напоминание о том, сколь крепки узы, привязывающие нас к собственному телу. Напоминание о нашем поражении.

– Закончи рисунок, – велел Тан.

Каден снова вызвал в уме сама-ан, затем сравнил его с лежащим на полу пергаментом. Все было передано в мельчайших деталях.

– Он закончен, – неуверенно сказал Каден.

Хлыст снова обрушился на спину, но на этот раз юноша был готов. Его ум впитал боль, хотя тело слегка покачнулось от сильного удара.

– Закончи рисунок, – повторил Тан.

Каден колебался. Обычно вопросы умиалу – кратчайший путь к наказанию, однако его уже и так избивают, так что, если попытаться внести ясность, хуже не будет.

– Это какое-то испытание? – осторожно поинтересовался он.

Монахи постоянно устраивали своим подопечным всевозможные проверки, в которых ученики и послушники должны были доказывать свое понимание и способности.

Хлыст снова опустился поперек его плеч. От первых двух ударов балахон порвался, и теперь Каден почувствовал, как лоза врезается в обнаженное тело.

– Вот что это, – объявил Тан. – Можешь называть испытанием, если хочешь, но имя не равно сути.

Каден мысленно застонал. Сколь бы странным ни казался Тан, он явно питал ту же раздражающую склонность к многозначительным афоризмам, что и остальные хинские монахи.

– Больше я ничего не запомнил, – сказал Каден. – Это весь сама-ан.

– Этого мало, – ответил Тан, но на этот раз придержал хлыст.

– Но там больше ничего не было! – возразил Каден. – Вот коза, вот голова, вон лужи крови; я запомнил даже клочки шерсти, застрявшие в камнях...

За это он получил целых два удара.

– Увидеть то, что есть, может любой дурак, – сухо пояснил монах. – Ребенок, глядя на мир вокруг, опишет, что находится у него под носом. Ты же должен видеть то, чего нет! Ты должен смотреть на то, что не находится у тебя под носом!

Каден из последних сил пытался найти в его словах хоть крупицу смысла.

– Тут нет того, кто убил козу, – медленно заговорил он.

Снова удар.

– Разумеется, нет! Ты спугнул его. Или он сам ушел. В любом случае едва ли стоило ожидать, что дикое животное останется рядом со своей жертвой, если оно слышало или почуяло человека.

– То есть мне нужно описать то, что должно быть здесь, но его нет.

– Думай про себя. Трепи языком, лишь когда есть что сказать.

Тан подкрепил свои слова еще тремя резкими ударами. Раны сочились кровью. Каден ощущал, как она стекает по спине: горячая, влажная и липкая. Ему доводилось переносить и более жестокие порки, но они всегда следовали за какой-то большой ошибкой, серьезным проступком. Никогда прежде его не били во время обычного разговора. Становилось все сложнее игнорировать боль, раздиравшую тело. Сделав над собой усилие, Каден мысленно вернулся к предмету обсуждения, – очевидно, не стоило рассчитывать, что Тан сжалится и прекратит избиение.

«Ты должен видеть то, чего нет...»

Типичная хинская белиберда. Однако, как часто бывало с подобной белибердой, скорее всего, она в итоге окажется правдой.

Каден еще раз детально просмотрел сама-ан. Все части тела козы были учтены, даже кишки, лежавшие кучей безжизненных бело-сизых веревок под брюхом животного. Мозга не было, однако Каден ясно нарисовал расколотый череп и показал место, откуда он был выбран. Что еще ожидал увидеть монах?

Он шел по следу козы, он забрался за ней в ущелье, и там...

– Следы! – произнес он, охваченный внезапным озарением. – Где следы того, кто убил козу?

– Вот это очень хороший вопрос, – отозвался Тан. – А они были?

Каден попытался вспомнить.

– Я не уверен. Их нет в сама-ане... но я думал в основном о козе.

– Похоже, твои хваленые золотые глаза видят не больше любых других.

Каден моргнул от неожиданности. Еще ни один умил не упоминал в разговоре его глаза – это было почти как упомянуть о его отце или о его происхождении. У хин культивировалось полное равенство. Послушники были послушниками, ученики – учениками, а старшие монахи все были равны перед Пустым Богом. Тем не менее глаза Кадена действительно выделяли его среди других. Тан назвал их «золотыми», однако на самом деле его радужные оболочки сияли. Ребенком Каден часто смотрел в глаза своего отца – такие глаза были у всех аннурских императоров, – поражаясь тому, как они горят, постоянно меняя цвет. Порой они яростно пылали, как факел под порывом ветра, порой тихонько тлели темными красными углями. Его сестра Адер тоже обладала особенными глазами, хотя у нее они скорее искрились и вспыхивали, словно костер, разложенный из сырых прутиков. Будучи старшей среди детей императора, Адер редко останавливала свой яркий взгляд на младших братьях, а когда это случалось, он, как правило, сопровождался раздраженным сверканием. Согласно семейному преданию, светящиеся глаза были унаследованы от самой Интарры, Владычицы Света, принявшей человеческий облик много веков или тысячелетий назад – никто не знал наверняка, – чтобы соблазнить Каденова

предка. Эти глаза были подтверждением того, что Каден – истинный наследник Нетесаного трона и будущий властелин самого Аннура. Империи, занимавшей два континента.

Монахов, разумеется, государственные дела интересовали не больше чем сама Интарра. Владычица Света была одной из старейших богов, старше Мешкента и Маата, старше даже Ананшаэля, Владыки Костей. От нее зависели путь солнца по небесному своду, дневной жар, таинственное сияние луны. И тем не менее, по словам монахов, она была всего лишь ребенком, играющим с огнем в просторных чертогах пустоты – безграничной, вечной пустоты, принадлежащей Пустому Богу. Однажды Каден должен будет вернуться в Аннур, чтобы занять свое место на Нетесаном троне, но пока, живя в Ашк-лане, он был всего лишь одним из учеников, обязанным трудиться до седьмого пота и повиноваться приказам. Чудесные глаза явно не спасали его от жестокого допроса Тана.

– Может, следы и были, – неуверенно заключил Каден. – Не могу сказать наверняка.

Какое-то время Тан молчал, и Каден уже подумал, что избиение вот-вот возобновится.

– Монахи слишком щадили тебя, – наконец проговорил Тан спокойным, но жестким голосом. – Я не повторю их ошибок.

Лишь позже, лежа без сна на своей койке и стараясь дышать потише, чтобы не разбудить боль в саднящей спине, Каден осознал, что сказал его новый умиал. Монахи. Так, словно Рампури Тан не был одним из них.

4

Даже несмотря на едкий соленый бриз, порывами налетавший с моря, от трупов воняло. Крыло Адамана Фейна обнаружило корабль два дня назад во время рутинного патрулирования – полощущиеся паруса порваны, поручни заляпаны засохшей кровью, команда изрублена в куски и оставлена гнить на палубе. К моменту прибытия кадетов жгучее весеннее солнце уже приступило к делу, раздувая мертвым морякам животы и туго натягивая кожу на костяшках пальцев и черепах. Мухи влезали и вылезали из их ушей, деловито копошились меж безвольно раскрытых губ, терли лапки над пересохшими глазными яблоками.

– Какие идеи? – спросила Ха Лин, толкая ближайшее тело носком ботинка.

Валин пожал плечами:

– Думаю, кавалерийскую атаку можно исключить.

– Очень остроумно, – усмехнулась она, поджав губы и скептически сузив миндалевидные глаза.

– Кто бы это ни был, они знают свое дело. Взгляни-ка сюда.

Присев на корточки, Валин отодрал присохшую ткань от безобразной колотой раны как раз под четвертым ребром трупа. Лин опустила на колени рядом и, лизнув мизинец, ввела его в разрез по вторую фалангу.

Незнакомец, встретив Ха Лин на улице, мог принять ее за беззаботную купеческую дочку на пороге взрослой жизни: цветущая и жизнерадостная, смуглая от многочасового пребывания на солнце, с блестящими черными волосами, убранными со лба и перевязанными сзади кожаным ремешком. Однако ее глаза были глазами солдата. Последние восемь лет она проходила то же обучение, что и Валин, – что и все кадеты на палубе злосчастного корабля. Наставники кеттрал давно подготовили ее к проявлениям смерти.

И все же Валин не мог не видеть в ней привлекательную девушку. Как правило, солдаты на Островах не завязывали друг с другом романтических отношений. По ту сторону пролива, на Крючке, можно было задешево найти шлюх обоих полов; к тому же никому не нужны были ссоры влюбленных, каждый из которых умеет убивать десятками различных способов. Тем не менее Валин порой обнаруживал, что его взгляд отвлекается от текущего упражнения и останавливается на Ха Лин, на ее капризно вздернутой верхней губке, на ее формах, угадывающихся под черным мундиром. Он старался держать такие взгляды (неловкие и непрофессиональные) при себе, однако по скупой усмешке, временами появлявшейся на лице девушки, догадывался, что она не раз на них его ловила.

...И кажется, не имела ничего против. Случалось, Ха Лин глядела на него в ответ, смело и обезоруживающе. Легко представить, какое чувство могло бы возникнуть между ними, если бы они выросли где-нибудь в другом месте – там, где слово «тренировки» не заключало в себе всю их жизнь... Хотя, разумеется, для Валина уй-Малкениана таким местом был бы Рассветный дворец со своими правилами и запретами. И там Валин, член императорской семьи, мог бы любить ее с тем же успехом, как и сейчас, будучи простым солдатом.

«Забудь», – сердито приказал он себе.

Он прибыл сюда, чтобы отлично выполнить упражнение, а не чтобы все утро мечтать о другой жизни.

– Профессиональная работа, – одобительно сказала Лин.

Она, по-видимому, не заметила, что его мысли унеслись далеко. Вытащив палец из раны, девушка вытерла загустевшую кровь о свою черную униформу.

– Вполне глубоко, чтобы проткнуть почку, но не настолько, чтобы нож застрял в ребрах.

– Тут таких много, – кивнул Валин. – Больше, чем можно ожидать от дилетантов.

Он еще мгновение помедлил, разглядывая лиловый отек на трупе, затем выпрямился и посмотрел вдаль, поверх плещущей зыби Железного моря. После увиденного было приятно хоть на минутку обратить взгляд на незамутненную синеву и простор полуденного неба.

– Хватит лодырничать! – взревел Адаман Фейн, отвечивая Валину могучую затрещину.

Он расхаживал по палубе взад и вперед, перешагивая через распростертые тела, словно через обломки мачты или мотки веревки.

– А ну-ка все на корму! Шевелите задницами!

Массивный лысый инструктор обучал кадетов кеттрал уже более двадцати лет. До сих пор он каждое утро перед рассветом переплывал пролив до Крючка и обратно. Ему редко хватало терпения на кадетов, болтающихся без дела во время его упражнений.

Валин присоединился к остальным. Разумеется, все они были ему знакомы. Кеттрал – боевое подразделение, столь же немногочисленное, сколь элитное. Огромные птицы, которые забрасывают солдат в тыл противника, могут перенести зараз не более пяти-шести человек. Кеттрал нужен империи в тех случаях, когда задание должно быть выполнено быстро и незаметно – для всего прочего у нее имеются аннурские легионы, флот и морская пехота.

Тренировочная группа Валина состояла из двадцати шести человек. Семеро из них прилетели вместе с Фейном на брошенный корабль, выбранный им для утреннего упражнения. Странная подобралась команда: Анник Френча, тоненькая как мальчишка, с белоснежной кожей и безмолвная, словно камень; жестоко ухмыляющийся Балендин с ястребом на плече; высокий серьезный Талал с ясными глазами на угольно-черном лице; Гвенна Шарп, невероятно безрассудная и вспыльчивая; Сами Юрл, надменный белокурый сын одного из самых могущественных атрепов империи, бронзовый, словно бог, и смертоносный, словно змея, виртуоз во владении клинками. У них было не так уж много общего, за исключением того, что кто-то в командовании решил: когда-нибудь каждый из них сможет очень-очень эффективно убивать людей. При условии, что никто не убьет их раньше.

Все их образование, все тренировки, восемь лет изучения языков, навыков работы со взрывчатыми веществами и навигации, учебные бои с оружием и без, бессонные ночи на вахте, нескончаемые жесточайшие физические нагрузки – для укрепления как тела, так и духа, – все это было направлено на одну цель: Халову пробу. Валин помнил свой первый день на Островах так ясно, словно картина была выжжена в его мозгу. Новобранцы сошли с корабля под шквал проклятий и оскорблений, их окружили разгневанные лица ветеранов, называвших этот далекий архипелаг своим домом и принимавших в штыки любое вторжение, даже когда речь шла о тех, кто готовился пойти по их стопам. Не успел Валин сделать двух шагов, как кто-то заехал ему в скулу, а потом ткнул лицом в мокрый соленый песок и держал, пока он не начал задыхаться.

– Зарубите себе на носу! – проорал кто-то (один из командиров?). – Если какой-то бюрократ-недоумок решил отправить вас сюда, на наши драгоценные Киринские острова, это еще не значит, что вы станете кеттрал! Не пройдет и недели, как кто-то из вас взмолится о пощаде! Других мы ломаем на тренировках. Многие умрут: кто-то свалится с птицы, кто-то сгинет в весенних штормах, кто-то, жалко всхлипывая, даст себя засосать в гнилой ил какой-нибудь мерзкой ханнской заводи... И это будут счастливики! Этим ребятам, черт возьми, повезет! Потому что тех из вас, кому удача или упрямство помогут выжить после всех тренировок, в конце ждет Халова проба!

Халова проба... После восьми лет перешептываний и обмена домыслами и Валин, и остальные кадеты имели о ней не большее представление, чем когда впервые ступили на Карш. Она всегда казалась такой далекой, почти неразличимой – словно корабль, еще не показавшийся из-за горизонта. Нет, о ней не забывали, но какое-то время ее можно было не принимать во внимание, – в конце концов, если ты не переживешь годы тренировок, предшествующие Пробе, какая разница? И вот, однако, эти годы прошли, и Проба наконец постучала в дверь,

словно заждавшийся кредитор. Всего лишь через месяц с небольшим Валину и остальным предстоит завоевать звание полноправного кеттрал – или умереть.

– Пожалуй, сегодня наш парад некомпетентности откроет Ха Лин!

Голос Фейна вернул Валина к реальности. Инструктор махнул девушке огромной ручищей, приказывая начинать.

Это было стандартное упражнение. Кеттрал постоянно таскали кадетов на места недавних побоищ, обследование которых должно было одновременно и закалить их, приучая к смерти, и отточить их понимание тактики боя.

– На корабль напали ночью, – заговорила Лин четко и уверенно. – В противном случае люди на палубе успели бы подготовиться к атаке. Напали со штирборта: на перилах можно заметить углубления от крючьев. Когда...

– Шаэль сладчайший на палочке! – перебил Фейн, останавливая ее взмахом руки. – Любой первокурсник это скажет! Пожалуйста, у кого-нибудь здесь найдутся замечания не столь оскорбительно очевидные?

Повернувшись кругом, он остановил взгляд на Валине:

– Как насчет нашего всесиятельного высочества?

Валин терпеть не мог это титулование. Для начала, оно не вполне соответствовало действительности – несмотря на то что отец Валина был императором, сам он не являлся претендентом на Нетесанный трон. К тому же на Островах его высокое происхождение не имело значения. Здесь не существовало ни сословий, ни привилегий. Если на то пошло, Валину, пожалуй, приходилось трудиться даже больше остальных, при этом он давно уяснил: любые жалобы лишь глубже окунали его в дерьмо. На данный момент желания нырнуть глубже у него не было, поэтому он просто вздохнул и заговорил:

– Команда корабля даже не успела сообразить, что у них проблемы...

Фейн оборвал его, фыркнув и рубанув ладонью воздух:

– Я дал вам десять минут на осмотр этой Кентом клепанной козьей шаланды, и все, на что ты способен, – это понять, что атака была внезапной? Чем ты там занимался эти десять минут? Стаскивал с трупов кольца и обшаривал карманы?

– Но я только начал...

– И уже закончил! Что у тебя, Юрл? – Фейн указал на высокого блондина. – Может, дополнишь исчерпывающие выводы его всесиятельного высочества?

– О, здесь так много можно рассказать... – отозвался Сами Юрл, с довольной ухмылкой поглядывая на Валина.

– Вот же сучий слюнолиз, – прошипела Лин сквозь зубы, так что ее мог слышать только Валин.

Хотя все кадеты терпели одни и те же лишения и стремились к одной цели, в группе была своя иерархия. Большинство записались в солдаты, влекомые смешанным желанием защищать империю, повидать мир и полетать на огромных птицах, доступ к которым имели только кеттрал. Крестьянскому сыну с сианских равнин сложно было даже представить возможности, предлагаемые кеттрал. Нашлись, однако, и те, кто прибыл на Острова по другим причинам. Безнаказанно драться, причинять боль, отнимать жизни – все это манило некоторых людей, как гниющая плоть манит стервятников. Несмотря на красивое лицо и гладкую кожу, Сами Юрл был жестоким и опасным бойцом. В отличие от большинства кадетов, он, по-видимому, не собирался прощаться с прошлым и расхаживал по Островам с таким видом, будто все должно перед ним пресмыкаться. Можно было не брать его в расчет, решив, что он всего лишь изнеженный надутый болван из вельмож, папенькин сынок, которому посчастливилось пробиться в кадеты благодаря деньгам или семейным связям. Однако, как ни противно признавать, Юрл был успешным и коварным противником и управлялся с холодным оружием лучше многих

полноправных кеттрал. За эти годы он десятки раз избивал Валина в кровь – и если ему нравилось побеждать, то еще больше нравилось измываться над побежденными.

– Исходя из температуры воздуха, количества мух и степени разложения тел, на них напали три дня назад. Как уже сказала Лин, – Юрл метнул в ее сторону насмешливый взгляд, – атаковали ночью, в противном случае команда успела бы лучше вооружиться. Когда пираты оказались на палубе...

– Пираты? – резко переспросил инструктор.

Юрл пожал плечами и, повернувшись к ближайшему трупу, небрежно откинул ногой его голову, чтобы открыть разруб, зиявший от ключицы до груди.

– Характер ранений соответствует оружию, которое обычно в ходу у подобной швали. Трюм разграблен. Напали на корабль и вынесли товар. Типичный подход: трахнул бабенку – вали из избенки.

Балендин захохотал. Лин ошетибилась, и Валин предостерегающе положил ладонь на ее предплечье.

– Им повезло, – добавил Юрл, – что на борту не оказалось профессионалов.

Его тон подразумевал, что, если бы на вахте стоял он, атакующих ждал бы совсем другой прием.

– Это не пираты, – возразил Валин.

Фейн вздернул кустистую бровь:

– О, Светоч Империи вновь заговорил! Не желает почивать на лаврах, столь пронизательно распознав, что атака была внезапной. Открой же нам глаза, прошу!

Валин не повелся на провокацию. Инструкторы кеттрал умели влезть в душу быстрее, чем песчаная блоха – под кожу, и в том числе поэтому были хорошими наставниками. Если кадет не умеет сохранять трезвую голову, он едва ли окажется стоящим солдатом, когда полетят стрелы. Фейн виртуозно выводил человека из себя.

– Эта не обычная команда из моряков и нескольких морских пехотинцев, нанятых охранять груз, – заметил Валин. – Они были профессионалы.

– Профессионалы! – ухмыльнулся Юрл. – Еще бы. И именно поэтому они валяются по всей палубе, как дохлые червяки.

– У тебя был шанс поработать языком, Юрл, – оборвал его Фейн. – А теперь заткнись и смотри, как наш золотой мальчик пытается избежать очередного конфуза.

Валин, скрывая улыбку, кивнул инструктору и продолжил:

– Действительно, выглядит команда совершенно обычно. Такие люди и плавают дюжинами на подобных шлюпах по всему морю, от Антеры до Поясницы. Но из двенадцати коек разобраны только две. Значит, десять человек постоянно оставались на палубе. Они были готовы к нападению.

Он сделал паузу, выжидая, пока до окружающих дойдет смысл сказанного.

– Отмечу их оружие. Тоже с виду ничего особенного. – Он взял из рук ближайшего мертвеца стандартный палубный кинжал и поднес его к свету. – Однако это лиранская сталь. Что это за купеческое судно, на палубе которого дежурят десять человек, вооруженных лиранскими клинками?

– Я очень надеюсь, – протянул Фейн, – что ты намерен дойти до сути прежде, чем зайдет солнце.

Он говорил скучающим тоном, однако Валин заметил искорку в его глазах. У старого инструктора было что-то на уме.

– Я только хочу сказать, если эти ребята профессионалы, то и те, кто напал на корабль и покромсал их в куски, вряд ли заурядные пираты.

– Ну что же, – отозвался инструктор, оглядывая кучку столпившихся кадетов, чтобы убедиться, что все следят за ходом рассуждений. – Даже слепая лошадь рано или поздно находит дорогу в стойло.

По меркам Гнезда это сомнительное замечание могло считаться высокой похвалой. Валин кивнул, скрывая удовлетворение. Губы Сами Юрла скривились в хмурой гримасе.

– Десять минут на борту, – вещал Фейн, сверкая глазами, – и только наш императорский сувенир поднатужился и высказал хоть одну здравую мысль об этой Кентом клятой развалине! Я выделил двух птиц и притащил вас сюда не для того, чтобы вы все утро проковырялись друг у друга в задницах! Обойдите все еще раз. Теперь с открытыми глазами. И найдите мне хоть что-нибудь стоящее!

Восемь лет назад такой разнос устыдил бы Валина до мозга костей. Однако подобный стиль общения был на Островах в порядке вещей, так что он лишь сухо кивнул Фейну и повернулся к Лин.

– Разделимся? – предложил он. – Ты оставайся наверху, а я еще раз пройду по трюму.

– Как скажешь, о божественный Светоч Империи, – отозвалась она с усмешкой.

– Позволь напомнить тебе, – предостерег Валин, сузив глаза, – что ты сильно уступаешь Фейну по габаритам.

Она поднесла ладонь к уху:

– Что? Что это было? Кажется, прозвучало как... угроза?

– К тому же ты всего лишь девчонка.

На Киринских островах такая подначка не имела большого смысла – здесь треть солдат были женского пола. В других имперских войсках идею о смешанном боевом подразделении подняли бы на смех, однако кеттрал имели дело с нестандартными ситуациями – ситуациями, в которых хитрость, маскировка, обманные маневры и неожиданные ходы имели не меньшую важность, нежели грубая сила и скорость действий. Но коль уж Лин решила доставать Валина по поводу происхождения, он тоже не даст ей спуску.

– Жаль было бы перекинуть тебя через колено и отшлепать хорошенько, – добавил он, грозя ей пальцем.

– Ты ведь знаешь, что Шалиль научила нас разбивать мужикам яйца? – отозвалась Лин. – Оказывается, это очень просто! Как грецкий орех расколоть.

Она продемонстрировала одной рукой быстрое скручивающее движение, от которого Валина передернуло.

– В общем, давай ты останешься здесь, – сказал он, поспешно отступая, – а я посмотрю, не пропустили ли мы чего-нибудь внизу.

Лин оценивающе прищурилась:

– Знаешь, если подумать, больше даже напоминает каштан...

Валин откинул крышку люка и спрыгнул вниз прежде, чем она успела договорить.

Трюм корабля был низким и темным. Несколько лучиков света прорывались сверху через незаконопаченные щели в палубе, но основное пространство заливала густая черная тень. Как правило, если корабль захватывали подобным образом, надежды найти что-либо в трюме не было, поэтому из кадетов здесь пока что побывали немногие. Тем не менее всегда стоило порыскать там, куда другие не смотрели.

Когда глаза привыкли к полумраку, Валин двинулся вперед, осторожно пробираясь между бочонками и тюками. Днище судна под ним мягко покачивалось, волны плескались о корпус. Нападавшие действительно вынесли большую часть груза – если груз вообще был. Согласно чернильной маркировке, в оставшихся бочонках перевозили вино из Сиа, хотя обычно делали это посуху, более коротким путем до столицы. Возле переборок оставалось несколько закрепленных ящиков, Валин взломал один из них поясным ножом: тюки хлопка,

также из Сиа. Хороший товар, но не то, за чем охотятся профессионалы. Он вскрывал следующий ящик, когда до его слуха донесся звук, похожий на тихий стон.

Не думая, Валин вытащил один из двух стандартных коротких мечей, закрепленных крест-накрест у него за спиной.

Звук исходил откуда-то спереди, от носовых шпигатов. По правилам, крыло Фейна должно было предварительно обыскать все и убедиться, что на судне не осталось никого живого или несвязанного, прежде чем высаживать Валин и остальных кадетов. Однако Фейну, одному из самых горячих инструкторов Гнезда, гораздо больше нравилось размахивать клинком, чем шарить под палубой, нащупывая пульс у трупов. Нет, он, конечно же, заглянул в трюм – но не более. При таких условиях тяжелораненого вполне могли принять за мертвого.

Несколько мгновений Валин размышлял, не позвать ли кого-нибудь. Если один из моряков действительно выжил, нужно немедленно сообщить Фейну. С другой стороны, он не был уверен, что правильно распознал звук, и ему вовсе не улыбалось орать, созывая сюда всю команду, только для того, чтобы обнаружить какого-нибудь забытого козленка, толкущегося под палубой. Бросив беглый взгляд через плечо, Валин беззвучно скользнул вперед – одна рука на пояском ноже, в другой выставленный перед грудью короткий меч: стандартная позиция для ближнего боя.

Человек лежал, забившись в самый нос, спиной к косо уходящей вверх килевой балке, распростертый в луже собственной крови. Сперва Валин решил, что тот действительно мертв, что это трос скрипнул на кабестане или треснула древесина, которую повело на солнце. Потом моряк открыл глаза.

Они блестели в полумраке трюма, безумные, налитые мучительной болью.

Валин сделал еще полшага вперед и остановился. «Ничего не предполагай». Эта фраза составляла первую главу «Тактики» Гендрана – книги, которую практически каждый кеттрал знал наизусть. Судя по виду, человек был на грани смерти, однако Валин не стал подходить ближе.

– Ты меня слышишь? – вполголоса спросил он. – Как сильно ты ранен?

Глаза моряка метались в глазницах, словно ища источник звука, пока наконец не остановились на Валине.

– Ты... – еле слышно просипел он.

Валин взглянул внимательнее. Он никогда не встречал этого человека прежде, во всяком случае не здесь, на Островах, – однако в лихорадочном взгляде моряка сквозило узнавание, которое приковало Валина к месту.

– Ты бредишь, – осторожно произнес юноша, подбираясь ближе.

Кажется, человек не притворялся, разве что он был профессиональным актером.

– Куда ты ранен?

– У тебя... глаза... – слабым голосом отозвался моряк.

Валин замер. Обычно, упоминая «глаза», люди говорили о его отце, Санлитуне, или его брате Кадене – оба обладали знаменитым огненным взглядом, пылающими радужными оболочками, которые отмечали их как наследников самой Интарры и полноправных императоров Аннура. Даже у его старшей сестры Адер были такие глаза, хотя она, женщина, не имела шансов взойти на Нетесанный трон. В детстве Валин им смертельно завидовал – однажды он даже чуть не ослеп, пытаясь зажечь собственные глаза горящим сучком. Правда, однако, состояла в том, что взгляд Валина был не менее обескураживающим: черные зрачки, почти невидимые на фоне угольно-бурых радужных оболочек. Как говорила Ха Лин: если у Кадена глаза горели огнем, то у Валина – мерцали золою.

– Мы шли... за тобой, – упорно продолжал моряк.

У Валина внезапно закружилась голова, его зашатало, словно корабль заплясал на беспорядочных волнах.

– Почему? Кто «мы»?

– Эдолийцы... – выговорил раненый. – Нас послал император.

Эдолийская гвардия! Это объясняло и профессиональную подготовку, и лиранскую сталь. Личные телохранители императора были, разумеется, хорошо обучены и хорошо экипированы. Не считая кеттрал, это были самые знаменитые войска империи, люди с железной волей, чья преданность аннурскому трону вошла в легенды. Ярл Геннер, основатель ордена, постановил, что гвардейцы не должны иметь ни жен, ни детей, ни собственного имущества – чтобы обеспечить их безграничную преданность императору и гвардии.

Но как эдолийцы оказались здесь, на этом клипере, в трех неделях плавания от столицы? И почему все они мертвы или при смерти? Неясно было, и кто мог взять подобный корабль на abordаж и перебить людей, бывших в числе лучших воинов в мире. Валин бросил взгляд через плечо, в тусклый полумрак трюма, однако те, кто устроил это побоище, по всей видимости, давно скрылись.

Гвардеец резко и часто дышал от усилий и боли, которую доставляла ему речь, тем не менее снова заговорил сквозь стиснутые зубы:

– Заговор. Был... заговор. Мы должны... забрать тебя... защищать...

Валин искал смысл в этом заявлении. В Аннуре существовало множество сомнительных политических альянсов, однако кеттрал потому и избрали Киринские острова в качестве тренировочной площадки и своей базы, что те находились в сотнях лиг от любых группировок. К тому же на Киринах никто не жил, кроме самих кеттрал. И если об эдолийской гвардии рассказывали истории, то о кеттрал слагали легенды. Только сумасшедший мог задумать атаку на Острова.

– Жди здесь, – сказал Валин, хотя раненый вряд ли мог куда-то деться. – Я должен доложить Фейну. Командирам Гнезда.

– Нет! – с усилием проговорил эдолиец, выдернув из-под куртки окровавленную руку и протягивая ее к Валину; его голос зазвучал с поразительной силой. – Кто-то из здешних... участвует... может быть, из командиров...

Валину словно вlepили пощечину.

– Кто? Кто участвует?

– Не знаю...

Солдат устало качнул головой, затем уронил ее на плечо. Из-под его куртки выбилась ярко-алая струя крови, угасающими толчками брызгая на Валина и на пол трюма. Артериальная, подумал Валин. Однако... при повреждении артерии люди умирают в считанные минуты, а не несколько дней. Эдолиец должен был истечь кровью к тому времени, как налетчики попрыгали обратно через планширь. Валин шагнул вперед, осторожно приподнял куртку на груди солдата, внимательно рассмотрел длинный разрез, потом перевел взгляд на залитую кровью руку, безвольно упавшую на колени раненого.

– Да нет, не может быть... – пробормотал он.

Однако доказательства были налицо. Все это время эдолиец зажимал собственную артерию – всунул пальцы в прорезь своей плоти, нащупал скользкую трубочку и стиснул ее, не давая крови вытечь. Это было возможно – Эллен Финч обучала подобной технике на медицинской практике; но даже она признавала, что так можно продержаться максимум день, если очень повезет. Эдолиец оставался в живых почти три дня, дожидаясь хоть кого-нибудь и молясь тому из богов, которому верил и который бросил его на произвол судьбы.

Валин приложил палец к шее раненого. Пульс забился... притих... замер.

Он протянул руку, чтобы закрыть эдолийцу глаза, когда его накрыло оглушительным ревом Фейна:

– Кадеты, на палубу! Птица на посадке!

Как раз когда Валин открывал люк, утреннюю тишину разрезал пронзительный крик кеттрала. Юноша сгорал от желания рассказать кому-нибудь об услышанном, однако предупреждение умирающего еще звучало в его ушах: «Кто-то из здешних участвует». Впрочем, в данный момент он вряд ли смог бы с кем-нибудь поделиться, поскольку все глаза были устремлены в небо. Гигантская птица планировала на палубу, закрывая черными крыльями солнце.

Даже спустя восемь лет на Островах – восемь лет, на протяжении которых он учился летать и сражаться на кеттралах, пристегиваться к ним, десантироваться с них, – Валин так до конца к ним и не привык. Если верить историческим архивам, птицы были старше людей, старше даже кшештрим и неббарим; их вид возник во времена, когда по земле ходили боги и чудовища. И хотя войска кеттрал обнаружили и вроде бы приручили их, темные, влажные глаза этих птиц никогда не казались Валину особенно смиренными. Вот и сейчас, стоя на открытой палубе и глядя на огромное крылатое существо в небе у себя над головой, он понимал ужас мыши, застигнутой посреди свежескошенного поля реющим в высоте соколом.

– Похоже, птичка Блохи, – сказал Фейн, прикрывая глаза ладонью. – Хотя Кент меня заберу, если я понимаю, что он делает в наших краях.

В обычных обстоятельствах Валин был бы заинтригован. Хотя Блоха тоже обучал кадетов, он был одним из самых опасных людей в коллекции Гнезда, и без того весьма грозной. Большую часть времени он проводил в полетах, то выполняя боевые задания на северо-востоке, в варварских Кровавых Городах, то воюя с ургулами, то пропадая на юге, где через Поясницу постоянно пытались пробиться племена джунглей. Его появление посреди стандартного учебного задания было событием необычным, если не беспрецедентным. Тренировки редко оживлялись подобными сюрпризами, однако после разговора с эдолийцем прибытие черной птицы показалось Валину зловещим предзнаменованием. Он окинул новым оценивающим взглядом собравшихся на палубе кадетов. Если эдолиец говорил правду, на Островах ведут игру темные силы, а Валин давно выучил у кеттрал одну вещь: неожиданности безопасны только для тех, кто их подстраивает.

Вдруг птица сложила свои семидесятифутовые крылья, плотно прижала их к телу и, словно падающее с небес копьё, устремилась к кораблю. Валин и остальные кадеты глядели во все глаза. Любой из кеттрал умел высаживаться и пристегиваться на лету; от птицы немного пользы, если не умеешь в любой момент забраться и слезть с нее. Но это? Он никогда не видел столь стремительной посадки.

– Невозможно... – выдохнула стоявшая рядом Лин, в ужасе качая головой. – Это просто невозможное...

Птица обрушилась на корабль в порыве ветра и вихре поднятого с палубы мусора, едва не сбившего Валина с ног. Хотя он прикрыл глаза рукой, в его сознании запечатлелись вонзающиеся в палубу когти и фигурка человека в черной униформе кеттрал, который выскользнул из ремней, упал на дощатый настил, перекатился и одним плавным движением поднялся на ноги. Не успел взбаламученный воздух успокоиться, как птица уже летела на север; она махала крыльями низко над волнами, оставив им Блоху.

Легендарный командир не очень походил на солдата. Если Адаман Фейн обладал высоким ростом и бычьим телосложением, то Блоха был низеньким и морщинистым, его смуглую до черноты кожу усыпали оспины, оставшиеся от перенесенной в детстве болезни, а голову, словно дым, окутывал седой пушок. Тем не менее одна его высадка служила напоминанием о том, на что способны этот человек и его крыло. Никто другой не делал таких приземлений – ни кадеты, ни инструкторы, ни Адаман Фейн; да еще на палубу дрейфующего корабля! Попробуй Валин повторить этот трюк хотя бы над водой, то мог бы считать себя счастливым, если бы не переломал себе ребра. А над пляшущей на волнах палубой... лучше даже и не думать. Ему всегда казалось, что кеттрал немного приукрашивают действительность, когда говорят, что Блоха налетал более тысячи успешных боевых заданий, но после этого...

– Что за ненужная бравада? – заметил Фейн, приподняв бровь.

Блоха поморщился:

– Прошу прощения. Меня прислало командование.

– И срочно, клянусь Кентом!

Блоха кивнул. Он оглядел кадетов и вроде бы чуть подольше задержался взглядом на Валине, затем снова обратил свое внимание на Фейна.

– Тебе и твоему крылу предписано как можно скорее подняться в воздух. Лучше бы еще вчера. Полетите на север следом за мной. К нам присоединится крыло Сендры, оно уже в пути.

– Три крыла? – ухмыльнулся Фейн. – Похоже, намечается что-то интересное! И куда мы направляемся?

– В Аннур, – ответил Блоха, по всей видимости не разделяя энтузиазма Фейна. – Император мертв.

5

Император мертв...

Слова засели в мозгу Валина, словно рыба кость, и даже сейчас, спустя несколько часов после того, как Блоха упал с неба в вихре ветра и шуме крыльев, все еще безжалостно терзали его. Это казалось невероятным – как если бы ему сообщили, что океан высох или что Земля раскололась пополам. Разумеется, смерть Санлитуна была трагедией для империи – спустя десятилетия стабильного и взвешенного правления; однако почти весь полет обратно на Кирины Валина одолевали какие-то мелочи, незначительные с виду воспоминания. Отец держит уздечку, в то время как он сам пытается усидеть на лошади, впервые оказавшись в седле. Отец подмигивает ему во время скучного торжественного обеда, пока никто не смотрит в их сторону. Отец сражается с сыновьями на мечях левой рукой, чтобы те на время подумали, что побеждают... На Киринах, как и повсюду, предстояла траурная церемония в память об императоре, но у Валина не было никого, с кем он мог бы оплакать уход близкого человека.

Он даже толком не знал, как умер отец. «Его предали», – вот все, что сказал ему Блоха. Или захотел сказать. Типичный кеттральский идиотизм: инструкторы требовали, чтобы их подопечные знали назубок все, что касалось империи, – от цен на зерно в Ченнери до длины полового органа верховного жреца, но стоило заговорить о текущих операциях, и из них невозможно было выудить ни слова. Время от времени кто-то из ветеранов мог обронить крупицу информации – имя, место, какую-нибудь мрачную деталь, – однако этого хватало, лишь чтобы разжечь аппетит, но не удовлетворить его. «Требования безопасности» – так это называлось в Гнезде. Хотя какая безопасность нужна на Кентом клятом острове с подконтрольным населением, Валин не мог взять в толк. Он более или менее примирился с такой политикой, но сейчас-то дело касалось смерти его собственного отца! Неизвестность терзала его, словно острый шип, воткнувшийся под кожу. Что значит «предали»? Отравили? Вонзили нож в спину? Подстроили «несчастный случай» в Рассветном дворце? Казалось бы, то, что он – сын Санлитуна, должно что-то значить; однако на Островах Валин был не сыном императора. Он был кадетом, таким же, как и все остальные, и узнавал ровно столько, сколько и они, ни словом больше.

После того как Блоха доставил новости, Валин решил было, что крыло заберет его и переправит обратно в Аннур для подготовки к похоронам. Однако прежде чем он успел задать этот вопрос, голос Адамана Фейна прорезался сквозь его смятение и ужас.

– Что касается тебя, о Светоч Империи, – прорычал инструктор, грубо ткнув его в плечо, – не думай, будто у тебя теперь будет что-то вроде каникул. Люди помирают постоянно, лучше уложи это в своей упрямой черепушке! Если надеешься хоть на одну жалкую попытку пережить Халову пробу, рекомендую тебе отвести мыслям об отце один час сегодня вечером и после вернуться к тренировкам.

Вот так и получилось, что, в то время как Блоха, Фейн и дюжина других кеттрал неслись над плещущей зыбью на северо-запад, к Аннуру, Валин с горсткой товарищей-кадетов, пристегнутый к когтям совсем другой птицы, летел на юг, обратно на Острова. Разговаривать было почти невозможно из-за ветра в лицо и грохота крыльев гиганта над головой, и Валин был благодарен за это подобие уединения. Блоха появился и исчез настолько стремительно, обрушил свои новости так внезапно, что Валину до сих пор казалось, будто смысл его слов еще не до конца ему ясен.

Император мертв...

Он повторял их снова и снова, словно мог поверить в их истинность по ощущениям в своей гортани, по вкусу на языке. Эдолийская гвардия должна была обезопасить отца – однако гвардия не может быть рядом повсеместно, не может отразить все удары.

Гендран писал: «Самый искусный воин, самый опытный стратег, самый одаренный полководец – все они кажутся неуязвимыми лишь до тех пор, пока удача не отвернется от них. Не обольщайтесь: удача покинет любого, кто слишком часто встречается со смертью».

Но разумеется, Санлитун мертв не из-за какой-то там долбаной удачи. Его предали, сказал Блоха. А это значит, что кто-то, а скорее всего, группа людей составила заговор, чтобы обмануть и убить своего императора. И здесь Валин вновь возвращался мыслями к эдолийцу, которого нашел в корабельном трюме всего несколькими часами ранее. Не нужно быть glavой шпионской сети или военным гением, чтобы понять: угроза жизни Валина связана с убийством его отца-императора. Конечно, это очень походило на тайный дворцовый переворот, целенаправленное устранение всех представителей семьи Малкенианов. Должно быть, Санлитун перед смертью обнаружил заговор и успел отрядить корабль с эдолийцами, призванными забрать и защитить его сына, но корабль попал в беду, и прозорливость Санлитуна не смогла его спасти. Кто-то хотел уничтожить династию Малкенианов – и, к своему ужасу, Валин понял, что им это удастся. Кто-то придет за Валином, и не только за ним, но и за Каденом. Даже Адер, возможно, грозит опасность, хотя она и не может претендовать на Нетесаный трон. Этот пресловутый факт, столь раздражавший ее в детстве, сейчас, вероятно, спасет ей жизнь... Во всяком случае, Валин на это надеялся.

«Пресвятой Хал!» – мрачно подумал юноша.

Как бы ни пугала Валина мысль о том, что некие убийцы охотятся за ним по всем Кириным островам, Каден оказался в гораздо худшем положении. В конце концов, именно Каден, а не Валин обладал золотыми глазами. Каден, а не Валин был наследником трона – точнее, уже императором! И именно Каден, а не Валин сидит сейчас один-одинешенек в каком-то далеком монастыре, совершенно не подготовленный, без охраны, и даже представления не имеет о том, что происходит...

Выполнявший обязанности пилота Лейт – он сидел наверху, закрепленный на спине кеттрала сложной ременной упряжью, – приступил к крутому развороту. Подняв голову, Валин встретил взгляд Гвенны, пристегнутой к соседнему когтю. Развевающиеся рыжие волосы окружали ее голову, словно языки пламени. Из всех кадетов Гвенна, наверное, обладала самой обманчивой внешностью. Она была похожа скорее на дочь какого-нибудь пивовара, чем на солдата элитного подразделения, – бледная веснушчатая кожа, легко обгорающая на солнце, кудрявые волосы, соблазнительные изгибы тела, которые совершенно не скрывала черная униформа. Однако внешность внешностью, а характер у нее был похуже, чем почти у любого из обитателей Островов.

Уголки ее губ были опущены, лицо сосредоточено – то ли она хмурилась, то ли так выражала сострадание, по ней никогда не скажешь.

«А вдруг она тоже замешана?» – подумал Валин.

Предположение казалось невероятным: чтобы в заговор высочайшего уровня, направленный на свержение самого влиятельного семейства в мире, вовлекли обычного кадета, даже не прошедшего Пробу? Тем не менее в зеленых глазах Гвенны была некая напряженность. Что бы это значило? Давно ли девушка за ним наблюдает? Встретившись с ним глазами, Гвенна многозначительно посмотрела на пряжку, закреплявшую ремни его обвязки на толстой чешуйчатой лапе птицы. Валин последовал ее взгляду и обомлел: оказывается, он не пристегнулся как следует! Если бы птица заложила крутой вираж, его могло бы оторвать от когтей и швырнуть в волны, плескавшиеся в тысяче шагов внизу, на верную гибель.

«Кентом клятый идиот! – выругал он себя, туго затянув ремень и коротким кивком поблагодарив Гвенну. – Кому понадобится тебя убивать, если ты и сам прекрасно справишься?!»

Усилием воли Валин отогнал от себя опасения. Какие бы заговоры против него ни плели, он ничем не может помешать, пока болтается в воздухе в своей упряжи. Когда ты пристегнут

к птице, остается только отдыхать. Он постарался поудобнее устроиться среди ремней, чуть расслабив усталые мышцы, и почувствовать хоть толику спокойствия, которое всегда ощущал, паря над волнами.

На уровне моря, вероятно, уже было жарко и влажно – день стоял из таких, когда рубашка прилипает к спине, а рукоять меча скользит в потной ладони, – однако Лейт вел птицу на высоте тысячи шагов над водой, где солнце грело, не обжигая, к тому же огромные крылья кеттрала накрывали тенью и Валина, и Гвенну, и двух других кадетов, пристегнутых и балансирующих на огромных когтях. Он закрыл было глаза, но из этого не вышло ничего хорошего: перед его внутренним взором тут же встало лицо отца. Или это лицо Кадена? Он видел лишь золотые радужные оболочки, пылающие ярким пламенем, а затем их залила хлынувшая из глазниц кровь.

Валин тряхнул головой, отгоняя видение, открыл глаза и принялся заново проверять поясной нож, короткие мечи и пряжку страховочного ремня, снова и снова проходясь по пунктам стандартного летного протокола. Потом, вдруг поняв, что Гвенна все еще за ним наблюдает, успокоил нервно мечущиеся руки и направил свое внимание на землю и море, дюйм за дюймом ползущие вниз.

Кирины показались уже почти целиком: тонкая вереница островов, словно ожерелье, брошенное поверх волн. Карш, самый крупный остров в архипелаге, лежал совсем недалеко, чуть-чуть к югу. Валин видел песчаные пляжи, густые мангровые заросли, пыльные известняковые утесы, а также разнообразные строения, входящие в комплекс Гнезда, – бараки, столовую, тренировочные площадки, склады – так ясно, словно их нанесли чернилами на карту. В гавани покачивалось на якоре несколько кораблей – судя по виду, торговый кеч и пара шлюпов, – а почти прямо под ногами, направляясь к причалу, резала буруны небольшая яхта с плавными обводами.

Карш был ему домом – не только длинные, приземистые бараки, которые последние восемь лет он делил с остальными двадцатью пятью кадетами. Или столовая, где он принимал пищу, измотанный и оглушенный после долгого дня тренировок, но весь остров – от скалистых мысов до извилистых протоков в мангровых зарослях. Знакомое, даже чем-то родное место, каким для него никогда не был Рассветный дворец. Острова были ему домом – до сегодняшнего дня.

После предупреждения эдолийца и известия о смерти отца маленький архипелаг будто изменился: он теперь казался незнакомым, опасным, полным угрозы. Возможно, на одном из кораблей в гавани засели те, кто напал на эдолийское судно и перебил команду. Возможно, кто-то в бараках или в столовой – человек, мимо которого Валин тысячу раз проходил на учебном ринге или рядом с которым трудился на складе, – замышляет его убийство. Петляющие скалистые тропки чересчур уединенные, на них слишком много поворотов и глухих местечек, где человек может запросто незаметно исчезнуть. Тренировки кеттрал открывали тысячу возможностей для разного рода «несчастных случаев» – неудачные прыжки с птицы, некачественные боеприпасы, повсюду заточенная сталь... За одно утро его дом превратился в ловушку.

Птица проскользила над широким посадочным полем к западу от гавани, и Валин спрыгнул с когтей. На краю поля его ждала небольшая группа сверстников – кто-то в замешательстве теребил поясной нож, другие открыто рассматривали его, пока он подходил. Среди кеттрал новости распространялись быстро.

Первым вперед шагнул Гент Геррен, качая массивной головой.

– Да уж, плохи дела, – буркнул он, протягивая кувалдоподобную руку.

Здоровяк-кадет был по крайней мере на фут выше Валина и соразмерно шире в плечах. Он походил на медведя – кудрявая бурая шерсть на предплечьях и груди сплошь покрывала бледную кожу – и обычно вовсе не был ручным, хотя сейчас казался несколько подавленным.

– Твой отец умел поставить дело как надо, – добавил он, явно не зная, что сказать.

– Большая потеря для империи, – вставил Талал.

Талал, подобно всем личам, старался держаться подальше от остальных. Тем не менее за прошедшие годы им с Валином довелось работать вместе на нескольких учебных заданиях, и у Валина возникло некое осторожное доверие к этому кадету, несмотря на его непонятные темные способности. В дополнение к черной униформе Талал носил целую коллекцию сверкающих браслетов, цепочек и колец, его уши были проколоты многочисленными кольцами и лабретами. У любого другого подобные украшения указывали бы на тщеславие и легкомыслие; на Талале металл поблескивал, наводя на мысли о бликующем ноже убийцы.

– Кто-нибудь знает, что там произошло? – вполголоса спросил лич.

– Нет, – отозвался Валин. – По крайней мере, не я. Мне сказали только, что это было предательство.

Гент впечатал мощный кулак в мясистую ладонь:

– Фейн с Блохой откапывают этих Кентом трепанных мерзавцев! Из-под земли достанут и разберутся как надо!

Валин без энтузиазма покивал. Картина, конечно, была заманчивой: крылья кеттрал вытаскивают заговорщиков на всеобщее обозрение, выбивают из них правду и затем казнят на аннурской дороге Богов. Это не вернет отца к жизни, но в отправлении правосудия есть свое холодное удовлетворение; к тому же Валину станет легче дышать после того, как убийц вздернут.

«Если бы только все было так просто», – хмуро подумал он.

Суровый трезвый внутренний голос подсказывал ему, что вряд ли.

– Ты бы следил за своими Кентовыми пряжками, – вмешалась Гвенна в разговор.

Яростно сверкая зелеными глазами, она уперла палец в середину Валиновой груди, так что ноготь больно вонзился в кожу.

– Еще немного, и ты отправился бы на корм медузам!

– Ну да, – ответил Валин, не двигаясь с места.

– Эй, он ведь только что узнал, что у него отца убили! – вступился Гент.

– Ах, бедняжка! – усмехнулась Гвенна. – Наверное, мы теперь должны уложить его в кровать и неделю поить теплым молоком с ложечки!

– Гвенна, – заговорил Талал, успокаивающе протягивая руку, – совсем нет необходимости...

– Есть, еще какая! – свирепо огрызнулась девушка. – Он витает в облаках и может допустить смертельную ошибку! Или из-за него погибнет кто-нибудь другой.

– Успокойся, Гвенна, – пророкотал Гент; в его голосе, словно в грохоте далекого обвала, звучало предупреждение.

Не обращая внимания на попытки ее утихомирить, Гвенна снова устремила изумрудный взгляд на Валина:

– Еще раз поймаю тебя на чем-нибудь подобном – и пишу докладную. Прямо самому Раллену. Ты понял меня?

Валин бестрепетно встретил ее взгляд.

– Я ценю тот факт, что ты заметила пряжку. Возможно, это спасло мне жизнь. Но я простился с матерью восемь лет назад, отбыв на Острова, и не нуждаюсь, чтобы ты принимала на себя ее роль.

Гвенна поджала губы, словно собиралась поспорить с этим заявлением. Валин отступил на полшага назад, слегка переместив вес тела, и убрал руку с пояса, чтобы она была свободна. Кеттрал – народ вспыльчивый, и любые стычки, даже самые мелкие, легко могли вылиться в драку. Он понятия не имел, на что Гвенна так злится, но ему доводилось видеть, как она лупит других кадетов, так что лучше было заранее подготовиться. На Большой земле нашлось бы немало дураков, которые лишь посмеялись бы над угрозой получить по морде от женщины, –

но на Большой земле женщин не тренировали перебивать трахею кулаком и выдавливать глаза пальцами.

Впрочем, спустя несколько напряженных мгновений Гвенна потрянула головой и, пробормотав что-то вроде «проклятые неумеги!», широкими шагами удалилась к баракам. Воцарилась тишина, которую нарушил Гент. Его голос звучал так, словно мешок камней катился с горы:

– Похоже, она к тебе неровно дышит.

Валин хохотнул:

– Одно тебе скажу: если после Пробы ее припишут к моему крылу, разрешаю вам обоим задушить меня во сне.

– Может, лучше ее задушить? – вступила в беседу Ха Лин.

Она высадилась со следующей птицы и, видимо, присоединилась к их группе как раз во время драматического выступления Гвенны.

– Вообще-то, обычно так и делают: враг гибнет, ты остаешься жить, что-то вроде того. Надо было внимательнее слушать инструкторов последние несколько лет.

– Гвенна не враг, – возразил Талал.

– О, ну конечно! – отозвалась Лин. – Она просто ягодка, Кент раздери!

Валин внезапно понял, что улыбается до ушей.

– Я ничего против нее не имею... – заметил он. – Если только она не пытается подсунуть мне одну из своих шуток и поджечь фитиль.

– Это точно! Лучше помереть так, чтобы все члены и достоинство остались при тебе, – согласился Гент. – От ножа. Или яда. Или утонуть. Это нормально... – Он вдруг осекся. – Ох, прости, Вал! Я полный осел...

– Не извиняйся. Ты вовсе не обязан принимать обет молчания из-за того, что моего отца убили.

– А что насчет твоего брата? – спросил Талал. – Он-то в безопасности?

Валин бросил на него пристальный взгляд. Учитывая обстоятельства, вопрос был вполне здравый, однако он слишком хорошо отражал тревоги самого Валина, чтобы выглядеть невинным. Может быть, лич выпытывает информацию?

– Ну конечно в безопасности! – воскликнул Гент. – Он же где-то в самой заднице мира, кто его там убьет? Другой монах?

– Санлитуна предали, – покачал головой Талал. – Если убили одного императора, смогут убить и второго.

– Чтобы добраться до Костистых гор, кому угодно понадобится добрая четверть года. Даже если они выехали еще вчера на самом быстром коне, – вмешалась Лин, положив ладонь Валину на плечо. – С Каденом... С императором, ничего не случится.

– Если только они не вскочили на своего быстрого коня еще пару месяцев назад, – резко возразил Валин.

Его сводило с ума неведение о том, что именно случилось с его отцом. Заметив, что до боли стиснул кулаки, он усилием воли заставил себя разжать пальцы.

– Вал, – успокаивающе заговорила Лин, – тебя послушать, так там прямо какой-то великий заговор.

– Наверняка это сделал какой-нибудь недовольный болван, которому жизнь не дорога, – добавил Гент.

«Великий заговор»... В точности так и сказал эдолиец.

– Я должен поговорить с Ралленом, – сказал Валин.

Лин вздернула бровь:

– С этим куском дерьма?

– Что поделать, он старший инструктор.

- Ох, не напоминай! – фыркнула Лин.
- Именно он решает, кто и когда может покинуть Острова. И с какой целью.
- Ты хочешь взять отпуск?
- Я мог бы добраться до Костистых гор меньше чем за неделю. Кто-то должен известить

Кадена.

Какое-то время Лин рассматривала его, словно не веря, затем поджала губы:

- Ну что ж, удачи тебе.

* * *

Какие бы мифы и легенды ни окружали это место, Гнездо – здание центрального командования кеттрал – не выглядело чем-то особенным. Для начала, несмотря на название, оно вовсе не ютилось на вершущке рокового утеса. В действительности это было приземистое строение посреди плоского участка земли в нескольких сотнях шагов от гавани. Вокруг даже не было укреплений. Когда живешь на острове, который расположен в сотнях миль от ближайшего побережья и охраняется единственным в мире летным боевым подразделением, нет большой необходимости в укреплениях. К длинному, низкому каменному строению, обращенному фасадом к плацу, вели всего несколько ступеней. Такое здание могло бы служить конюшной какому-нибудь провинциальному дворянину или же складским помещением умеренно преуспевающему торговцу. И тем не менее именно в этой невзрачной коробке командование Гнезда принимало решения и отдавало приказы о свержении правителей и завоевании империй.

Валин взлетел по ступеням, ударом кулака открыл дверь и углубился в каменный коридор, высекая ботинками искры из каменных плит. По обе стороны коридора шли ряды одинаковых красно-коричневых дверей, на которых не было ни табличек, ни каких-либо опознавательных знаков для новичков: раз не знаешь, где найти человека, к которому пришел, тебе и делать здесь нечего. Валин остановился перед кабинетом Якоба Раллена, старшего инструктора кадетов. Вообще-то, следовало постучать, но Валин был не в том настроении, чтобы соблюдать правила хорошего тона.

Раллен, один из немногих на Островах, не обладал характерной для кеттрал брутальной внешностью. На самом деле его вообще трудно было принять за солдата. Эти острые глазки-бусинки и постоянно потеющая лысина больше подходили мелкому чиновнику, нежели воину, и, если не считать короткого ножа, какие носили за поясом все кеттрал, Валин подозревал, что Раллен не брал в руки оружия уже лет пятнадцать. Конечно, он, как и все, ходил в черной униформе, но он был толстым, чтобы не сказать жирным, и, когда вставал, его живот непристойно нависал над брючным ремнем.

«Наверное, поэтому он и не встает», – подумал Валин.

Сам он стоял навытяжку, приказывая себе сохранять молчание и ждать, когда начальник поднимет голову от лежащего перед ним документа.

Раллен вскинул толстый палец.

– Ты прервал меня посреди важного дела, – продудел он, не отрывая взгляд от столбиков цифр на пергаменте, – поэтому придется потерпеть.

Дело не казалось таким уж важным – несколько перепачканных жиром листков по соседству с тарелкой недоеденного куриного жаркого, – но Раллен с радостью заставлял людей ждать. Демонстрировать власть, по-видимому, он любил не меньше, чем набивать едой брюхо.

Валин глубоко вздохнул. В тысячный раз он пытался найти в себе хоть искорку симпатии к этому человеку. В конце концов, Раллен не сам выбрал себе жизнь беспомощного инвалида. Некогда он прошел Халову пробу и даже летал на задания – как минимум на одно задание. Он сломал ногу во время ночной высадки и с тех пор не мог ходить без палки. Жестокая

участь для человека, который провел восемь лет в тренировках, и Раллен не сумел принять ее с достоинством. По всей видимости, он ненавидел всех, кому повезло больше, чем ему, – и Валин, с его императорской родословной и детством, проведенным в роскоши, неизбежно оказывался в первой строчке списка.

Бессчетное число раз Валину приходилось драить сортиры, или стоять третью вахту, или чистить конюшни в наказание за едва уловимые нарушения ничтожнейших из правил. Было бы гораздо проще испытывать жалость к Раллену, если бы его не назначили старшим инструктором. Поначалу это приводило Валина в недоумение: зачем кто-то поставил на руководящую должность некомпетентного, недисциплинированного, недееспособного человека, да еще и без опыта боевых действий? Однако спустя несколько лет на Островах он, кажется, начал понимать. Обучение кеттрал касалось далеко не только техники боя. Оно включало в себя умение обращаться с людьми, сохранять спокойствие в сложных ситуациях. Никто, разумеется, никогда не говорил ничего подобного, но Валин понемногу стал подозревать, что Раллен тоже являлся частью учебного плана. Поэтому сейчас он просто вдохнул поглубже и приготовился ждать.

– Ага, – произнес старший инструктор, наконец отрывая взгляд от своих бумажек. – Валин. Сожалею о твоей утрате.

В его голосе было не больше сожаления, чем в голосе мясника, обсуждающего свинину, но Валин кивнул в ответ:

– Благодарю.

– Тем не менее, – вещал Раллен, поджимая губы, – я надеюсь, ты пришел сюда не с просьбой о какой-либо... поблажке в тренировках, прикрываясь этим оправданием. Кеттрал остаются кеттрал, какая бы трагедия их ни постигла.

– Не с просьбой, сэр, – отозвался Валин, пытаясь сохранять самообладание. – С запросом.

– Ох, ну разумеется! Как это глупо с моей стороны. Великий Валин уй-Малкениан выше этого! У тебя, наверное, есть специальные рабы, которые за тебя просят?

– Не больше чем у вас, сэр.

Раллен сузил глаза:

– Это еще что такое? Я не потерплю неуважительного обращения в своем кабинете, какие бы у тебя там ни были особые обстоятельства...

– Никакого неуважения, сэр. Просто запрос.

– Ну и? – нетерпеливо поторопил инструктор, размахивая рукой, словно все это время ждал, пока Валин приступит к делу. – Ты дойдешь наконец до сути или так и будешь тратить мое и свое время?

Валин ринулся как в омут:

– Я хочу взять птицу, чтобы лететь на север. В Ашк-лан. Каден ничего не знает о смерти нашего отца. Ему может грозить опасность.

Какое-то мгновение Раллен просто смотрел на него, выпучив глаза на мясистом лице. Потом он перегнулся пополам, трясясь от хохота – раскатистого, циничного, жестокого.

– Ты хочешь... взять птицу, – еле выговорил он между всхлипами. – Это великолепно! Просто великолепно! Все до последнего кадеты тренируются в преддверии Халовой пробы, готовясь стать настоящими кеттрал, а ты... ты хочешь попросту улизнуть! Настоящий императорский сынок!

– Дело не во мне, сэр, – упрямо возразил Валин. – Я беспокоюсь о брате.

– О да, ну конечно! И конечно же, ты – самый подходящий человек для этой задачи! У императора имеется целая эдолийская гвардия, люди, которых специально тренировали только для одной цели – обеспечивать его безопасность; но ты считаешь, что неоперившийся кадет, еще даже не прошедший Пробу, способен лучше обо всем позаботиться? А вдруг те, кто там, в

Аннуре, принимает решения, даже не подумали о таком варианте? Они попросту не понимают, насколько ты серьезная фигура!

В глубине души Валин и не ожидал, что ему дадут птицу, но попытка не пытка. По крайней мере, она подвела его к истинной цели.

– Хорошо, если не я, то пускай туда пошлют крыло. Крыло ветеранов. Может быть, Блоха...

Но Раллен уже махал рукой, призывая его к молчанию:

– Блоха на севере вместе с Фейном и полудюжиной других крыльев пытается выяснить, что там, Шаэля ради, произошло. В любом случае эта работа не для кеттрал. Как я только что тебе объяснил, у императора, да будут благословенны дни его жизни, имеется для охраны эдолийская гвардия. Здесь, на Островах, вас учат – тех из вас, кого можно хоть чему-то научить, – убивать людей, а не беречь их жизнь. С императором ничего не случится. Это не твоя забота, да и не моя, если на то пошло.

– Но, сэр...

– Не хочу ничего слышать, – отрезал Раллен.

– Может быть, если я поговорю с Давин Шалиль...

– Шалиль не станет с тобой говорить.

– Но если бы вы замолвили за меня словечко...

– Делать мне нечего, как бегать на посылках у балованного императорского сынка.

– Понимаю, – процедил Валин, разглядывая обглоданный остов курицы. – Обед, конечно, важнее.

Раллен наполовину вытащил свою тушу из кресла и навис над столом. Его лицо побагровело.

– Ты забываешься, кадет!

Валин зашел слишком далеко. Он понимал это, еще когда слова только готовились слететь с языка, и тем не менее не смог проглотить их.

– Ты считаешь, – пыхтел Раллен так тяжело, что Валин подумал, как бы его не хватил удар, – только потому, что ты сын императора, ты имеешь право вваливаться сюда и чего-то требовать? Ты так считаешь?

– Нет, сэр, – ответил Валин, надеясь перевести разговор в другое русло.

– У тебя нет такого права! У тебя нет права судить и нет права оспаривать чьи-либо решения. Повиновение, кадет! Вот все, что ты можешь здесь демонстрировать.

Валин сжал зубы и кивнул. Будь у него выбор, он обратился бы со своей просьбой непосредственно к Шалиль. Она командовала всеми полевыми операциями на северо-востоке Вашша, а значит, координировала действия кеттрал в одном из наиболее опасных мест в мире. Помимо этого, она была на Островах одним из самых закаленных и разумных бойцов. К несчастью, какие бы вольности ни допускали у себя кеттрал, их иерархия была столь же нерушима, как и в любом другом аннурском военном ордене. Если бы Валин попытался вломиться в обход старшего инструктора непосредственно в кабинет к Шалиль, его отправили бы драить сортиры быстрее, чем он успел бы оттарабанить солдатский устав. И, кроме того, в его ушах еще звучали слова умирающего эдолийца: «Кто-то из здешних... участвует... может быть, из командиров...»

– Прошу прощения, сэр, – проговорил он, стараясь подпустить в голос как можно больше примирительных ноток. – Мое дело служить и повиноваться. Я превысил свои полномочия и за это добровольно вызываюсь нести третью вахту каждую вторую ночь на этой неделе.

Раллен откинулся на спинку кресла и долгое время рассматривал Валина прищуренными глазами. В конце концов он медленно кивнул:

– Это верно. Ты действительно превысил свои полномочия. Ты должен втемяшить в свою упрямую черепушку, что не ты здесь принимаешь решения. Решения. Принимаешь. Не ты. – Он улыбнулся. – Третья вахта весь месяц. Думаю, этого хватит, чтобы ты запомнил урок.

6

– Утром мы об этом пожалеем, – сказал Валин, устремляя взгляд в глубины пивной кружки.

– Нам и раньше случалось напиваться, – ответила Лин, свободной рукой подзывая к себе Салию, служанку. – И по меньшим поводам. Твой отец недавно умер; никто не ждет, что ты сейчас начнешь плавать дистанции вокруг Островов.

«Твой отец недавно умер»... Даже неделю спустя эти слова били стальным кулаком под дых. Нет, Лин не была жестокой, просто ее, как и всех остальных кеттрал, давно выучили говорить ясными, четкими фразами, какие требовались в бою. Ходить в разговоре вокруг да около было все равно что появиться на поле боя в кружевах.

– Думаю, Раллен был бы счастлив застать меня за таким занятием, – возразил Валин, облакачиваясь на стол и подперев лоб ладонью.

Лин сдвинула брови, одним глотком допила эль, потом снова нахмурилась.

– Раллен – вонючий кусок дерьма. Какая мерзость назначить тебя на третью вахту в такое время!

– Я сам вызвался. Это был единственный способ убраться из его кабинета и избежать чего-нибудь похлеще.

– Не считая того, чтобы вообще там не появляться.

– Я должен был попытаться! – отрезал Валин. – Имперской делегации добираться до Кадена минимум два месяца: несколько недель по морю, а потом еще вдвое дольше верхом от Изгиба на север. Они обязаны были послать крыло кеттрал!

Его голос прозвучал горше, чем он рассчитывал. Уже неделю Валин стоял третью вахту, плюс дневные тренировки перед Пробой, ночные оглядки по сторонам, безмолвное оплакивание отца и постоянная грызущая тревога за Кадена... Естественно, как только выдалась свободная минутка, он прыгнул в первую попавшуюся лодку, плывущую через пролив на Крючок, в несколько шагов преодолел короткий переулочек, выведивший к заведению Менкера, и успел опорожнить пять кружек эля еще до того, как Лин переступила порог. Все было в точности, как говорили кеттрал: бежишь на Крючок от своих проблем и возвращаешься с кучей новых.

Хотя Гнездо и приглядывало за тем, что творится на Крючке, контроль здесь был далеко не таким тотальным, как на других островах. Порой казалось, что за этим местом вообще никто не следит. Здесь не было ни мэра, ни городской стражи, ни купеческого совета, ни местной аристократии. Лин называла его «Шаэлевым рассадником пиратов» и, как предполагал Валин, была недалеко от истины. На острове по большей части оказывались люди отчаянные: кто-то скрывался от огромных долгов, кто-то – от смертного приговора или других подобных неприятностей. Всегда было ощущение, что они сбежали бы и еще дальше, да вот только дальше было уже некуда.

Подобно большинству островных построек, трактир Менкера громоздился непосредственно над бухтой Стервятника; все строение поддерживалось просмоленными балками, уходящими в ил на дне гавани. Снаружи трактир был выкрашен в ярко-красный цвет и будто пытался «перекричать» желтые и ядовито-зеленые здания по бокам. Внутри, однако, помещение было низким, темным и покосившимся: местечко того типа, где люди стремятся держать кошельки поближе к себе, говорят вполголоса и садятся спиной к стене. Сейчас это было Валину вполне по вкусу.

– С Каденом ничего не случится, – успокаивала Лин, несмело протягивая руку и кладя ее поверх Валиновой руки.

– Кто сказал? – прорычал он. – Если верить Блохе, моего отца убили. Десятки, сотни эдолийцев плюс Шаэлева дворцовая стража – и кто-то же умудрился его убить! Каден сидит в каком-то Кентом проклятом монастыре. Что помешает им убить и его?

– Само то, что он в монастыре. – Голос Лин был ровным и рассудительным. – Ему там безопаснее, чем в любом другом месте империи. Вероятно, именно поэтому его туда и послали изначально. Никто даже не знает, где находится этот монастырь.

Валин отхлебнул еще эля. Он колебался. Всю последнюю неделю он боролся с самим собой, решая, стоит ли рассказывать Лин об умирающем эдолийце и о заговоре, который тот ему раскрыл. Валин в ней не сомневался – из кадетов на Островах он знал Лин лучше всех. Она прикрывала его спину в десятках учебных заданий, благодаря ей он не переломал как минимум дюжину костей; да и ему доводилось вытаскивать ее из переделок. Если кому-нибудь и можно доверять, то это Ха Лин... И однако, согласно Гендрану, секретность не допускает полумер. Чем меньше людей знает, что происходит, тем безопаснее.

– Что? – спросила она, склонив голову набок.

– Ничего.

– Можешь врать мне, если хочешь, но я же вижу, что тебя что-то гложет.

– Всех что-то гложет.

– Очень хорошо; почему бы тебе не поделиться со мной?

Валин с отсутствующим видом побарабанил по краю своей кружки. Глаза Лин смотрели тепло и внимательно, в них светилась такая искренняя озабоченность, что он невольно отвел взгляд. Секретность – это, конечно, очень хорошо, но нельзя исключать возможность, что заговор против него увенчается успехом. И тогда, если его убьют, никто так и не узнает о происходящем. Кроме того, говоря начистоту, было бы здорово кому-нибудь рассказать...

Он наклонился над столом:

– Помнишь тот корабль...

На рассказ ушло совсем немного времени, и, когда он закончил, Лин откинулась назад, сделала большой глоток из своей кружки и тихо присвистнула.

– Мешкент, Ананшаэль и вся их дерьмовая семейка! – вполголоса выругалась она. – И ты ему веришь?

Валин пожал плечами:

– Обычно люди не врут на смертном одре.

– Но кто это может быть?

Он медленно втянул воздух сквозь зубы:

– Понятия не имею. Я сто раз перебрал все имена. Да кто угодно.

– Раллен занимает высокий пост в командовании. И он не любит тебя, – заметила Лин.

– Раллен, прокляни его Кент, слишком ленивая свинья, он не может даже поднять свой жирный зад с кресла, не говоря уже о сколачивании заговора против империи.

Лин снова отхлебнула из кружки и поджала губы.

– Давай вернемся к убийству твоего отца. Если ты вычислишь, кто это сделал, то, возможно, получишь подсказку, кого искать здесь, на Островах.

Валин покачал головой:

– Я думаю об этом постоянно, как только инструкторы дают мне малейшую передышку. Блоха перед уходом рассказал не так уж много, а остальные вообще ничего не говорят.

– У твоего отца были враги?

– Хоть отбавляй, – развел руками Валин. – Его уважали как императора, но даже хорошие императоры раздражают людей. Каждый раз, когда он решал какие-нибудь налоговые вопросы, или прочерчивал спорные границы, или возвращал украденное наследство, как минимум одна сторона оставалась обиженной. Военный призыв не поддержал никто из дворянства – они хотели, чтобы за них воевали крестьяне. Крестьяне роптали на введение трудовой повинности,

хотя им платили жалованье. Судходная гильдия Черного Берега постоянно чем-нибудь недовольна, а ведь она фактически обладает монополией в пределах империи. Плюс постоянные волнения на границах – антеранцы, ургулы, ханны; у всех какие-нибудь кровавые культы, плодящиеся как грибы, все они кричат о восстании против «иноземных угнетателей», однако же именно под нашим «гнетом» у них появились закон и порядок, возможность торговать с другими странами, защита военных и технологические новшества. Даже манджари в последнее время беспокойны, судя по количеству крыльев, которые мы туда посылаем. Тех, кто хотел бы видеть аннурского императора мертвым, полно. Кент побери, если уж на то пошло, можно и кшештрим добавить к общему списку – как знать, вдруг их не всех перебили три тысячи лет назад!

– Хорошо, я поняла. Список длинный.

– Он бесконечный! Пока Блоха, или Фейн, или хоть кто-нибудь не вернется обратно из Аннура, неизвестно даже, с чего начать! Я не могу доверять никому.

Лин склонила голову набок.

– Почему же ты доверился мне? – спросила она.

Валин замялся, внезапно ощутив тяжесть ее ладони, лежащей поверх его собственной, почуяв тонкий солоноватый запах ее волос. Она смотрела прямо на него своими распахнутыми миндалевидными глазами, ее губы были слегка раскрыты.

Он перевел дыхание:

– Сам не знаю.

Это была ложь, разумеется. Валин все прекрасно знал, но что он мог сказать? Он солдат. Она солдат. Если бы он предложил ей большее, она, вероятнее всего, подняла бы его на смех перед всеми Островами или же воткнула нож ему в живот.

– Мне нужна еще одна пара глаз, – неловко заключил он.

В ее глазах мелькнула загадочная искорка, но угасла так быстро, что Валин даже не был уверен, что действительно видел ее.

– Так что же будем делать? – спросила Лин.

Помимо воли Валин широко улыбнулся. Здорово иметь кого-то на своей стороне.

– Для начала неплохо было бы днем и ночью присматривать за мной, и будь готова закрыть меня своим телом, если станет по-настоящему дерьмово. Как тебе такой план?

– Я вербовалась в кеттрал, а не в эдолийскую гвардию, – парировала она.

– Хочешь сказать, что не жаждешь расстаться с жизнью, чтобы уберечь меня от опасности?

Он пошутил, но его слова отрезвили Ха Лин.

– Ты должен быть осторожнее, – сказала она.

– Что я должен, так это поскорее убраться с этого Шаэлем проклятого острова, – отозвался Валин, у которого тоже испортилось настроение. – Я мог бы добраться до Ашк-лана меньше чем за неделю, а вместо этого сижу здесь у Менкера, распивая эль.

– Потерпи еще месяц, – попросила Лин. – Мы пройдем Пробу, станем полноправными кеттрал. А еще спустя месяц ты будешь летать на свои задания, командовать собственным крылом. Ты сам сказал: до Кадена по земле добираться не меньше двух месяцев. Два месяца, Вал! Всего ничего.

Валин тряхнул головой:

– Я уже опоздал.

– В смысле?

С тяжелым вздохом Валин снова придвинулся к столу, взял кружку и принялся вертеть ее в руках, подыскивая слова.

– Смотри, Лин. Мы провели здесь полжизни; нас учили летать, драться, убивать людей десятками способов – все для того, чтобы защитить империю. И вот настал момент, когда

империя нуждалась в защите... когда император нуждался в защите... – Он оставил кружку. – Но я не смог сделать ровным счетом ничего, прокляни меня Кент! Меня просто не оказалось рядом!

– Это не твоя вина, Вал...

– Я знаю, – отозвался он и снова потянулся за элем.

Лин остановила его руку, добиваясь, чтобы он взглянул на нее.

– Это не твоя вина. Ты не мог охранять его все время.

– Я знаю, – повторил он, стараясь сам в это поверить. – Все верно... Но может быть, я смогу защитить Кадена.

– Два месяца, – снова сказала Лин, наклоняясь к другу и словно пытаясь передать ему свое терпение. – Продержись еще немного.

Валин высвободил руку, сделал большой глоток из своей кружки и кивнул.

Однако прежде чем он успел ответить, дверь с грохотом распахнулась, и в трактир вошел Сами Юрл. Он остановился на пороге и обвел низкое помещение взглядом, в котором читалось насмешливое презрение. Прошло почти десять лет с тех пор, как он покинул золоченые палаты своего отца, однако, очевидно, до сих пор считал недостойными себя безыскусные постройки Крючка и других островов. Входя, он нагнулся под притолокой с таким видом, словно оказывал этому месту великую честь своим посещением.

– Эй, девка! – крикнул он Салии, щелкая пальцами. – Вина! Любого, какое у вас не слишком разбавлено. И на этот раз подай чистый стакан, иначе узнаешь меня в гневе.

Съежившись и раболепно кланяясь, девушка заторопилась на кухню. Лин издала низкий рычащий звук, и Юрл, словно услышав ее, повернулся к угловому столику, за которым они сидели. Салия вернулась со стаканом; Юрл, не глядя, взял у нее вино и салютовал стаканом Валину. На его лице играла нехорошая усмешка.

– Мои поздравления! Одной ступенькой ближе к трону!

Валин медленно отодвинул свою кружку и потянулся было к рукоятке поясного ножа, но Лин под столом перехватила его запястье. Ее рука оказалась на удивление крепкой.

– Не сейчас, – прошипела она.

Кровь грохотала у Валина в ушах, глазные яблоки пульсировали. Частично виной тому был эль – он смутно понимал это, – однако, если бы не Лин, он наверняка вытащил бы нож.

– Не сейчас, – настойчиво повторила она. – Если затеешь драку, то просидишь всю Пробу на гауптвахте. Ты этого хочешь?

Юрл наблюдал за ними с расстояния нескольких шагов, с усмешкой потягивая вино. Как и Валин с Ха Лин, он оставил свои мечи на базе, полагаясь на то, что поясной нож и черная униформа кеттрал удержат наиболее предприимчивых обитателей Крючка от необдуманных поступков. По-прежнему держа руку под столом, Валин покрутил ею, разминая. Юрл хорошо управлялся с ножом, даже очень хорошо, однако все же гораздо хуже, чем с мечами. На ножах у Валина, возможно, и был шанс. Но убить мерзавца – за такое его повесили бы; просто порезать, чтобы сбить спесь... Но тогда, как справедливо указала Лин, он упустит шанс пройти Пробу.

Валин демонстративно положил обе руки на столешницу. Улыбка Юрла расплылась еще шире.

– Только не говори, что не хочешь занять Нетесанный трон, – ухмыльнулся он.

– Глаза Интарры у моего брата, – проскрипел Валин. – Ему и сидеть на троне.

– Молодец, сынок! – Юрл перевел внимание на Ха Лин. – А ты? Думаешь, если будешь почаще трахаться с его всесиятельным высочеством, то въедешь на его золотом члене в обитель славы и богатства?

Насмешка была пустая: Валин испытывал к Лин особые чувства, но они даже ни разу не целовались. Если им и случалось порой спать под одним одеялом во время кошмарных учебных патрулей, то так же поступали и другие кеттрал – просто чтобы выжить; дрожа бок

о бок под тонкой шерстяной тканью, пытаюсь сохранить хоть немного тепла между твердой как камень землей и морозным воздухом. Вообще-то, с некоторых пор Валин изо всех сил старался избегать таких ситуаций, боясь, как бы она не догадалась, что он видит в ней больше чем боевую подругу. Юрл, впрочем, никогда особо не думал, правду он говорит или нет.

– Не стоит так напрягаться только потому, что ты ему не ровня, – парировала Лин.

Юрл хохотнул, словно замечание его позабавило, однако Валин видел, что оно его задело. Из всех обитателей Островов только он явно испытывал зависть к высокому положению Валина. Презрительно усмехнувшись, Юрл повернулся к стойке.

– Это не вино, а помой, – сказал он Салии.

Юрл бросил стакан на пол – стекло разбилось, и осколки засверкали в колеблющемся свете ламп.

– Заплатишь из своего жалованья.

Он метнул холодный взгляд в сторону Юрена, громилы, которого Менкер нанял хоть для какого-то порядка. Юрен не отличался сообразительностью, однако и он понимал, что не стоит связываться с кеттрал из-за такой мелочи, как разбитый стакан. Вышибала хмуро глянул на пол, но не сделал никакого движения, в то время как Салия поспешно собирала осколки. Еще раз презрительно хохотнув, Юрл повернулся к двери и вышел.

Валин медленно разжал кулак, и только после этого Лин отпустила его запястье.

– Когда-нибудь, – сказала она сдавленным, напряженным голосом. – Но не сегодня.

Валин кивнул, поднял свою кружку и надолго присосался к ней.

– Не сегодня, – повторил он, ставя кружку на стол.

В нескольких шагах от них Салия тихо всхлипывала, сметая мелкие осколки в совок.

– Салия!

Валин жестом подозвал ее. Девушка выпрямилась и неуверенно подошла.

– Сколько стоило вино?

– Восемь светильников. – Она шмыгнула носом. – Я налила ему из собственных запасов Менкера.

Восемь светильников... Примерно столько, должно быть, она зарабатывает за неделю. Во всяком случае, не считая того, что ей дают за услуги, которые она оказывает на верхнем этаже.

– Вот, держи, – сказал Валин.

Он отсчитал достаточно монет, чтобы покрыть выпитый эль плюс разлитое вино и разбитый стакан. Гнездо платило солдатам не так уж много, тем паче кадетам, но он мог заплатить скорее, чем она. Кроме того, ему расхотелось пить.

– Я не могу... – ответила девушка, пожирая глазами монеты.

– Бери, бери, – настаивал Валин. – Кто-то же должен подчистить за этим мерзавцем.

– Благодарю вас, сэр! – воскликнула Салия, кланяясь и сгребая медь себе в ладонь. – Огромное вам спасибо! Приходите к Менкеру в любое время, сэр, вы всегда будете здесь желанным гостем. И если вам захочется... чего-нибудь особенного... – Внезапно осмелев, девушка стрельнула в него глазами. – Только скажите!

– Как любезно с ее стороны, – заметила Лин с натянутой усмешкой, когда Салия вышла.

– Ей тяжело живется.

– А кому здесь легко?

– И то верно, – хмыкнул Валин. – И кстати, о тяжелой жизни: я отправляюсь обратно в бараки. Завтра еще до рассвета нам бежать периметр, и весь этот эль вряд подарит мне легкость.

Засмеявшись, Лин очень похоже изобразила мужественную хрипотцу Адамана Фейна:

– Настоящие кеттрал приветствуют сложности! Настоящие кеттрал жаждут страданий!

Валин горестно покивал.

– Шесть кружек на голодный желудок? – подхватил он. – Поймите меня правильно, я просто тренировался!

Они вышли из трактира. За порогом Валин остановился, засмотревшись на солнце, которое садилось на западе за проливом. Где-то там – более чем в тысяче лиг отсюда, за исхлестанными ветром волнами Железного моря, за изъеденными карстом известняковыми вершинами Разбитой бухты, за дюжиной других островов, зачастую слишком мелких, чтобы иметь собственное название, – блистал Аннур. Черепичные крыши, огромные дворцы, вонючие лачуги, и посреди всего этого – Копье Интарры, гигантская сияющая башня в самом сердце Рассветного дворца. Моряки могли видеть Копье, находясь от него в двух днях пути, они использовали его как ориентир в центре империи. Эта башня, одно из последних укреплений кшештрим, считалась неприступной... И однако она не смогла защитить императора.

«Мой отец мертв», – сказал себе Валин и впервые осознал значение этой фразы.

Он повернулся к Лин, подыскивая слова – желая поблагодарить, что она рядом, что не отказалась разделить с ним выпивку и горе, что держала его за руку, когда он был готов, подавшись гневу, натворить глупостей. Она наблюдала за ним своими яркими внимательными глазами, разомкнув губы, словно собиралась что-то сказать. Однако прежде чем кто-то из них успел нарушить молчание, в тихом вечернем воздухе раздался оглушительный треск.

Валин, обернувшись, положил руку на поясной нож. Лин юркнула за него, встала с ним спиной к спине и приняла низкую боевую стойку – стандартную защитную позицию кеттрал. Ее взгляд быстро обшарил улицу, переулки, крыши домов, считывая обстановку, оценивая угрозу. На них глазели яркие фасады шатких строений – красные, зеленые, синие; оконные и дверные проемы зияли, как выбитые зубы. Лежавшая в десятке ярдов собака наострила уши, мгновенно позабыв про свою кость. Обрывки грязных занавесок взметнулись под порывом легкого ветерка. Лениво скрипнула на несмазанных петлях калитка. Ничего подозрительного. Должно быть, шум донесся из гавани – какой-нибудь пьяный идиот забыл застопорить лебедку, и груз рухнул на палубу.

«Шарахаемся от любой тени», – подумал Валин.

Все эти разговоры о кознях и убийствах взволновали их обоих до предела.

Когда он совсем уже собрался расслабиться, трактир Менкера издал низкий пугающий стон. Загрещали балки – собака испуганно метнулась прочь. Крыша трактира просела, сминаясь, словно намочшая бумага, на мостовую смертоносным дождем посыпались осколки черепицы. Здание покосилось в сторону бухты, затем угрожающе накренилось на своих подпорках. Изнутри послышались испуганные вопли.

– К двери! – завопила Лин, но Валин уже бросился туда.

Оба потратили достаточно времени на изучение подрывных работ и понимали, что случается с людьми, волей судьбы оказавшимися внутри рушащегося здания. Тех, кого не раздавит в первые же мгновения, затянет под воду вместе с постройкой, и неизвестно еще, что хуже.

Все здание трактира отделилось от переулка, так что между осыпающейся землей и накренившейся дверью разверзлась трещина в несколько футов шириной. Валин посмотрел вниз – до воды около двадцати пяти футов, ничего особенного, если не принимать в расчет переломившиеся сваи, торчавшие вверх словно пики. Любой свалившийся туда рисковал напороться на острые колья либо оказаться во взбаламученной воде после того, как здание наконец обрушится. Из темного дверного проема показалась чья-то рука, отчаянно цепляясь за косяк. Выругавшись, Валин одним прыжком преодолел расселину.

Он ухватился одной рукой за низкую притолоку, поймал равновесие, протянул другую, схватил кого-то за запястье и рванул на себя. Из темноты появился Юрен, кашляя и чертыхаясь. Кровь хлестала из широкой раны на его лысом черепе, лодыжка угрожающе подворачивалась, когда он переносил на нее вес, но, не считая этого, он выглядел целым.

– Стой здесь, – приказал ему Валин. – Я буду передавать тебе людей, а ты помогай им перепрыгивать на ту сторону к Лин.

Он мотнул подбородком на девушку, которая ждала наготове на краю трещины в нескольких шагах от них. Взгляд вышибалы метнулся обратно в темноту помещения. Что-то приостановило медленное, неумолимое оседание трактира, но сквозь вопли пострадавших Валин по-прежнему слышал треск подпорок и балок, перекошенных до предела.

– Да пошли вы! – выкрикнул Юрен, скривив губы в отчаянной судороге.

Присев и сосредоточив весь свой вес на здоровой ноге, он сиганул через разлом.

– Ах ты, трусливый дерьмояд... – завопила Лин, хватая упавшего вышибалу за ухо и рывком вздергивая на ноги.

– Оставь его, Лин! – крикнул Валин. – Лучше помоги!

Оскалив зубы, Ха Лин наотмашь отвесила Юрену затрещину, затем одним взглядом измерила провал, прыгнула и приземлилась с противоположной от Валина стороны двери.

– Ты или я? – спросила она, заглядывая внутрь.

– Я сильнее, – отозвался Валин. – Я буду подтаскивать их к тебе, а ты переправляй на ту сторону.

Лин взглянула на расселину.

– Ладно. – Она неуверенно посмотрела Валину в глаза, потом махнула ему рукой. – Поторопись.

Кивнув, он шагнул внутрь.

Положение было даже хуже, чем он предполагал. В трактире Менкера и до катастрофы было темновато, а сейчас покособившиеся потолки и покосившиеся стены почти полностью заслонили свет немногочисленных окон. Повсюду валялись обломки потолочных балок, столов, планок; штукатурка осыпалась с трескающихся стен. Кое-где пылали небольшие костры, загоревшиеся, очевидно, от разбитых ламп; язычки пламени лизали сухие бока разбитых балок, освещая тысячи осколков стекла. Валин помедлил, пытаясь найти опору, пытаясь, Кент подери, хотя бы понять, на чем он стоит: пол кренился, как палуба клипера, идущего на всех парусах под хорошим ветром. Со всех сторон слышались крики, стоны, мольбы о помощи, но поначалу он даже не мог никого разглядеть в густом полумраке.

– Шаэль поberi! – выругался Валин, одной рукой отбрасывая с дороги доску, а другой заслоняя глаза от пыли и мусора.

Он едва не споткнулся о первое тело – тощий, худосочный человек, грудь пробита балкой. Упав на одно колено, Валин положил кончики пальцев ему на шею, щупая пульс, хотя уже знал, что обнаружит. Поднимаясь, он услышал невдалеке женские всхлипывания. Салия, служанка.

Ее придавило потолочной балкой, она была напугана, но казалась целой и невредимой. Валин шагнул к ней, и все строение застонало, покосившись еще на несколько футов в направлении бухты.

– Вал! – крикнула Лин от двери. – Пора выбираться! Эта халупа долго не протянет!

Игнорируя предупреждение, он преодолел оставшиеся несколько шагов и подобрался к девушке.

– Ты ранена? – спросил он, опускаясь на колено и обшаривая руками балку в попытке определить, на чем она держится.

Салия подняла к нему лицо. В ее перепуганных темных глазах отражались языки пламени, уже бушевавшего вокруг и опалявшего ее одежду и кожу.

– Моя нога... – выдохнула девушка. – Не бросай меня...

– Валин! – Лин уже орала. – Уходи сейчас же! У тебя нет времени!

– Иду! – крикнул он, просовывая руку служанке под мышку и пытаясь тащить.

Она вскрикнула от боли, пронзительно, как попавшееся в ловушку животное, закусил губу и потеряла сознание. Валин выругался. Девушку что-то держало, но в пыльной полумгле

он не мог разглядеть, что именно. Слева с потолка упала балка, и все здание накренилось еще на несколько градусов. Он снова провел руками вдоль тела Салии, ища невидимое препятствие.

– Не торопись, – сказал он себе. – Только не торопись...

Если он и научился чему-нибудь за время, что провел в кадетях, так это действовать осмотрительно, даже если ставки высоки.

– Особенно если ставки высоки, идиот, – пробормотал он.

Когда его пальцы оказались возле ее талии, он нащупал то, что искал, – платье девушки зацепилось за расщеп в древесине. Он потянул, но ткань держалась прочно.

– Валин, сукин ты сын! – снова завопила Лин. Теперь в ее голосе звучал страх. Страх и гнев. – Убирайся оттуда, болван Кентов!

– Иду, иду! – отозвался он, вытаскивая поясной нож из чехла и принимаясь кромсать застрявшее платье.

Рывок – и девушка свободна. Валин отбросил нож, ухватил ее за платье и волосы и потащил по полу по направлению к тусклому проему двери, где стояла Ха Лин, яростно жестикулируя.

– Прыгай! – крикнул он Лин. – Давай на ту сторону! Я переброшу ее к тебе!

Та фыркнула, на мгновение застыла в мучительной нерешительности, потом кивнула и исчезла.

Вытащив девушку из двери, Валин, к своему ужасу, обнаружил, что расселина увеличилась почти до дюжины футов. Он мог перепрыгнуть ее, но Салия была без сознания, ее тело безжизненно висело у него на плече.

Лин, мгновенно оценив ситуацию, покачала головой, потом шагнула к самому краю зияющего провала.

– Кидай, – сказала она, подгребая к себе руками.

Валин ошеломленно уставился на трещину. Салия не весила и трех четвертей от его веса, но у него никак не хватило бы силы перебросить ее на такое расстояние. Он посмотрел вниз: обломки опор щетинились, как копья.

– Я не могу! – прокричал он.

– Постарайся! Давай, черт возьми, бросай! Я поймаю ее за запястья.

Это невозможно. Лин знает это не хуже его.

«Потому и понукает меня», – понял Валин во вспышке озарения.

Салия – мертвый груз. Он преодолел бы расстояние в одиночку, хотя и с трудом. Но пока у него на руках обездвиженное тело девушки, он не может никуда деться с этой стороны расселины, он в ловушке вместе с пылающим, кренящимся трактиром, грозящим утянуть его за собой на верную смерть. Все это открылось ему без тени сомнения, но что он мог сделать? Бросить девушку погибать? Он поступил бы верно, на учебном задании это было бы единственное решение, но, Кент побери, это не учебное задание! Нельзя же просто взять и...

– Я прыгну вместе с ней! – крикнул он, поудобнее укладывая Салию себе на спину. – Думаю, у меня получится.

Глаза Лин расширились от ужаса, потом стали холодными.

Прежде чем Валин успел понять, что происходит, она выхватила поясной нож, замахнулась и бросила. Остолбнев, Валин смотрел, как сверкающее на солнце лезвие вращается и приближается к нему. Оно погрузилось в шею Салии – хлынула горячая, густая кровь. Губы девушки разомкнулись, она издала звук – то ли вскрик, то ли стон, – который тут же захлебнулся.

– Она мертва! – крикнула Лин. – Ты уже не можешь ее спасти, Валин! Она мертва, Кент побери! Прыгай же!

Он не мог оторвать глаз от Салии, от рукоятки ножа, торчавшего из ее шеи. Она мертва... Здание под ним снова содрогнулось и застонало. С яростным ревом он отпустил тело девушки

и прыгнул. Его ноги коснулись осыпающейся кромки; Лин поймала его за запястья и оттащила в безопасное место.

Оттолкнув ее, Валин повернулся к трактиру. Тела Салии уже не было – оно соскользнуло в провал. Языки пламени лизали дверные косяки. Изнутри доносились вопли обреченных людей, огонь пожирал смолистые балки. На подоконнике появилась чья-то рука, окровавленная и обгоревшая, заметалась, ища возможность уцепиться, и снова пропала внутри. Потом все строение задрожало, медленно отъехало от берега и, наконец, словно истощив последние силы, обрушилось под собственным весом, сложилось внутрь и кануло в воды бухты.

7

Адер уй-Малкениан, стараясь не дрогнуть лицом, смотрела, как солдаты в ослепительно блестящих доспехах раскрывают перед ней тяжелые, кедрового дерева, двери в гробницу ее предательски убитого отца.

«Если хочешь сыграть роль в жизни империи, – снова и снова повторял ей Санлитун, – ты должна научиться скрывать свои чувства. Мир видит то, что ты ему показываешь, и судит тебя по тому, что ты перед ним раскрываешь».

Слово «мир» казалось вполне уместным для тех, кто сейчас наблюдал за ней, – десятки тысяч граждан Аннура собрались в долине Вечного Сна, чтобы увидеть, как великого человека укладывают на покой в этой узкой голой расщелине, окаймленной рядами гробниц ее предков. Какое бы горе ее ни снедало, плакать перед ними было недопустимо. Она и так казалась здесь не на своем месте – молодая женщина среди кучки престарелых верховных министров, сплошь мужчин.

На самом деле место, которое она занимала на возвышении, принадлежало ей по праву, и даже дважды: во-первых, в силу ее императорского происхождения, а во-вторых, поскольку она совсем недавно получила пост министра финансов. Назначение было оговорено в завещании отца. Высокий пост, почти равный званию кенаранга или мизран-советника, она готовилась занять большую часть своей жизни.

«Теперь я готова», – внушала она себе, думая о тысячах прочитанных ею страниц, о бесконечных делегациях, которые принимала от имени отца, о бухгалтерских книгах, которые изучала далеко за полночь.

Адер разбиралась в аннурских финансах лучше уходящего в отставку министра и тем не менее не сомневалась, что никто из собравшихся в этой долине не считает ее кандидатуру уместной.

Тысячи глаз, обращенных сейчас в ее сторону, видели в ней прежде всего женщину, засидевшуюся без мужа и детей, достаточно привлекательную для брака (даже без своих имперских титулов), хотя и, возможно, чересчур худую, высокую и меднокожую для города, где в моде были приземистые смуглые женщины с пышными формами. Адер прекрасно знала, что прямые волосы подчеркивают угловатость ее лица, придавая ей излишне суровый вид. В детстве она пробовала делать разные прически; сейчас же некоторая строгость черт была ей только на руку. Она хотела, чтобы люди, глядя на возвышение, видели министра, а не жеманную девочку.

Разумеется, те, кто стоял достаточно близко к ней, вряд ли запомнят что-либо, помимо ее глаз: радужные оболочки, пылающие словно угли. Многие говорили, что глаза Адер сияют даже ярче, чем у Кадена... Впрочем, какая разница? Несмотря на то что она была на два года старше, несмотря на тщательное обучение под руководством отца, несмотря на близкое знакомство с политической теорией и практикой Аннурской империи, Адер никогда не займет Нетесаный трон. В детстве у нее однажды достало наивности спросить мать почему. «Это место мужчины», – отвечала та, закончив разговор, прежде чем он начался.

Адер ощутила всю тяжесть того утверждения лишь сейчас, сидя среди мужчин в ожидании, когда погребальные носилки с телом ее отца доберутся до них с противоположного края долины. Хотя на ней, как и на них, были темные министерские одежды, перехваченные в поясе черным кушаком, хотя на ее шее, как и у них, висела золотая цепь высокопоставленного должностного лица, хотя она сидела плечом к плечу с этой горсткой людей, которые под руководством самого императора управляли всем цивилизованным миром, она не была одной из них, и она ощущала их незримые сомнения, их благопристойное негодование – холодное и безмолвное, словно снег.

– Это место дышит историей. Историей и традициями, – произнес Бакстер Пейн.

Пейн выполнял обязанности главного цензора, а также министра налогов и сборов, и хотя занимал менее значительный пост, чем Адер (а может быть, как раз поэтому), он был среди тех, кто наиболее открыто оспаривал ее назначение. Слово «традиции» в его устах звучало как обвинение, но Адер, глядя на долину Вечного Сна, не могла с ним не согласиться. Начиная с каменных львов Алиала Великого и до фасада гробницы ее собственного отца – барельеф с восходящим солнцем над дверью, ведущей во тьму, – она могла проследить уверенную линию правления династии Малкенианов.

– Традиции дело хорошее, – заметил Ран ил Торнья. – Проблема только в том, что на них, Кент побере, уходит слишком много времени.

Ил Торнья был кенарангом, то есть главнокомандующим империи, и считался кем-то вроде военного гения. Во всяком случае, Совет министров испытывал к нему достаточное почтение, чтобы возвести его в должность регента на то время, пока Аннур будет ожидать возвращения Кадена.

– Разве вы не погребаете солдат, убитых в сражении? – колко парировала Адер.

Не считая ее, ил Торнья был самым молодым из собравшихся на возвышении: ему было, наверное, около тридцати пяти лет. Но важнее было другое – он единственный, по-видимому, принял ее назначение на пост министра финансов. По всем статьям его следовало считать союзником, но она не могла не ошестиниться, услышав его тон.

– Несомненно, генерал должен заботиться о павших, – говорила Адер с ноткой вызова в голосе, но кенаранг лишь пожал плечами.

– Должен, если есть возможность. Я предпочитаю догонять тех, кто их убил.

– И этому придет время, уже скоро, – глубоко вздохнув, сказала Адер. – Через месяц Уиниан будет мертв. Будь моя воля, он умер бы уже через неделю!

– Я совсем не против скорой расправы, но разве не придется устроить что-то напоодобие суда? Все же этот человек – верховный жрец Интарры. Подозреваю, его паства может обидеться, если вы попросту вздернете его на самом высоком суку.

– Мой отец вошел в храм Света, – перечисляла Адер, загибая пальцы. – Там он тайно встретился с Уинианом Четвертым. И во время этой тайной встречи был убит!

Она бы дорого заплатила, чтобы узнать, зачем ее отцу понадобилось встречаться со жрецом и почему для этой встречи он отказался от защиты эдолийской гвардии... Впрочем, основные детали его убийства были ясны.

– Уиниан получит свой суд, а после умрет, – заключила Адер.

Гулкий низкий бой барабанов прервал их разговор. Вновь и вновь звучали удары, строгие и торжественные, словно гремела сама земля. Похоронная процессия, еще не видимая за поворотом ущелья, приближалась.

– Для погребения Сантуна Второго принесли в жертву пять сотен белых быков, – заметил азран-советник Билкун Хеллел. – Как печально, что мы не смогли оказать такие же почести вашему отцу.

Это был розовый, елейный, непомерно толстый человек; его одежда, сшитая из лучшей ткани, сидела на нем вкривь и вкось. Тем не менее его маленькие умные глазки не упускали ничего, особенно в области политики.

Адер отмела замечание взмахом руки:

– Пятьсот быков по десять солнц за каждого – пять тысяч солнц. Эти деньги нам еще пригодятся.

Советник приподнял уголок рта в кривой улыбке:

– Я восхищен вашими математическими способностями, однако не уверен, что вы осознали, какое воздействие подобный спектакль оказывает на умы людей. Он возвеличил бы вашего отца, а вместе с ним и весь ваш дом.

– Мой отец ненавидел все это – все это показушничество, всю эту мишуру!

– Однако именно ваш отец и распорядился о церемонии, – с усмешкой возразил Бакстер Пейн.

Адер открыла было рот, но передумала. Она пришла сюда оплакивать отца, а не обмениваться колкостями со стариками, которые все равно никогда не станут ее слушать.

В этот момент вся долина притихла: из-за поворота показались первые колонны аннурской пехоты. Ряды маршировали за рядами, подняв копья под одинаковым острым углом и сверкая наконечниками в полуденных лучах. В центре каждой шеренги шел знаменосец, над которым на белом шелковом полотнище развевалось яркое восходящее солнце Аннура, а по обе стороны от него барабанщики выбивали ритм процессии на больших шукурах, туго натянутых на деревянные барабаны.

Не считая штандартов, легионы ничем не отличались друг от друга: одинаковые стальные доспехи, одинаковые облегченные шлемы, одинаковые длинные копья, зажатые в руках, одинаковые короткие мечи, висевшие у каждого бедра. Лишь струящиеся на ветру вымпелы указывали, кто они такие: двадцать седьмой легион, называемый «Шакалами»; «Скала» – пятьдесят первый легион с северного Анказа; «Долгий глаз», прибывший от Стены Разлома; «Красный орел» и «Черный орел»; тридцать второй легион – его бойцы называли себя «Ночными ублюдками». Здесь был даже легендарный четвертый легион – «Мертвецы», который вел нескончаемую войну в глубинах Поясницы, пытаясь усмирить дикие племена джунглей.

Далее шли войска народного ополчения регионов – менее значительные в военном плане, но гораздо более разнообразные и пестрые. Раалтанцы несли невероятной длины двуручные мечи, а их сверкающие стальные доспехи, должно быть, весили не меньше их самих. На штандарте красовалась ветряная мельница с вращающимися мечами вместо крыльев. Под эмблемой был вышит девиз: «Бури – наша сила». За ними шел отряд из восьмидесяти человек в черных кожаных доспехах, каждый из которых держал в руках вилы.

– Глупцы! – фыркнул Пейн. – Деревенские выскочки со своими тяпками!

– Двести двенадцать лет назад, – возразила Адер, – Маартен Генке такой тяпкой выкроил себе независимое королевство. После чего пятьдесят четыре года успешно сопротивлялся аннурскому владычеству при помощи вилок.

– Хорошее оружие – вилы, – безмятежно заметил ил Торнья. – Большой радиус действия плюс проникающая способность.

– Восстание Генке было подавлено! – возразил Хеллел. – Еще один неудачливый бунтовщик.

– И тем не менее его едва ли можно назвать глупцом, – настаивала Адер, уязвленная тем, что ни один из них, судя по всему, не понял, что она имела в виду.

Из-за поворота показалась следующая группа, и у нее свело живот.

– Сыны Пламени, – пробормотала она, скривившись. – После того, что совершил Уиниан, им здесь быть не должно. Им здесь не место!

– В целом я согласен, – ответил Хеллел, проведя рукой по своим редющим волосам, – однако что тут сделаешь? Эти люди любят Интарру. Наш высокоуважаемый регент уже арестовал их верховного жреца. Отберите у них еще и легион, и они могут устроить бунт.

– Это сложный вопрос, Адер. – Пейн поднял ладони вверх, словно пытаясь ее умиливать. – Тонкий.

– Я понимаю, что он сложный, но сложность не должна оправдывать бездействие, – парировала она. – Суд над Уинианом, который состоится в ближайшие недели, может дать нам предлог для роспуска их ополчения.

Большинство имперских историков считали, что мудрым шагом было позволить провинциям иметь собственные маленькие армии. Такие армии давали выход местечковой гордости, не представляя серьезной угрозы для единства империи. Те же самые историки, однако,

придерживались совсем другого мнения относительно эдикта Сантуна Третьего, позволявшего формирование военных орденов по религиозному принципу. «Неблагодарное и опрометчивое решение», – писал на этот счет Алфер. Гефен шел еще дальше, заявляя, что эдикт «полностью лишен здравого смысла и исторической прозорливости». «Это было просто-напросто глупо», – присовокуплял Йеррик Старший. Раалтанцы никогда бы не стали объединять свои силы с сай-итами на политической основе, однако в обеих атрепиях можно было найти поклонников Хекета и Мешкента, Эйе и Интарры. Судя по всему, Сантуну никогда не приходило в голову, что эти граждане могут запросто объединить свои силы на почве религии и тем самым создать силу, соперничающую с мощью Нетесаного трона. Как ни удивительно, худшего до сих пор не произошло – большинство религиозных орденов и в самом деле довольствовались небольшими вооруженными отрядами, используя их лишь для охраны своих храмов и алтарей.

Однако Уиниан Четвертый, верховный жрец Интарры, постепенно наращивал силы на протяжении уже более десятка лет. Было сложно точно оценить количество его приверженцев, однако Адер полагала, что они исчислялись десятками тысяч человек на двух континентах. Что еще хуже, Интарра была богиней-покровительницей линии самих Малкенианов – императорской династии с сияющими глазами, претендовавшей на законность именно ввиду божественной милости. Растущее влияние храма Интарры и ее верховного жреца могло лишь подорвать доверие к трону. Не нужно было далеко ходить, чтобы найти причины, по которым Уиниан мог пожелать смерти императора.

Сыны Пламени были снаряжены не менее аккуратно, чем аннурские легионеры, и так же, как они, отказались от военной пышности ради надежного вооружения и доспехов. Первый отряд нес небольшие арбалеты; за ним двигался лес коротких копий, тупые концы которых слаженно ударяли в землю в такт марширующей колонне. И так же, как и над аннурскими легионами, над этим войском реял штандарт с изображением солнца, однако, в отличие от имперского символа, не восходящего солнца, а полной сферы во всем своем сиянии.

Лишь когда наконец иссяк поток военного великолепия, показали носилки с телом Санлитуна. Двенадцать эдолийцев несли их на своих плечах – те же двенадцать человек, которым было поручено охранять императора в тот день, когда Уиниан вонзил клинок ему в спину. Когда они приблизились, Адер смогла разглядеть аккуратно наложенные повязки, которыми заканчивалось правое запястье каждого из гвардейцев: Мисийя Ут, назначенный первым щитом эдолийской гвардии после смерти Кренчана Шо, лично отрубил им кисти. «На кой вам мечи, если ни один из вас не сумел защитить императора?» – рычал он от гнева.

Адер знала каждого из двенадцати: даже самый молодой из гвардейцев служил в Рассветном дворце уже больше пяти лет. Ее сердце наполнилось гневом и печалью. Они не исполнили свой долг, и из-за их оплошности отец мертв. И тем не менее отец сам приказал им остаться, когда входил в храм. Сложно защищать человека, который отказывается от защиты.

Если эдолийцы и чувствовали боль в отрубленных конечностях, то показывали ее не больше, чем напряжение под тяжестью императорских носилок. Лица их были будто высечены из камня, и, несмотря на пот, выступивший на лбах, гвардейцы маршировали точно в ногу.

Когда носилки достигли открытого входа в гробницу, вся колонна резко остановилась. Солдаты встали на караул, барабаны смолкли. Адер и остальные министры спустились по деревянным ступенькам со своего возвышения.

Речи у гробницы были сколь многословны, столь и бессмысленны. Адер слушала, как они плещут над ней, словно холодный дождь: «долг», «честь», «воля», «прозорливость»... То же самое говорили о каждом из императоров на всех погребальных церемониях. Эти слова не имели отношения к ее отцу, такому, каким она его знала. Когда с речами было покончено, плотный крешканец ударил в свой огромный гонг, и Адер проследовала за носилками в темноту гробницы.

В усыпальнице пахло камнем и сыростью, и, несмотря на пылающие на стенах факелы, ее глазам потребовалось некоторое время, чтобы что-нибудь разглядеть. Какая бы суровая пышность ни отличала гробницу снаружи, внутри помещение было маленьким и скромным – обычная пещера, отвоеванная у темноты, с плоским каменным возвышением в центре. Здесь не было ни резьбы, ни гобеленов на стенах, ни сваленных в кучи сокровищ.

– Я как-то ожидал, что здесь будет... – заговорил Ран ил Торнья, поводя рукой в поисках нужного слова. – Даже не знаю... больше всякой всячины.

Адер сдержала резкую отповедь: остальные верховные министры вошли в гробницу вместе с ней, чтобы отдать императору последние почести, а ил Торнья, каким бы грубияном он ни был, занимал сейчас самую высокую должность в империи. Не стоило сцепляться с ним на глазах у остальных, особенно учитывая, что он вроде как принял ее недавнее назначение.

– Это не в духе отца, – коротко отозвалась Адер. – Для людей он мог устроить спектакль, но здесь... Простого камня достаточно. Он не потратил бы на мертвых ничего, что можно сберечь для живых.

Эдолийцы опустили носилки на камень, выпрямились, освободившись от своего груза, отсалютовали императору перебинтованными обрубками и молча цепочкой вышли из усыпальницы. Министры произнесли каждый несколько слов, после чего также удалились, оставив Адер и ил Торню одних.

«Говори, что должно, и дай мне несколько последних минут с отцом», – безмолвно твердила она.

Однако ил Торнья не вышел и не стал обращаться к трупу с речью. Вместо этого он повернулся к Адер.

– Мне всегда нравился ваш отец, – сказал он, небрежно кивая в сторону носилок. – Хороший солдат. Отличный стратег.

От его бесцеремонного тона Адер вспыхнула.

– Он был не просто хорошим солдатом!

Кенаранг пожал плечами. Ил Торнья занимал пост главнокомандующего немногим больше двух лет, а регентство было для него, разумеется, делом и вовсе новым, однако он, кажется, не испытывал никакого трепета перед столицей, столь естественного для новичка. Также, по всей видимости, не испытывал он особого трепета и перед Адер. Большинство людей тушевались под ее огненным взглядом, однако кенаранг будто бы вовсе его не замечал. Он разговаривал так, словно сидел в трактире, задрав сапоги на стол, а она была трактирной служанкой. Если подумать, он и нарядился-то скорее для трактира.

Нет, он был в чистой одежде, но, в отличие от министров в их мрачных одеяниях или солдат в их безупречно отдраенных мундирах, в платье ил Торнья не сквозило ни малейшего намека на похороны. На кенаранге был синий плащ с золотой застежкой, накинутый поверх синего же камзола, и то и другое превосходного покроя. С правого плеча спускалась золотая перевязь, инкрустированная сверкающими драгоценными камнями, скорее всего бриллиантами. Если бы Адер не знала, что этот человек выиграл десятки битв, причем некоторые из них с весьма сомнительными шансами на успех, она легко могла бы принять его за ряженого, случайно забредшего в усыпальницу в поисках выхода на сцену.

Мундир кенаранга был роскошным, но ткань явно лишь выгодно показывала скрытое под ней телосложение. Его портной хорошо знал свое дело – благодаря крою платье туго обтягивало мышцы, особенно когда ил Торнья двигался. Хотя ростом он был лишь немногим выше Адер, его мускулатура не уступала любой из статуй вдоль дороги Богов. Адер попыталась игнорировать его, сосредоточив внимание на отце.

– Если мои слова обидели вас, прошу прощения, – ответил кенаранг, отведывая неглубокий поклон. – Нисколько не сомневаюсь, что ваш отец был великим знатоком и во всем про-

чем: налогах, дорогах, жертвоприношениях и всей этой скукотище, за которой должен следить император. И тем не менее он любил хорошего коня и хороший клинок!

Эти последние слова он сказал так, словно они были высочайшей похвалой.

– Если бы только империей можно было управлять из седла, размахивая мечом, – отозвалась Адер, старательно выдерживая холодный тон.

– Кое-кому это удавалось. Тот ургул – как его звали, Феннер? У него была своя империя, и говорят, он практически не слезал с коня.

– Фаннар устроил кровавую резню, которая длилась двадцать лет. Не прошло и нескольких недель после его смерти, как племена возвратились к своим застарелым междоусобицам, и от его «империи» не осталось и следа.

Ил Торнья нахмурился:

– Разве у него не было сына?

– Целых три. Двоих старших бросили на погребальный костер вместе с телом отца, а младшего, насколько известно, оскопили и продали в рабство на восток от Костистых гор. Он умер в кандалах в Антере.

– Да, не самая удачная империя, – признал ил Торнья, пожав плечами (печальная участь Фаннара, по всей видимости, нимало его не взволновала). – Надо будет запомнить, по крайней мере на время, пока ваш брат не вернется в столицу. – Он устремил на нее спокойный взгляд. – Вы ведь знаете, я не особенно ко всему этому стремился. К этому регентству.

«К этому регентству...» Словно его назначение на должность самого могущественного человека в империи – не более чем досадное поручение, из-за которого он не может вернуться к своей выпивке, своим шлюхам и чем еще он там занимается, когда не ведет армии к новым победам.

– Тогда зачем же вы согласились? – спросила Адер.

Его безразличие уязвляло принцессу отчасти еще и потому, что, хотя она и знала, что Аннур никогда не признает женщину на троне, втайне все же надеялась, что Совет министров одобрит ее назначение, по крайней мере на несколько коротких месяцев, пока не вернется Каден. Ил Торнья, сколько бы битв он ни выиграл, казался ей плохим кандидатом на роль правителя.

– Почему они вообще избрали вас?

– Надо же им было кого-нибудь найти.

Если кенаранга и задел ее вопрос, он ничем этого не выдал.

– Могли бы найти кого-нибудь другого.

Ил Торнья ей подмигнул:

– По правде говоря, я подозреваю, что такие попытки были. Мы голосовали и голосовали сотни раз. Вы знаете, что голосующих запирают в этом Шаэлем занюханном зале до тех пор, пока они не назовут имя? – Он испустил долгий, раздраженный вздох. – И там не было эля! Говорю вам, все было бы не так плохо, завези они эль!

«И человек, который жалуется на отсутствие эля во время конклава, и есть тот самый избранный министрами регент?»

Но кенаранг тараторил, не замечая ее негодования:

– В любом случае не думаю, что многие так уж хотели видеть меня на этом посту. Скорее всего, в конце концов меня выбрали именно потому, что я не имею никаких видов на управление этой славной империей. – Он сдвинул брови, как бы оправдываясь. – Я не говорю, что буду пренебрегать своими обязанностями! Я прослежу за всем, что должно быть сделано, но я знаю свои пределы. Я солдат, а солдат не должен выходить за рамки своих возможностей вне поля боя.

Адер медленно кивнула. В таком решении была своя извращенная логика. Различные министерства постоянно маневрировали, ища для себя более выигрышную позицию: финансы

против этики, сельское хозяйство против ремесел. Разумеется, никакой регент не стал бы пытаться захватить власть, однако тех месяцев, пока Каден не появится в столице, могло с избытком хватить, чтобы нарушить очень шаткое равновесие. С другой стороны, ил Торнья... обаятельный человек, герой войны, а главное – совершенно равнодушен к политическим интригам.

– Ну что ж, – ответила она, – делегация отправилась за Каденом сразу после смерти моего отца. Если до Изгиба им будет сопутствовать хороший ветер, они, возможно, вернуться уже через несколько месяцев.

– Несколько месяцев! – простонал ил Торнья. – Хорошо хоть не лет... А Каден – какой он из себя?

– Я почти не знаю брата. Он провел в Ашк-лане половину своей жизни.

– Его там учат управлять всем этим? – спросил ил Торнья, делая широкий жест, призванный охватить всю огромную империю, простиравшуюся во все стороны за стенами гробницы.

– Очень на это надеюсь. Мальчик, которого я знала, любил бегать по дворцу, размахивая деревянной палкой вместо меча. Будем верить, что он окажется столь же яркой личностью, как мой отец.

Ил Торнья покинул, глянул на тело Санлитуна, потом снова повернулся к Адер.

– Итак, – проговорил он, разводя руками. – Уиниан. Вы планируете сами взяться за нож?

Адер подняла бровь:

– Простите?

– Жрец убил вашего отца. В финале судебного аттракциона его осудят. Меня интересует вопрос: вы сами его убьете?

– Я пока не думала над этим, – покачала она головой. – Есть же палач...

– Вы хоть раз убивали кого-нибудь? – спросил он, не дав ей закончить.

– Мне не часто предоставляется случай.

Он кивнул, потом показал на тело усопшего:

– Я только хочу сказать: это ваше горе, и не мне указывать вам, как с ним справиться. Теперь ваш отец у Ананшаэля, и Ананшаэль не отдаст его обратно. И тем не менее, когда наступит время, возможно, вам станет легче, если вы расправитесь с ублюдком собственноручно.

Он смотрел ей в глаза еще несколько мгновений, словно желая удостовериться, что она поняла его, затем повернулся на каблуках и вышел.

Лишь теперь, наконец оставшись одна, Адер позволила себе повернуться к носилкам с телом отца. Сестры Ананшаэля вычистили, высушили и одели его, а также набили в рот и нос душистые травы, чтобы отогнать запах тления.

«Даже благословение Интарры не спасает от Владыки Костей», – подумала Адер.

Император Санлитун уй-Малкениан в своих лучших церемониальных одеждах лежал, сложив на груди руки с переплетенными пальцами. Несмотря на бледность, он был почти похож на отца, которого она помнила. Если он кричал или сопротивлялся в свои последние мгновения, то сестрам удалось разглядеть черты его лица: сейчас, после смерти, оно казалось таким же суровым и мужественным, как и при жизни.

Но вот глаза... его пылающие глаза были теперь закрыты.

«Я никогда не видела его спящим», – вдруг осознала Адер.

Нет, наверняка это случалось, может быть, когда она была маленькой девочкой, но если так, то воспоминания давно стерлись. Какой бы образ отца она ни извлекала из памяти – везде у него был этот пылающий взгляд. Без него он казался каким-то слишком маленьким и тихим.

Она взяла его руку, и слезы заструились у нее по щекам. Когда неделю назад зачитывали завещание, она надеялась услышать слова, предназначенные ей – может быть, прощальный знак любви или утешения. С другой стороны, Санлитуну никогда не была свойственна несдержанность. Ей он завещал только «Историю Атмани» Йентена – «для лучшего понимания исто-

рии нашего государства». Хорошая книга, тем не менее – всего лишь книга. Настоящим его даром было назначение Адер главой министерства финансов, его вера в то, что она подходит для этой работы.

– Благодарю тебя, отец, – прошептала она. – Ты будешь гордиться мной. Если Валин и Каден приняли свою судьбу, смогу и я.

Затем, чувствуя, как в груди поднимается гнев, она вытащила кинжал из ножен, лежавших рядом с его телом:

– И когда настанет время казни Уиниана, я и вправду сама возьмусь за нож!

8

– Думаю, Тан хочет меня убить, – пожаловался Каден.

Опустив связку черепицы, которую только что втащил на крышу спального корпуса, он выпрямился и вытер пот со лба. Внизу, на земле, Фирум Прумм пыхтел, подтаскивая к месту следующую связку и прилаживая ее к веревке. Спина и руки Кадена стонали от длительного труда, но в сравнении с тяготами обучения у Рампури Тана перекрывание крыши, поврежденной зимними льдами, казалось праздником. Здесь он, по крайней мере, имел возможность время от времени распрямиться и размять задеревеневшие мышцы без риска нарваться на порку.

– Кончай причитать! – фыркнул Акйил, присаживаясь на корточки, чтобы поудобнее схватиться за связку, и с кряхтением взваливая ее себе на плечо.

Каден понятия не имел, как его другу удастся работать, когда у него перед глазами постоянно болтается копна черных кудрей. По традиции ему следовало бы обрить свой череп, как поступали монахи, но традиция не являлась правилом, а Акйил чрезвычайно искусно балансировал на грани между тем и другим.

– Первый месяц с новым умиалом всегда хуже всего. Помнишь, как Роберт заставил меня таскать камни для нового козьего загона с вершины Вороньего Круга?

При воспоминании об этом Акйил застонал.

– Мне эта работа не кажется такой уж тяжелой, – возразил Патер, когда Акйил сгрузил связку черепицы к его ногам.

Мальчишка сидел, взгромоздясь на конек крыши, словно маленькая горгулья на фоне суровых заснеженных пиков. Ему едва исполнилось восемь лет, он все еще ходил в послушниках и ему не довелось пока познакомиться с по-настоящему жестоким умиалом.

– Еще бы тебе казалось! – Акйил наставил на мальчишку указующий перст. – Мы-то здесь надрываемся, таскаем тяжести, а тебе только и дела, что сидеть наверху!

– Я их укладываю! – запротестовал Патер, обиженно вытаращив карие глаза и показывая в качестве доказательства плитку черепицы, которую держал в руках.

– Ах, укладываешь, – вскинул брови Акйил. – О да, это сложная задача! Приношу свои извинения.

– Это же просто работа, – заметил Каден, хватаясь за толстую веревку и принимаясь тащить. – С тех пор как я начал учиться у Тана, не прошло и дня, чтобы он меня не избил. На мне скоро живого места не останется!

– Просто работа?! – воскликнул Акйил, устремляя на него вопросительный взгляд, словно не верил своим ушам. – Что значит просто работа? Работа – это бедствие, мой друг, и возможно ведущее к фатальному исходу!

Несмотря на боль от ран, Каден едва скрыл улыбку. Носить камни и втаскивать черепицу на крышу – может быть, для Акйила это и впрямь непомерный труд. Молодой ученик провел в Ашк-лане не меньше времени, чем Каден, но хинскую этику и образ жизни принимать не спешил. По крайней мере, перемены в нем происходили не так скоро, как хотели бы многие из старших монахов. Шьял Нин, настоятель, а также некоторые умиалы не теряли веры в юношу, однако во многом он оставался тем девятилетним воришкой, что когда-то прибыл сюда из злочного Ароматного квартала в Аннуре.

Каден пробыл в Ашк-лане всего лишь несколько месяцев, когда Блерим Панно – монах Стертые Пятки, как его называли послушники, – неспешной походкой вошел во двор монастыря. Подол его коричневой рясы был обтрепан, но, не считая этого, долгая прогулка от Изгиба не нанесла ему никакого видимого вреда. Чего нельзя было сказать о трех мальчишках, тащившихся следом за ним, мальчишках, которым вскоре предстояло стать послушниками.

ками, – они выглядели измотанными и напуганными. Все трое хромали, поскольку их ноги были стерты до волдырей; все трое сгибались под тяжестью холщовых мешков, которые несли на спинах, и из всех троих лишь Акйил нашел в себе силы оглядеться по сторонам. Его смысленные карие глаза оценивающе осмотрели холодные каменные строения Ашк-лана, напомнив Кадену взгляд Эдура Уриарте, министра финансов при его отце. Впрочем, когда глаза добрались до Кадена, новичок окаменел, словно ощутив на своей коже острие невидимого кинжала.

– Это кто? – подозрительно спросил он у Панно.

Он ужасно растягивал гласные, широко открывая рот, так что Каден, выросший среди сладкозвучного аристократического выговора, принятого при императорском дворе, едва мог разобрать его речь.

– Его зовут Каден, – ответил Панно. – Он здешний ученик, как и ты.

– Я знаю эти глаза, – злобно тряхнул головой Акйил. – Это какой-то принц, или лорд, или еще кто-нибудь. Мне никто не говорил, что тут будут принцы с лордами!

Он выплюнул титулы, словно страшные ругательства. Панно спокойно положил руку на его плечо:

– Тебе никто этого не говорил, потому что здесь нет ни принцев, ни лордов. Здесь только хин. Возможно, Каден происходит из рода Малкенианов, и, возможно, наступит день, когда он вернется к своей семье, но здесь и сейчас он ученик, такой же, как и ты.

Акйил мерил Панно взглядом, словно проверяя истинность его слов.

– Хочешь сказать, он не будет мне указывать?

Услышав это, Каден вспыхнул. Он хотел было возразить, что не привык указывать людям, даже когда не жил в монастыре, однако Панно ответил прежде, чем он успел придумать гневную отповедь.

– Он здесь учится слушаться, а не командовать. – Словно желая подтвердить сказанное, он повернулся к Кадену. – Каден, будь добр, сбегай к Белому пруду и принеси свежей холодной воды для наших братьев. Они прошли с восхода немалое расстояние и, должно быть, хотят пить.

Каден насупился, сочтя приказание несправедливым, а Акйил, увидев это, расплылся в широкой нахальной улыбке. Это не походило на начало крепкой дружбы.

Однако за восемь лет между сыном императора и воришкой из Ароматного квартала, как ни странно, установились товарищеские отношения. Как и сказал Блерим Панно, монахи хин не обращали внимания на различия в статусе и воспитании, так что через какое-то время мальчишки забыли, что родители Акйила, которых он никогда не знал, были повешены согласно законам, установленным Каденовым отцом. И что когда-нибудь, если юноши вернутся к своим прежним занятиям, самого Акйила могут казнить по приказу, на котором Каден поставит свою печать.

– Как бы там ни было, – продолжал Акйил, разминая шею и потирая нагруженную руку, – твои слезливые истории не стоят и кучки пороссячьего дерьма. Я что-то не вижу, чтобы Тан сейчас тебя доставал.

– Преимущества общинной работы, – объяснил Каден, передавая другу следующую связку черепицы. – Пока я в монастырских трудах, Тан позволяет мне забыть об обучении.

– В таком случае, пожалуй, стоит растянуть эту работу.

С этими словами Акйил сунул связку черепицы Патеру и с довольным вздохом уселся на крышу. Каден посмотрел вниз, во двор монастыря. Клонящееся к закату солнце озаряло каменные строения и чахлые деревца. Было тепло, несмотря на то что в темных углах еще прятались островки грязного снега. По гравийным дорожкам, склонив головы и погрузившись в размышления, прогуливались несколько монахов, а в тени медитационного корпуса щипали редкую весеннюю травку две отбившиеся от стада козы, но Шьял Нина, отрядившего их на починку крыши, нигде не было видно.

– Последняя ушла! – крикнул снизу Фирум. – Хотите, я залезу к вам?

– Не нужно, – ответил Акйил. – Мы почти закончили!

– Правда? – скептически переспросил Каден, поглядывая на нетронутые связи.

Он снова взглянул во двор. Для отлынивающих от работы у хин имелись суровые наказания, хотя Акйил, похоже, так и не выучил этот урок, да и Патер понемногу перенимал дурные привычки старшего товарища.

– Кончай ты все время оглядываться, – укоризненно заметил Акйил, растягиваясь на черепице. – Никто не будет нас здесь выслеживать.

– Ты в этом так уверен, что рискнешь получить порку?

– Конечно уверен! – лениво отозвался тот, кладя голову на сплетенные пальцы и закрывая глаза. – Вот чему я в первую очередь научился в квартале: люди никогда не смотрят вверх.

Патер ссыпался к ним с верхушки крыши, позабыв про неуложенную связку черепицы.

– Это воровская мудрость такая? – жадно спросил он. – Правда, Акйил?

– Патер, сколько раз тебе говорить: нет никакой воровской мудрости! – простонал Каден. – Это просто название, которое Акйил придумал для изобретенных им правил, – кстати, они обычно не работают.

Акйил, приоткрыв один глаз, пронзил Кадена гневным взглядом:

– Не верь ему, Патер! Это действительно воровская мудрость, Каден просто никогда о ней не слышал, потому что провел свои молодые годы во дворце, где с ним носились как с писаной торбой. Скажи спасибо, что хоть здесь нашелся кто-то, способный позаботиться о твоём образовании... А кстати, Каден! – Он поспешил поменять тему, прежде чем тот успел обидеться на «писаную торбу». – Тан так тебя нагружает, что мы до сих пор и не поговорили о козе, которую ты потерял.

При словах Акйила в мозгу Кадена всплыло непрошеное воспоминание – сама-ан, вид зарезанной козы, – а вместе с ним пришел холодный ползучий страх, встопорщивший волоски между лопатками. Это, конечно, была небрежность мышления – позволить словам другого диктовать содержание своих мыслей; поэтому он сразу же отбросил и образ, и эмоцию. Впрочем, вечернее солнце грело, ветерок доносил до крыши смолистый аромат можжевельника, и не было большой беды в том, чтобы позволить себе отдохнуть пару минут, прежде чем снова идти разыскивать умиала. Бросив еще один взгляд в сторону монастыря, Каден устроился на черепице рядом с друзьями.

– Что ты хочешь услышать? – спросил он.

– Это ты мне скажи, – отозвался Акйил, поворачиваясь и опираясь на локоть. – Я знаю только, что коза была растерзана. И что ты не нашел никаких следов...

– И еще мозги! – вклинился Патер. – Кто-то съел ее мозги!

Каден кивнул. Он воссоздавал в памяти эти события чаще, чем признавался, однако так и не смог ничего добавить к прежнему воспоминанию.

– Да, примерно так.

– Это был лич! – объявил Патер, протискиваясь между двумя старшими товарищами и возбужденно жестикулируя. – Это мог сделать лич!

Акйил ленивым взмахом руки отмел нелепое предположение.

– Патер, что забыл лич в Костистых горах, да еще посреди зимы?

– А может, он скрывается! Может, соседи узнали, что он лич, и ему пришлось бежать среди ночи. Или нет, – вдохновенно фантазировал мальчишка. – Он, наверное, наложил на кого-нибудь кеннинг! Что-то жуткое, и...

– ...И потом пришел к нам резать коз? – хохотнул Акйил.

– Ну а что? Они ведь так и делают, – возразил Патер. – Едят мозги и пьют кровь, и все такое.

– Ничего подобного, Патер, – покачал головой Каден. – Они такие же люди, как и мы, просто... извращенные.

– Они плохие! – убежденно воскликнул мальчик. – Поэтому их всех надо повесить или обезглавить!

– Они действительно плохие, – согласился Каден. – И мы действительно должны их казнить. Но не потому, что они пьют кровь.

– Вообще-то, они могут пить кровь, – некстати заметил Акйил, тыча Патера под ребра, чтобы подзадорить его.

Каден снова покачал головой:

– Мы должны казнить личей, потому что они слишком могущественны. Нельзя допускать, чтобы кто-то искажал ткань реальности по своей прихоти. Это должно быть подвластно лишь богам.

Сотни лет назад атмани, правители-личи, потеряли рассудок и едва не уничтожили весь мир. Каждый раз, когда Каденом овладевало сомнение в том, что личи заслуживают ненависти и поношения, которые их окружают, ему достаточно было вспомнить их историю.

– Слишком властны! – воскликнул Акйил. – Слишком могущественны! И это я слышу от человека, который, поцелуй его Кент, однажды станет аннурским императором!

– Если верить Тану, в моей голове не хватит мозгов, даже чтобы стать хорошим монахом, – фыркнул Каден.

– Тебе и необязательно становиться монахом. Ты ведь собираешься править половиной мира!

– Может, и так, – с сомнением протянул Каден.

Сейчас Рассветный дворец и Нетесаный трон казались невероятно далекими, словно смутное воспоминание о детском сне. Как знать, может, отец будет править еще тридцать лет – время, которое Каден проведет в Ашк-лане, таская воду, перекрывая крыши и терпя побои своего умиала, а как же еще?

– Я не против работы или взбучки, если чувствую, что все это часть какого-то большого замысла. Но вот Тан... Ему вообще нет до меня дела, я для него словно какое-то насекомое.

– Порадовался бы, – заметил Акйил, перекатываясь на спину и устремляя взгляд в несущиеся по небу облака. – Я всю жизнь из кожи вон лез именно для того, чтобы от меня никто ничего не ожидал. Разочарование окружающих – ключ к успеху!

Он повернулся было к Патеру, но Каден опередил его.

– И это тоже не воровская мудрость, – заверил он мальчика, потом снова повернулся к Акйилу. – Знаешь, что Тан заставил меня делать на прошлой неделе? Считать. Он заставил меня пересчитать все камни во всех зданиях Ашк-лана.

– И тебя это огорчает? – спросил Акйил, тыча в него пальцем. – Да мне давали задания потруднее, когда мне не было и десяти!

Каден приподнял брови:

– Ты всегда был семи пядей во лбу, я знаю.

– И не нужно бросаться непонятными словами. Не все мы выросли под руководством учителя-манджари.

– Не ты ли заявлял, что все необходимые знания человек может получить от мясника, моряка и шлюхи?

– Без мясника с моряком можно обойтись, – пожал плечами Акйил.

Патер изо всех сил пытался поспеть за их диалогом, поворачивая голову то к одному, то к другому.

– Что такое шлюха? – заинтересовался он, но тут же, вспомнив прежнюю беседу, перешел к другому вопросу: – Если козу убил не лич, то кто?

Сцена снова встала перед мысленным взором Кадена: разбитый череп, выскобленный дочиста.

– Говорю тебе, я не знаю.

Он снова посмотрел во двор. Его взгляд скользнул мимо каменных строений и гранитных утесов туда, где солнце опускалось к бесконечным травянистым равнинам.

– Скоро стемнеет, – сказал он. – Если не вымоюсь и не найду Тана до ужина, мне придется похуже, чем той козе.

* * *

Умберский пруд представлял собой не столько пруд, сколько выемку в скалах в полумиле от монастыря. Белая река здесь приостанавливала свой бег, собирая силы в гулкой неподвижной тишине, прежде чем перелиться через край уступа головокружительным водопадом, низвергаясь на сотни футов в глубокое ущелье, откуда затем ленивой змеей выползала на равнину далеко внизу. Для Кадена, привыкшего в детстве мыться в медных бассейнах, которые дворцовые слуги наполняли горячей водой, было настоящим потрясением узнать, что в Ашк-лане единственное место, где можно помыться, – это пруд за пределами монастыря. Однако за годы он привык. Вода здесь была обжигающе холодной даже летом, а зимой тем, кто отваживался искупаться, приходилось пробивать во льду прорубь; делали это ржавым топором с длинной рукояткой, который монахи специально оставляли между камней. Тем не менее после долгого дня, проведенного за тасканием черепицы под яростным горным солнцем, окунуться в холодную воду было, пожалуй, приятно.

Прежде чем войти в воду, Каден помедлил. Было здорово на несколько минут оказаться наедине с собой, вдалеке от Тана с его заданиями, от Патера с его вопросами и Акйила с его вечными подначками. Он наклонился, зачерпнул пригоршню прозрачной воды и глотнул, потом выпрямился, чувствуя, как ледяная струя стекает вниз по пищеводу, и глядя на головокружительную тропу, спускавшуюся к подножиям гор и равнине.

В последний раз его ноги ступали по этой тропе восемь лет назад. Он шел тогда, вытягивая тощую шею, чтобы взглянуть на свой новый дом – дом, который словно прилепился к горам, таким высоким, что верхушками они протыкали облака. Каден был испуган: он боялся этого холодного каменного дома и боялся показать свой страх.

«Но почему? – умоляюще спросил он отца перед отъездом из Аннура. – Почему ты сам не научишь меня управлять империей?»

Суровое лицо Санлитуна разгладилось, и он ответил: «Когда-нибудь так и будет, Каден. Настанет день, и я буду тебя учить, как мой отец учил меня, – отличать правосудие от жестокости, храбрость от глупости, настоящих друзей от льстецов-прихлебателей. Когда ты вернешься, я научу тебя принимать взвешенные, суровые решения, которые из мальчика делают мужчину. Но есть кое-что, очень важное, первостепенное, чему я не в силах тебя обучить. Что это, ты знаешь у хин».

«Но почему? – умоляюще спросил Каден. – Они ведь не правят империей! Они не правят даже царством, они вообще ничем не правят!»

Отец загадочно улыбнулся, словно услышал какую-то очень тонкую шутку. Потом улыбка исчезла; он взял запястье сына и сильно сжал его особым образом – это называлось «солдатским захватом». Каден изо всех сил постарался ответить тем же, хотя его пальчики были слишком малы, чтобы как следует обхватить мускулистое предплечье отца.

«Десять лет, – сказал тот, сменяя обличье родителя на императорский лик. – Не так уж долго по меркам человеческой жизни».

Восемь лет прошло, думал Каден, опираясь спиной о покатый валун. Восемь лет, а научился он совсем немногому, и все это не имело никакой ценности. Он мог мастерить

горшки, чашки, кружки, кувшины и вазы из глины с речных отмелей. Он мог часами сидеть неподвижно словно камень или часами бежать в гору. Он мог ухаживать за козами. Он мог по памяти подробно нарисовать любое растение, животное или птицу (по крайней мере, если при этом его не избивают до крови, поправил он себя с кривой улыбкой). Он полюбил Ашк-лан, но не мог остаться здесь навсегда, а его достижения казались ничтожными после восьми лет обучения – ничего такого, что помогло бы в управлении империей. Теперь вот Тан заставляет его считать камни...

«Надеюсь, Валин лучше использует свое время, – подумал Каден. – Готов ручаться, он-то, по крайней мере, не проваливает свои задания».

Мысль о заданиях возродила боль в спине там, где ивовый прут рассек кожу.

«Лучше поскорее промыть раны, – подумал Каден, поглядывая на холодную воду. – Не будет ничего хорошего, если они загноятся».

Он через голову стянул балахон, вздрагивая от прикосновений грубой ткани к кровавым рубцам, и швырнул его на землю. Пруд был недостаточно глубокий и широкий, чтобы по-настоящему нырнуть, но в верхнем конце имелась узкая ступенька, с которой можно было погрузиться в воду сразу по грудь. Это было проще, чем входить постепенно – словно рывком отдирает засохшую болячку. Каден сделал три вдоха и выдоха, успокаивая сердцебиение и готовя себя к предстоящему погружению, и прыгнул.

Как обычно, ледяная вода полоснула его словно ножом. Однако Каден купался в этом пруду с десяти лет и давно научился справляться с температурой своего тела. Он принудил себя сделать долгий, глубокий вдох, задержал воздух, затем разогнал образовавшуюся толику тепла по своим дрожащим конечностям. Этому трюку его научили монахи. Шьял Нин, настоятель, мог целыми часами спокойно сидеть зимой под снегом, подставив голые плечи стихиям; хлопья снега касались его кожи и исчезали в маленьких облачках пара. Так Каден пока что не мог, но по крайней мере сумел не прикусить себе язык, когда потянулся через плечо, чтобы смыть засохшую кровь с израненной спины. С минуту он яростно тер кожу, затем повернулся к берегу. Но прежде чем он успел вскарабкаться обратно на скалу, тишину нарушил спокойный голос:

– Оставайся в воде.

Каден замер, судорожно втянув в себя воздух. Рампури Тан! Он повернулся, ища взглядом своего умиала, и обнаружил, что тот сидит в тени нависающей гранитной глыбы всего в нескольких шагах от него – ноги скрещены, спина выпрямлена. Тан больше походил на статую, вырубленную в скале, чем на фигуру из плоти и крови. Очевидно, он сидел там все это время, наблюдая и оценивая.

– Ничего удивительного, что ты не можешь рисовать, – заметил Тан. – Ты же слеп.

Каден мрачно стиснул зубы, отогнал подползающий холод и промолчал.

Тан не двигался. Вообще, судя по его виду, он мог сидеть без движения целую вечность; однако он разглядывал Кадена с таким вниманием, словно тот был головоломной задачей, выставленной на доске для игры в камни.

– Почему ты не увидел меня? – наконец спросил он.

– Вы смешались со скалой.

– Смешался. – Тан хохотнул, но в этом звуке, в отличие от смеха Хенга, не было ни капли веселья. – Я смешался со скалой! Что бы это значило?

Он перевел взгляд на темнеющее небо, словно надеялся прочесть ответ в полете соколов, круживших наверху.

– Можно смешать заварку и горячую воду, чтобы получить чай. Пекарь смешивает муку с яйцами. Но как можно смешать плоть с камнем?

Тан покачал головой, словно показывая, что это для него непостижимо.

Кадена, стоявшего в ледяной воде, начинало трясти. Тепло, накопившееся в его теле за целый вечер таскания черепицы, теперь было не больше чем воспоминанием – холодное течение давно унесло его за край уступа.

– Ты знаешь, зачем ты здесь? – спросил монах после бесконечной паузы.

– Я должен научиться дисциплине, – ответил Каден, следя, чтобы язык не попал между клацающих зубов. – Послушанию.

Тан пожал плечами:

– Все это важные вещи, но ты бы научился дисциплине и послушанию у крестьянина или каменщика. Хин могут научить тебя большему.

– Концентрации! – догадался Каден.

– Концентрации? Какое дело Пустому Богу до твоей концентрации? Почему его должно заботить, что какой-то ученик в тусклом каменном здании способен воссоздать форму листа? – Тан развел руками, словно ожидая ответа Кадена, и затем продолжил: – Твоя концентрация оскорбляет твоего бога! Твое присутствие, само твое «я» оскорбляют твоего бога!

– Но наше обучение...

– Просто инструмент. Молоток – это не дом. Нож – это не смерть. Ты путаешь средство с целью.

– Ваниате, – выговорил Каден, отчаянно стараясь справиться с колотившей его дрожью.

– Ваниате, – подтвердил Тан, медленно произнося странные слоги, словно пробовал их на вкус. – Ты знаешь, что это?

– Пустота, – стуча зубами, проговорил Каден. – Ничто.

Все, что изучали монахи, все упражнения, которые умилалы давали своим ученикам, бесконечные часы рисования, бега, постов и рытья земли были направлены на достижение одной неизменной цели: пустоты ваниате. Два года назад, в момент раздражения и замешательства, Каден имел глупость поставить под вопрос ценность этой пустоты. Услышав его вызывающую реплику, Хенг громко расхохотался, после чего, добродушно улыбаясь, заменил миску и кружку ученика двумя камнями. Каждый день Каден стоял в очереди в трапезной лишь для того, чтобы увидеть, как монах, раскладывая еду, поливает супом из черпака бесформенный кусок гранита. Порой на нем чудом удерживался кусочек баранины или моркови; но чаще мучимый голодом Каден был вынужден смотреть, как густой бульон стекает с камня обратно в общую кастрюлю. Когда другие монахи доверху наполняли свои кружки холодной водой, Каден мог лишь плеснуть воды на свой камень и затем облизывать его, царапая язык о шершавый кварц.

Спустя две недели Хенг, все так же улыбаясь, вернул Кадену миску с кружкой. Однако прежде чем дать их ему, он взял в руку камень, с которого Каден пытался пить.

«Твой ум подобен этому камню: он твердый и цельный. Больше в него ничего не влезет. Ты доверху набил его мыслями и эмоциями и еще считаешь, что этой полнотой стоит гордиться! – Он посмеялся нелепости такого представления. – Как тебе, должно быть, не хватало твоей старой пустой миски!»

На протяжении последующих лет Каден прилежно развивал в себе это умение, учился обустроить пустое место внутри себя, в собственном уме. Естественно, он не овладел им полностью – большинство монахов достигали ваниате лишь через тридцать-сорок лет практики, – но что-то у него все же получалось. Сама-ан – искусство запоминания и вызова воспоминаний – играло в практике центральную роль, это было то кайло, тот рычаг, при помощи которого хин выколупывали собственное «я». Хенг рассказал, что забитый до отказа ум сопротивляется новым впечатлениям, он предпочитает сам выплескиваться в окружающий мир, а не вливать этот мир в себя. Неспособность воспроизвести форму крыла дрозда, к примеру, указывала на ум, скованный бесполезными, эфемерными идеями.

И ум был не единственным препятствием. Тело тоже болело, зудело, раздражалось, требовало мелких удовольствий. И когда монах освобождал свой мозг от мыслей и эмоций, голос тела с готовностью заполнял пустое пространство. Чтобы заставить его замолчать, хин подолгу стояли голыми на палящем солнце, бегали босиком по снегу, целыми днями сидели в одной позе со скрещенными ногами, невзирая на сведенные судорогой мышцы и стянутый узлом желудок. До тех пор, пока тело посягает на ум, достичь ваниате невозможно, поэтому хин один за другим вызывали на бой желая своего тела, повергали их наземь и отбрасывали прочь.

Практика была нелегкой. Не далее как в этом же году Каден помогал монахам вытаскивать со дна ущелья тело одного из учеников. Мальчик, которому было всего одиннадцать лет, упал и разбился насмерть, когда ночью пытался сбежать из монастыря. Впрочем, такие трагедии случались нечасто. Умиалам полагалось знать пределы возможностей своих учеников, и тот монах, под чьим началом состоял разбившийся мальчик, подвергся суровому наказанию. И тем не менее рассеченные ноги, отмороженные пальцы и сломанные кости считались неизбежной частью обучения новичка в монастыре в первые пять лет.

Поиск ваниате, разумеется, не имел завершения, и даже старейшие монахи признавали, что встречаются с трудностями. Ум подобен глиняному горшку, выставленному под дождь. Монах может опустошать его каждый день, и тем не менее все те же надежды и тревоги, скудные телесные силы и неувядающие недуги постоянно барабанят в дно и стекают по стенкам, наполняя сосуд заново. Жизнь хин проходила в вечном бдении.

Монахи не были особенно жестоки, однако они не прощали капризы человеческих эмоций. Любовь и ненависть, печаль и радость – все это в их глазах были путы, привязывающие человека к иллюзии «я», а «я» в словаре хин было равносильно проклятию. Оно затмевает собой все, затемняя ум, замутняя ясность мира. В то время как монахи стремились достичь пустотности, «я» постоянно просачивалось внутрь, словно холодная вода на дно глубокого колодца.

Конечности Кадена налились свинцом. В талой воде с гор, заполнявшей Умберский пруд, пальцы на руках и ногах онемели, а все внутри застыло настолько, что каждый вдох приходилось с усилием проталкивать в отяжелевшие легкие. Он еще ни разу не оставался в пруду так долго ранней весной, и тем не менее Тан, по-видимому, не собирался его жалеть.

– Пустота, – задумчиво произнес монах. – Это слово можно перевести и так, однако наш язык не очень хорошо подходит для столь чуждого нам понятия. Ты знаешь, откуда произошло слово «ваниате»?

Каден в отчаянии покачал головой. В настоящий момент ничто не заботило его меньше, чем происхождение какого-то странного понятия, которым были одержимы хин. Две зимы назад один из младших монахов, Фаллон Йоргун, замерз насмерть после того, как сломал ногу, обегая Вороний Круг, а ведь вода охлаждает тело гораздо быстрее, чем воздух.

– Кшештрим, – наконец проговорил Тан. – Это слово из языка кшештрим.

В любых других обстоятельствах Каден наострил бы уши. Кшештрим были сказочными персонажами – злобная, давно исчезнувшая раса, которая населяла мир, когда тот был еще молод, правила этим миром до появления людей, а затем вела безжалостную войну за их уничтожение. Каден никогда не слышал, чтобы о кшештрим упоминали в какой-либо связи с ваниате. Почему хин взбрело в голову овладеть искусством, изобретенным какими-то давно вымершими недружелюбными существами, Каден представить себе не мог, а учитывая, что тепло понемногу утекало из его тела, не мог также заставить себя заинтересоваться этим вопросом. Кшештрим исчезли уже несколько тысяч лет назад, если вообще когда-то жили, и, если Тан не выпустит его из воды, он очень скоро последует за ними.

– Для кшештрим, – вещал монах, – ваниате не было таинственным искусством, которым необходимо овладеть. Они постоянно пребывали в ваниате! Эмоции были так же чужды их уму, как пустота – нашему.

– Почему вы хотите, чтобы я этому научился? – слабым голосом спросил Каден.

Дышать было трудно, говорить – почти невозможно.

– Обучение, – презрительно отозвался Тан. – Ты слишком много внимания уделяешь обучению. Практика. Развитие. Рост. Твое «я»... Может быть, если прекратишь думать о своем обучении, ты наконец узришь мир вокруг! И заметишь меня среди теней.

Каден промолчал. В любом случае он не был уверен, что смог бы выговорить хоть слово, не откусив себе кончик языка.

«Что же, он сказал что хотел, – подумал Каден про себя. – Теперь я смогу вылезти из этого Шаэлем проклятого пруда!»

Правда, он не знал, осталось ли в его руках достаточно силы, чтобы выбраться на берег, но Тан ему, конечно, поможет. Старший монах, однако, не делал попыток встать.

– Тебе холодно? – спросил он внезапно, словно эта мысль только сейчас пришла ему в голову.

Каден яростно закивал.

Тан разглядывал его с отстраненным любопытством, с каким любой другой монах мог бы изучать раненое животное.

– Что у тебя замерзло?

– Н-ноги, – с трудом вымолвил Каден. – Ру-руки...

Тан нахмурил брови:

– А тебе – холодно?

Его интонация звучала как-то по-другому, но Каден не мог понять, что она означает. Кажется, вокруг стало темнее... Не может же быть, чтобы солнце уже село. Он попытался вспомнить, поздно ли было, когда он начал спускаться к пруду, но не мог думать ни о чем, кроме тяжелой неподвижности своих членов. Он заставил себя сделать вдох. Был какой-то вопрос... Тан задал ему вопрос.

– Тебе холодно? – снова спросил монах.

Каден беспомощно смотрел на него. Он больше не чувствовал ног. Он вообще почти ничего не чувствовал. Холод куда-то пропал. Холод пропал, и Каден перестал трястись. Вода ощущалась как... Как ничто. Как воздух. Как пространство. Может быть, если он закроет глаза, только на минуточку...

– Тебе холодно? – повторил Тан.

Каден устало качнул головой. Холода больше не было. Он позволил своим векам сомкнуться, и его окружило ничто, приняв в свои мягкие объятия.

Потом за его спиной появился кто-то и начал тащить из воды, ухватив за подмышки. Он пытался возразить, что слишком устал, чтобы двигаться, что он просто хочет немного поспать, но неведомый тянул до тех пор, пока Каден не распростерся на земле. Сильные руки закутали его в какую-то одежду или, может быть, одеяло – онемевшая кожа не ощущала плотности ткани. Резкий удар по лицу вывел Кадена из оцепенения. Он открыл глаза, чтобы протестовать, и Тан отвесил ему еще одну жестокую пощечину.

– Больно, – невнятно пожаловался Каден.

Тан остановился.

– Что болит?

– Щека...

– А тебе – больно?

Каден попытался сосредоточиться на вопросе, но тот казался бессмысленным. Весь мир превратился в туман. Боль была красной линией, нацарапанной на небытии.

– Щеке больно...

– А тебе? – настаивал Тан.

Каден открыл рот, но долго не мог найти слова.

– Мне нет... – наконец вымолвил он.

Чего монах от него добивается? Боль, темнота. Больше ничего нет.

– Я не... – заговорил он и не смог закончить.

Умиал молча ждал. Его темные внимательные глаза блестели.

– Хорошо, – произнес он в конце концов. – Будем считать это началом.

9

Святылище Хала, Владыки Тьмы, покровителя всех, кто обитает в тени, не было храмом. Это был огромный гробовой дуб, распростерший на добрую четверть акра свои корявые черные ветви, похожие на узловатые скрюченные артритом пальцы, вцепившиеся в небеса. С каждой ветви, с каждого сучка свисали летучие мыши, настолько тесно прижавшись друг к другу, что сперва Валин принял их за тяжелую черную листву – десятки тысяч летучих мышей, плотно завернувшись в свои крылья в молчаливом ожидании ночи. Когда опустится тьма, они взмоют в небо мельтешащим безмолвным роем, оставив после себя голые, словно кости, ветви. Даже летом на гробовике не было листьев – летучие мыши буквально заменяли ему листву. Когда они перед рассветом возвращались на свои насесты, кровь капала с их клыков и просачивалась в плотную землю между корнями, питая дерево. В отличие от своих собратьев, этот гробовик не нуждался в солнечном свете.

Валину доводилось видеть и другие гробовые дубы в ходе обучения – они встречались редко, но росли по всему Эридройскому континенту, – однако это дерево, взгромоздившееся на склон невысокого холма над Гнездом, намного превосходило размерами все, которые ему попадались. Внизу, среди складских построек, спальных корпусов и тренировочных площадок, кеттрал возвели также несколько небольших храмов, посвященных некоторым молодым богам – богу храбрости Хекету, богу боли Мешкенту. Они устроили даже маленькое каменное святилище Кавераа в надежде, что Повелительница Страха не станет трогать тех, кто ей поклоняется. Однако именно здесь, у подножия древнего гробовика, кеттрал возносили свои самые преданные молитвы. Храбрость и боль – это все, конечно, хорошо, но лишь темнота хранила солдат, когда они летели на задание, пристегнутые к своим птицам, темнота окутывала их, когда они убивали врагов, и темнота плащом прикрывала их отступление, когда они растворялись в ночи.

До каждого задания и по возвращении с него солдаты оставляли под дубом свою жертву. Здесь не было монет и драгоценностей, наваленных между корнями, не было свечей и дорогого шелка. Кеттрал знали, что нужно дереву для выживания. Год за годом Валин смотрел, как они цепочкой поднимаются по узкой извилистой тропке, вытопанной в склоне холма; смотрел, как они становятся на колени и обнажают свои клинки; смотрел, как сталь впивается в теплую плоть, как брызжет кровь, окропляя жадные корни. Знал ли об этом Хал и было ли ему до этого дело, оставалось только гадать. Старые боги всегда были непостижимы.

Когда Валин впервые прибыл на Острова, мрачное дерево и пропитанная кровью земля под ним, мягко говоря, не вызвали у него приятных эмоций. Династия Малкенианов – род Валина – вела свое происхождение от Интарры, и Рассветный дворец, в котором он провел детство, всегда был полон светом и воздухом. Сейчас, однако, вид гробовика более чем соответствовал его настроению. Хотя прошла почти неделя с тех пор, как заведение Менкера рухнуло в воды залива, он по-прежнему не мог отогнать от себя образ Салии с лицом, залитым кровью. Засыпая, он вновь и вновь оказывался в горящем трактире, слышал голос Салии, умоляющий его о помощи, а просыпаясь, искал ее кровь на своей коже.

Он был в ярости на Ха Лин и одновременно чувствовал всю глупость своего гнева. Она сделала верный выбор в трудной ситуации. Как писал Гендран: «Либо умирают твои идеалы, либо ты». Если бы Валин прыгнул с телом Салии на плече, он наверняка окончил бы свои дни, нанизанный на расщепленную сваю.

«Но это я должен был решать!» – гневно возражал он себе, стискивая кулаки.

В дополнение к основному обучению каждый из кеттрал овладевал какой-либо специальностью: кто-то готовился стать снайпером, кто-то подрывником, кто-то пилотом, кто-то личем. Командование с самого начала решило, что Валин вполне способен стать предводителем соб-

ственного крыла. Если он пройдет Пробу, в его власти окажутся жизни других солдат, но власть подразумевает готовность принимать решения.

Кровь летела вниз мелкими каплями. Валин не обращал на нее внимания. Он не общался с Лин со времени происшествия у Менкера; он просто не знал, что ей сказать. По крайней мере, здесь, в мрачной тени гробовика, у него было время подумать, время определиться со своими чувствами, не говоря и не делая ничего, о чем он мог бы потом пожалеть... Вот только, взглянув с вершины холма в сторону лагеря, он обнаружил гибкую фигурку, поднимающуюся по тропе вверх к нему.

Ха Лин остановилась, чуть-чуть не дойдя до первых нависающих ветвей, и подняла голову. С отвращением на лице она разглядывала дремлющих летучих мышей. Валин не сомневался: в свое время она, как и все остальные, придет сюда, чтобы принести жертву богу, но ей так и не удалось побороть неприязнь к этому месту. В том числе поэтому Валин его и выбрал: он надеялся, что мрачные ветви и тихий шорох шевелящихся во сне мышей отпугнут девушку. Как бы не так.

Лин поглядела на него, поджав губы; ее глаза, обычно столь теплые и открытые, были сощурены. Она, должно быть, пришла сюда прямо с тренировки – черная униформа вся в глине, а на левой щеке сочится кровью небольшой порез. Но и сейчас, измочаленная и грязная, она полностью владела собой и даже выглядела красивой.

«И это, Шаэль побери, еще больше усугубляет проблему», – мрачно подумал Валин.

Ведь он не испытывал бы и десятой доли тех мучений, придумывая, что сказать в подобных обстоятельствах Лейту, или Генту, или даже Талалу.

– И долго еще ты собираешься дуться? – наконец спросила Лин, поднимая бровь.

Валин скрипнул зубами:

– Было неправильно ее убивать!

– Валин, – произнесла Лин, – понятия «правильно» и «неправильно» – это роскошь.

– Это необходимость!

– Может быть, для других людей. Но не для нас.

– Для нас в первую очередь! Если у нас нет представления о том, что правильно, а что неправильно, то чем мы лучше Присягнувших Черепу, которые убивают ради убийства, отнимают у людей жизни, чтобы порадовать Ананшаэля?

– Мы не Присягнувшие Черепу, – согласилась Лин. – Но мы и не рыцари Хекета. Мы не разъезжаем на белых жеребцах, по-идиотски махая тяжелыми мечами и бросая благородный вызов врагам. Может, ты не заметил? Мы кеттрал, Валин. Мы убиваем людей. Причем чаще всего ядом или ножом в спину. Иногда стреляем из-за угла – предпочтительно ночью. Не очень благородно, зато эффективно. Именно к этому нас и готовят.

– Но не служанок же, – упрямо возразил Валин. – Не гражданских.

– Да, служанок! Да, гражданских! Если так нужно. Если они мешают выполнить задание.

– Это было не задание, Кент подери! Мы пытались спасти людям жизнь!

– Может, ты этим и занимался, а я пыталась спасти жизнь тебе! – отрезала Лин, яростно сверкая глазами. – Девушка была непосильным бременем. Из-за нее ты мог умереть. Я сделала то, что должна была сделать.

– Вероятно, был другой способ.

Он думал об этом уже сотни раз. Мог он выскочить через окно? Или перепрыгнуть к одному из соседних зданий? Сейчас вопрос был чисто теоретический. Трактир Менкера пошел ко дну, и Салия вместе с ним.

– Другой способ, вероятно, был! А ты, вероятно, сейчас был бы мертв. Все решают шансы, Валин, ты не хуже меня знаешь.

Девушка глубоко вздохнула и обмякла. Весь гнев внезапно словно вытек из Лин, оставив ее слабой и беспомощной.

– Я всегда думала, что это произойдет в бою, – произнесла она после долгого молчания. – Хотя бы в какой-нибудь стычке.

Валин замялся, сбитый с толку новым поворотом разговора.

– Ты о чем? Что произойдет?

Лин взглянула ему прямо в глаза:

– Салия у меня первая. Моя первая жертва.

На Островах праздновали первое убийство, так же как гражданские празднуют помолвку или день рождения. Подобно Халовой пробе или первому самостоятельному заданию, убийство было ритуалом перехода к новому статусу, неизбежным шагом. Сколько бы тебя ни обучали, сколько бы ты ни тренировался, до тех пор, пока ты не убил человека, ты не мог считаться кеттрал. И Лин, конечно, была права: никто не ждет, что его первой жертвой будет трактирная служанка в обмороке. Такое никому не нужно.

Валин длинно, медленно выдохнул. Охваченный гневом и чувством вины, он даже не подумал, что значила смерть Салии для его подруги. Да, он держал девушку в момент ее смерти, но нож в нее бросила Лин. Она взвалила на себя это бремя, причем не ради себя, но чтобы спасти его! Из какого-то позабытого уголка сознания выплыли слова отца, жесткие и неуклонные: «Придет время, и вы с Кадемом оба станете руководителями, и когда это произойдет, помните одно. Руководитель – не тот, кто отдает распоряжения. Распоряжаться может каждый дурак. Настоящий руководитель слушает. Он готов изменить свое мнение, готов признать свои ошибки».

Валин скрипнул зубами.

– Спасибо тебе, – проговорил он.

Получилось жестче, чем он рассчитывал, но все же он это сказал. Лин подняла к нему настороженный взгляд, словно ожидала уловки.

– Ты была права, – добавил Валин, выжимая из себя каждый слог. – Я ошибался.

– Ох, Ананшаэля ради, Валин! – простонала Лин. – Какой же ты все-таки гордец! Понятия не имею, почему я...

Она оборвала себя.

– Я пришла сюда не за тем, чтобы ты сообщил мне, что я была права, – объявила она. – Я пришла, потому что меня кое-что беспокоит.

– Беспокоит?

– Трактир Менкера, – пояснила Лин, махнув в направлении Крючка по ту сторону пролива. – Он не сам по себе рухнул.

Валин сдвинул брови. Его мучила та же мысль, но он не был уверен, что подозрения обоснованны, а не являются признаком паранойи.

– Дома рано или поздно разваливаются, – сказал он. – Тем более старые. Тем более на Крючке.

– Эдолиец предупреждает тебя о заговоре, а неделю спустя здание, спокойно стоявшее десятилетиями, вдруг случайно рушится через каких-то пару минут после того, как ты оттуда вышел?

Валин дернул плечом, пытаясь унять растущее внутри беспокойство:

– Если вглядываться, что угодно покажется подозрительным.

– Подозрения спасают людям жизнь, – возразила Лин.

– Подозрения сводят людей с ума, – парировал Валин. – Если кто-то хочет моей смерти, убить меня можно куда изящнее, чем обрушив мне на голову целое здание.

– Правда? – подняла брови Лин. – По мне, так вполне изящно. Обычный несчастный случай: еще один притон на Крючке развалился, придавив десяток человек. Ничего слишком уж странного. Кто заподозрил бы покушение на члена императорской семьи? Хал свидетель, это гораздо изящнее, чем просто перерезать тебе глотку!

Валин поморщился. И тут она права. Он знал, что она права, и тем не менее на Островах всегда хватало несчастных случаев. Всего неделю назад Лему Геллену раздавило ногу огромным валуном во время учебного задания на Карне. Если начнешь оглядываться через плечо на каждом повороте, чего доброго докатишься до того, что перестанешь спать и не будешь доверять ни единому человеку.

– Мы никогда не узнаем наверняка, – сказал он, глядя через пролив.

Крючок лежал разноцветной мешаниной домов и лачуг, ясно видимый по ту сторону узкой полоски воды.

– Я мог бы всю неделю рыться в развалинах и все равно бы ничего не нашел.

– А что, если, – осторожно заговорила Лин, – ты не тот человек, кому стоит рыться в развалинах. Последние восемь лет тебя обучали командовать крылом; я овладеваю благородным искусством стрельбы из лука. Однако у нас есть с пяток братьев и сестер, которых учат взрывать мосты и рушить здания.

– Подрывники, – кивнул Валин.

– И я подумала, а вдруг кто-нибудь из них более компетентно скажет, подготовили ли трактир к случившемуся?

Валин задумался:

– Мне пришлось бы раскрыть свои карты. Признаться, что я чего-то опасуюсь.

– Разве это так уж плохо? Может быть, тот, кто пытается тебя убить, в следующий раз хорошенько подумает.

– Мне не надо, чтобы они хорошенько думали, – возразил Валин, подняв брови. – Мне надо, чтобы они вообще не думали или хотя бы как следует выпили перед этим.

– Я только хочу сказать, хуже не будет.

Кажется, она опять права. Валин окинул взором лежащий внизу лагерь. Строения были словно аккуратно нарисованы на плане – складские помещения, столовая, спальные корпуса, командный центр... Которое из них обрушится ему на голову в следующий раз? В котором из них засел предатель или предатели? Можно ждать, на каждом шагу оглядываясь и предчувствуя новое нападение, или начинать действовать самому.

– Похоже, выбор у меня невелик, – признал Валин. – Кого ты посоветуешь?

– Даю тебе две попытки, – ухмыльнулась Лин, – но думаю, ты угадаешь и с одной.

– Гвенна. – Валин тяжело вздохнул. – Помоги нам Хал!

По всей видимости, Лин тоже была не в восторге от открывающейся перспективы, но прежде чем она успела ответить, в небе над ними скользнула темная тень, беззвучная и стремительная. Подняв голову, Валин увидел кеттрала – широко распластав крылья, тот заходил на сброс на поле внизу.

– Птица на посадке, – произнесла Лин, прикидывая траекторию полета кеттрала над островом, начинавшуюся где-то над низкими утесами на северо-западе. – Похоже, они прилетели...

– Из Аннура, – закончил за нее Валин. – Фейн вернулся.

* * *

Столовая кеттрал, низкое одноэтажное здание, заставленное скамьями и длинными деревянными столами, мало походила на заведение Менкера, да и на любой другой трактир на Крючке. Начать с того, что здесь не подавали эль. Всем, кому хотелось чего-нибудь покрепче черного чая, приходилось переправляться на ту сторону пролива. Далее, здесь не было шлюх и вообще гражданских – одни кеттрал, как и повсюду на Карше. За столами постоянно кто-то сидел: те, кому предстояло лететь на задание, заправлялись сухарями и сухофруктами, те, кто вернулся, налегали на тушеное мясо. Кухонные рабы трудились дни и ночи напролет –

еда требовалась солдатам в любое время суток. Как правило, люди здесь сосредотачивались на своей трапезе, любые разговоры были тихи и немногословны. Сейчас, однако, влетев в дверь, Валин и Лин обнаружили, что столовую вполне можно было принять за трактир, и притом весьма преуспевающий.

Казалось, в зал втиснулась половина Карша; вокруг столов было не протолкнуться, и Валин подумал, что он, должно быть, едва ли не последним заметил летящую с севера птицу. Люди сидели тесными кучками – здесь члены одного крыла, там горстка кадетов, – но все говорили одновременно.

Где-то в этой толкучке потерялась Лин, но сейчас Валина интересовал лишь один человек в дальнем конце помещения. Адаман Фейн сидел рядом с дверью, ведущей в кухню. Казалось, он был больше занят своим куском говядины, чем разговором, однако Валин заметил, что между глотками Фейн успевал отвечать на вопросы окруживших его ветеранов. Компания подобралась суровая – Гирд-Топор, Пленчен Зее, Веррен из Раалте, – и Валин, несмотря на все свое нетерпение, медлил, прежде чем протиснуться в их кружок.

– Погоди-ка, Вал. – Кто-то придержал его за рукав. – Я бы на твоём месте не стал влезать в эту милую беседу, если не хочешь, чтоб тебе проломили голову.

Повернувшись, Валин увидел Лейта: с насмешливой улыбкой пилот показывал туда, откуда только что пришел. Лейт был на ладонь ниже Валина и к тому же довольно худощав, но обладал непринужденной манерой держаться, которая в совокупности с острым языком обеспечивала ему место в любом разговоре и делала его словно бы выше ростом. Большинство кадетов на Островах подавали себя несколько нахально – высокое самомнение просто необходимо, если считаешь себя достойным занять место среди горстки самых смертоносных людей в империи. Самоуверенность Лейта, однако, такого же кадета, как и Валин, была совсем другого толка. Он заставлял свою птицу летать быстрее, чем многие из ветеранов, выполнял маневры, от которых у Валина, наблюдавшего с земли, скручивало живот, и никогда не упускал случая похвастаться своими подвигами. Он доводил до белого каления половину инструкторов; другая половина забавлялась от души, но предсказывала ему скорый конец, еще до Пробы. Впрочем, несмотря на браваду, товарищ он был веселый и легкий в общении, не в пример многим другим кадетам. Они с Валином были в хороших отношениях.

– Пошли, – сказал он, обнимая Валина за плечи, чтобы увести подальше от толкучки. – Наш столик вон там, в углу.

– Фейн привез вести о моем отце.

– Умеешь ты подметить очевидное, – похвалил Лейт. – Как и сотня других, кто здесь находится. Брось! Фейн летел всю ночь и больше половины дня; едва ли ему хочется сейчас говорить с тобой.

– Мне нет дела до того, что ему хочется...

В этот момент Валин заметил, что Лин делает ему знаки с дальнего конца столовой. Она сидела за тем самым столиком, на который кивал Лейт, вместе с другими кадетами.

– Пошли, – повторил Лейт не без сочувствия в голосе. – Мы здесь уже больше часа, мы все тебе расскажем.

Они протиснулись к низкой скамье, где уже сидело четверо – Ха Лин, Гент, Талал и тихий парень по имени Феррон, у которого, по общему мнению, не было шансов пройти Пробу. Непредвиденное прибытие Фейна встряхнуло Валина, и тот нетерпеливо присоединился к общему разговору.

– Ну что? – спросил Валин, оглядывая лица собравшихся в поисках хоть намека.

– Жрец, – коротко отозвался Гент. – Какой-то Кентом занюханый жрец, захотевший власти.

– Уиниан Четвертый, – уточнил Лейт, освобождая для Валина место на скамье. – Сомневаюсь, что кто-нибудь из следующих жрецов, если жрецы вообще останутся, захочет взять себе имя Уиниана Пятого.

– Жрец? Чей жрец? – спросил Валин.

Он покачал головой, не веря услышанному. Ладно, если бы отец погиб в битве или пал от руки подосланного иноземного убийцы... Но чтобы Санлитуна убил какой-то жирный прелат?

– Интарры, – ответил Лейт.

Валин кивнул. Даже не один из Присягнувших Черепу...

– Как это произошло?

– Старый добрый способ, – отозвался Гент и добавил, сопровождая слова жестом: – Нож в спину, и готово дело.

– Гент, – тихо одернул его Талал, кивая в сторону Валина.

– Что? – возмущенно спросил тот, потом до него дошло. – Ох, прости, Вал! Я как обычно: деликатен, как бычий член.

– Еще хуже, – заметил Лейт, сочувственно хлопая Валина по плечу. – Короче, суть в том, что все это выглядит довольно примитивно: бьющая через край гордыня, жажда власти... Будни нашего мерзкого мирка.

Валин обменялся с Лин быстрыми взглядами. Один недовольный чем-то жрец с ножом в руке не очень-то походил на великий заговор; с другой стороны, культ Интарры – одно из крупнейших религиозных течений в империи. Если Уиниан представляет собой лишь часть чего-то глобального, кто знает, куда это все заведет?

– Как ему удалось подобраться? – спросил Валин. – Моего отца всегда окружали полдюжины эдолийских гвардейцев, стоило ему выйти из своих личных покоев.

– Видно, он плохо подобрал эти полдюжины, – развел руками Лейт.

– Ошибки иногда случаются, – кивнула Лин. – Прошел слух, что твой отец сам приказал гвардейцам оставить его.

Валин пытался как-то увязать это предположение с воспоминаниями из детства, но идея, что отец сам отказался от охраны, казалась абсолютной бессмыслицей.

– Командование до сих пор на ушах стоит, – заметил Талал, рассеянно теребя железный браслет на своей руке. – С тех пор как пришло известие об убийстве, крылья только и делают, что летают туда-сюда, днем и ночью. Возможно, кто-то из командиров считает, что за этим стоит нечто большее.

Высказывание было вполне в манере лича: взвешенное, продуманное, осмотнительное. Личи с раннего возраста учились держать свои тайны при себе; те, кто учился плохо, вскоре болтались на конце веревки. Талал не был исключением – он относился к миру куда настороженнее, чем Лейт или Гент.

– Что может быть больше? – спросил Гент, пожав плечами. – Уиниан предстанет перед судом, а потом его казнят.

– Как говорит Гендран: «Смерть проясняет все», – согласился Лейт.

– А что моя сестра? – спросил Валин. – С ней все в порядке? Кто сейчас правит империей?

– Притормози, – посоветовал Лейт. – Успокойся. С Адер ничего не случилось. Ее повысили до главы министерства финансов. Регентом назначен Ран ил Торнья.

– Отличный выбор! – одобрил Гент. – Можешь себе представить, что бы было, если бы какой-нибудь бюрократ пытался сейчас удержать военных?

Валин покачал головой. Смерть отца ничего не проясняла, а вся эта дополнительная информация – о жреце Уиниане, о кенаранге, назначенном на регентство, о предстоящем суде – лишь еще больше запутывала дело.

Внезапно столовая показалась ему слишком тесной. Скопление людей, гул разговоров, вонь жарящегося мяса и подгорелого сала разом обступили Валина – его начало подташнивать, голова закружилась. Приятели-кадеты просто пытались ему помочь, просто делились информацией, о которой он сам просил; однако в небрежном тоне, с каким они обсуждали смерть его отца, было что-то, отчего ему хотелось кого-нибудь ударить.

– Спасибо, – сказал Валин, с трудом поднимаясь на ноги. – Спасибо за новости. У меня еще остался часик до второго колокола. Я, пожалуй, им воспользуюсь и немного вздремну.

– Решил заморить себя голодом? – спросил Гент, подсовывая ему через стол миску с творогом.

– Я не голоден, – буркнул Валин, прокладывая себе дорогу к выходу.

Только оказавшись снаружи и проделав половину пути к своему барaku, он заметил, что Ха Лин последовала за ним. Он и сам не знал, расстроился он или обрадовался.

– Тебе, наверное, тяжело было все это вынести, – тихо сказала она, за несколько быстрых шагов догнав его и пристроившись рядом. – Я сожалею.

– Ты не виновата. Никто не виноват. Смерть – это нормально. Разве не этому нас учили последние восемь лет? Ананшаэль приходит за всеми.

– Смерть – это нормально, – согласилась она. – Коварное убийство – нет.

Валин принужденно пожал плечами:

– Умирают по-разному. От гангрены, от старости, от ножа в спину... При любом раскладе все там будем.

10

Ангар подрывников не представлял собой ничего особенного: сарай, сколоченный из обрезков досок, с крышей, которая, судя по виду, едва могла защитить от хорошего дождя. Не было смысла строить что-либо более основательное, учитывая, что примерно раз в год строение взрывалось или сгорало дотла. Валин подошел к нему, испытывая некоторый трепет. Некогда он проходил здесь практику, обучаясь конструировать и приводить в действие мощные взрывные устройства – «звездочки», «фитили», «кроты», «копья», – к которым имели доступ только кеттрал, но это место почти всех заставляло нервничать. Низкая котловина, в которой располагался ангар, напоминала участок каменистой пустыни или дно высохшего озера: из растрескавшейся почвы торчали редкие обгоревшие стебельки, обнажившиеся известняковые глыбы молчаливо накалялись на горячем солнце, и над всем висел едкий запах селитры. Не считая тех кадетов и кеттрал, чье обучение было посвящено взрывчатым веществам, большинство обитателей базы обходили это место стороной.

Валин бросил взгляд на Ха Лин, пожал плечами, толкнул шаткую дверь, заскрипевшую на петлях, и шагнул через порог. Внутри царил полумрак, но темно не было: солнечные лучи проникали через многочисленные щели в стенах, да и тонкая парусина, закрывавшая окна, пропускала достаточно света. По центру помещения, выстроившись в ряд, стояли разбитые лабораторные столы; одни были расчищены, на других громоздились кучи приборов и инструментов – перегонные кубы, реторты, пробирки, плотно закупоренные бутылки. В лучших традициях кеттрал здесь не было никаких стандартов: подрывник каждого крыла собирал собственный комплект боеприпасов в соответствии со своими желаниями и нуждами. Разумеется, имелись и некоторые базовые рецепты, но большинство умельцев импровизировали, изобретали, мастерили своими руками. Валину доводилось видеть «звездочки», взрывающиеся фиолетовым пламенем, и «кроты», способные выдрать в скальном основании дыру размером с фундамент сельского амбара. Понятное дело, такие эксперименты сопряжены с некоторым риском.

Во время практики в ангаре Валин видел, например, как молодой кадет по имени Хальтер Фреммен зажег вполне безобидную с виду свечку. Залетевший порыв ветра качнул язычок пламени, и тот коснулся черной кадетской униформы. Ткань моментально занялась; затем огонь прошел глубже и начал проникать под кожу. Друзья Хальтера оттащили его к одной из больших деревянных лоханей, стоявших поблизости, и окунули в воду, но даже под водой пламя с яростным сиянием вгрызалось в плоть. Валин будто окаменел. Его учили быстро и решительно действовать в чрезвычайных обстоятельствах, но это... Никто никогда не рассказывал, что делать с огнем, который невозможно погасить. В конце концов Ньют, их инструктор по взрывному делу по прозвищу Афорист, вытащил вопящего парня из воды и закопал в песок. Только тогда чудовищное пламя угагло, но к тому времени у несчастного обуглилась половина кожи на теле и вытек один глаз. Он умер три дня спустя.

Сперва Валин решил, что в ангаре никого нет, но потом заметил в дальнем конце Гвенну – неподвижная, как статуя, с лицом, скрытым завесой огненных волос, она склонилась над столом и, судя по всему, засовывала что-то в длинную трубку очень тонким пинцетом. Она не поприветствовала их и даже не подняла голову; впрочем, Валин и не ожидал приветствий. Он не разговаривал с Гвенной с того дня, когда узнал о смерти отца – с того дня, когда она чуть не оторвала ему голову из-за незастегнутой пряжки, – и понятия не имел, дуется она на него до сих пор или нет. Те, кто знал Гвенну, не исключили бы первого варианта.

Нельзя сказать, чтобы Гвенна Шарп была плохим солдатом. Вообще-то, она, возможно, знала о подрывном деле больше, чем любой другой кадет на островах. Проблема была в ее характере. Время от времени какой-нибудь развязный ухажер на Крючке пытался приударить за ней, не устояв перед этими яркими зелеными глазами и пылающей рыжей шевелюрой, а

также гибким телом и волнующими формами, которые она, впрочем, старалась получше спрятать под черной униформой. Ни для кого это не кончилось добром. Последнего горе-соблазнителя Гвенна привязала к свае на пристани и оставила ждать прилива. Когда его друзья наконец отыскали беднягу, тот ревел в голос, как ребенок, а волны плескали ему в лицо. Даже инструкторы шутили, что с таким темпераментом Гвенна может прекрасно обойтись без Кентом клятых взрывчатых веществ.

– Не хочу тебе мешать... – заговорил Валин, подходя к краю стола напротив Гвенны.

– Так не мешай, – отрезала девушка, не отрывая глаз от работы.

Узкий пинцет продвинулся еще на дюйм вглубь полого цилиндра. Сдержав резкий ответ, Валин сцепил руки за спиной и вооружился терпением. Он изначально не был уверен, что Гвенна согласится ему помочь, и не хотел усложнять себе задачу, с ходу вызывая ее раздражение. Поэтому он перевел внимание на объект, с которым она так сосредоточенно возилась, – тот выглядел как несколько модифицированная «звездочка».

Пустотелая стальная трубка имела толщину в два его больших пальца. Ее внутренность покрывал слой какого-то похожего на деготь вещества, которое он не смог опознать. Гвенна вытащила пинцет, подобрала им кусочек камня и принялась засовывать внутрь. Ха Лин охнула.

– Тихо, – велела Гвенна, придерживая пинцет, и затем снова стала понемногу двигать его в глубину.

– Это ведь кларант? – спросила Лин напряженным тоном. – Кларант и селитра?

– Они самые, – коротко подтвердила Гвенна.

Валин посмотрел на нее. Одним из первых правил, которым Афорист обучил свой класс кадетов, было всегда – всегда, всегда! – держать эти два вещества отдельно друг от друга. «Вообще-то, мы любим взрывы, – с усмешкой пояснял он, – но только контролируемые». Может, Валин упустил из виду что-то существенное, но, насколько он понимал, если бы Гвенна хотя бы прикоснулась камешком, который держала в пинцете, к стенке трубочки, кому-то пришлось бы собирать среди руин их тела по кусочкам. Он хотел было что-то сказать, но передумал и просто глубоко вдохнул и задержал дыхание.

– Именно поэтому, – проскрипела Гвенна, засунув пинцет в самую глубь, отпустив камешек и одним ловким, точно рассчитанным движением вытащив пинцет обратно, – мне не стоит мешать.

– Ты закончила? – спросила Лин.

– Притормози, – фыркнула Гвенна. – Если он сдвинется хотя бы на полдюйма, у ангара слетит крыша. А теперь заткнитесь.

Лин заткнулась, и они вдвоем принялись напряженно и зачарованно смотреть, как Гвенна протянула руку в перчатке к флакону с пузырящимся воском, ухватила его двумя пальцами и опрокинула над трубочкой. Послышалось тихое шипение, из отверстия трубочки выплыла струйка едкого пара и... воцарилась долгая пауза.

– Ну вот, – наконец произнесла Гвенна, кладя трубочку на столешницу и выпрямляясь. – Теперь я закончила.

– Что это такое? – спросил Валин, опасливо поглядывая на приспособление.

– «Звездочка», – пожала плечами девушка.

– Как-то не похоже на обычную «звездочку».

– Я и не заметила, что ты стал специалистом по взрывчатке, пока я выходила.

Валин едва сдержался. В конце концов, он пришел просить Гвенну об одолжении. Лин, стоило заметить, держала рот на замке, а если она может соблюдать приличия, то может и он.

– Кажется, она немного длиннее и тоньше обычной трубки? – спросил Валин, выказывая заинтересованность.

– Есть немножко, – отозвалась Гвенна, изучая свое произведение и соскребая с него ногтем застывшую каплю воска.

– Зачем?

– Больше. Громче. Опаснее.

Она пыталась говорить небрежно, но в ее голосе было что-то такое... что-то, чего Валин не ожидал услышать. У него ушло несколько мгновений, чтобы понять, что это было: гордость. Гвенна всегда казалась настолько язвительной, настолько закрытой, что ему было сложно представить, будто она может чувствовать еще что-то, помимо гнева или желчности. Неожиданное открытие, что она способна испытывать радость по отношению к чему-либо во внешнем мире, обезоружило его. Однако стоило начать переоценивать мнение на ее счет, как Гвенна снова набросилась на него с обычной хмурой гримасой:

– Ты собираешься рассказать, зачем пришел?

Валин поймал себя на странной нерешительности. Его страхи, которые Лин старательно раздувала, показались ему неестественными и надуманными теперь, когда пришло время огласить их.

Гвенна нетерпеливо развела руками.

– Я так понимаю, ты слышала про трактир Менкера, – неуверенно заговорил Валин. – Который на Крючке, знаешь?

– Конечно я знаю трактир Менкера, – отрезала Гвенна. – Я оставляла у этого ублюдка половину своего жалованья в уплату за разбавленную мочу, которую он называл элем!

– Ага. В таком случае ты, наверное, знаешь, что трактир рухнул, – сказал Валин, стараясь не заводиться. – Я был там в это время, выпивал, и он развалился, едва я вышел за дверь.

– Тебе повезло.

– Почти все, кто остался внутри, погибли под обломками.

– Печальная участь.

Лин, отодвинув Валина, выступила вперед – ее терпение лопнуло:

– Есть подозрение, что это не случайность.

Теперь Гвенна призадумалась. Ее взгляд метался от Валина к Лин и обратно. Валин ждал, что девушка расхохочется, отпустит шуточку о том, что императорский сынок, очевидно, считает, будто весь мир вертится вокруг его пупа. В конце концов, все обитатели Островов постоянно подкалывали его насчет происхождения, даже его друзья, а Гвенна никогда среди них не числилась.

Она не стала смеяться.

– И ты думаешь, это как-то связано со смертью твоего отца.

Несмотря на стервозность, Гвенна никогда не была глупой. Валин кивнул.

– Конечно, мало проку заколоть императора, если пару дней спустя его сынок плюхнет свою задницу на трон.

– Я не наследник...

– Ох, вот только не надо мне тут гребаной политики! – отмахнулась Гвенна. – Я уловила общую идею.

– А трактир Менкера... – заговорила Лин.

– Вы хотите, чтобы я на него взглянула, – подытожила Гвенна, вытирая руки об униформу. – Проверила, что да как.

Валин настороженно кивнул:

– Я не так хорошо разбираюсь в этом, как ты. Не знаю, можно ли с помощью взрывчатых веществ вот так вот обрушить здание.

– Сковырнуть халупу? Да запросто! Кент побери, да они ж для этого и придуманы!

– Понимаю, но вот так вот медленно, без явного взрыва?

Гвенна вытаращила глаза:

– Валин, как ты собираешься командовать крылом, если не знаешь даже азов взрывного дела?

– Слушай, – вмешалась Ха Лин, поджав губы, – мы ведь не сидим целыми днями тут в ангаре, ковыряясь со спичками и минералами...

– ...Поэтому ты знаешь гораздо больше, чем мы, – закончил за нее Валин, стремясь прервать завязывающуюся перепалку до перехода в критическую стадию. – Ты подрывник получше нас с Лин, да и вообще большинства кеттрал на этих Шаэлем созданных Островах. Мы, конечно, можем и сами посмотреть, но есть вероятность, что упустим какую-нибудь существенную деталь.

Если Гвенне нужно почесать спинку, Валин готов выдавить из себя несколько комплиментов – по правде говоря, заслуженных, но от этого произносить их было не легче.

Она насупилась, потом отвела взгляд и принялась рассматривать стену ангара. Валин засомневался, так ли уж хорошо сработал его тактический ход. Кто знает, что у нее в голове?

– Как думаешь, у тебя найдется на это время? – осторожно поднажал он. – Я с радостью возьму тебе затраченные усилия...

– Чем? Деньгами? Или твоей императорской милостью? – насмешливо оборвала его Гвенна, сверкая зелеными глазами.

Валин хотел ответить, но она перебила:

– Мне ничего от тебя не нужно. Я сделаю это, но только потому, что мне интересно. Я сама хочу знать. Ты понял?

– Я понял, – покорно кивнул Валин.

11

Почти все утро Гвенна ныряла среди затопленных обломков Менкерова трактира. По тому, сколько времени она находилась под водой, можно было заподозрить в ней дальнюю родственницу рыб – пару раз она не всплывала на поверхность так долго, что Валин уже начинал думать, что она застряла в коварном подводном лабиринте из обрушившихся балок и перекладин. Один раз он даже снял рубашку, готовясь прыгнуть за ней, но не успел подойти к берегу, как она показалась над водой в двадцати шагах от того места, где погрузилась, мрачно отфыркиваясь и стряхивая с волос соленую воду.

Немногочисленные прохожие, занятые своими сомнительными делами, с угрюмым любопытством останавливались посмотреть. Какой-то старик в изорванной матросской куртке спросил Валина, не общаривают ли они с Гвенной трупы в поисках драгоценностей, и тут же закудаhtал, обнажив гнилые зубы и радуясь собственной шутке. Валин чувствовал себя так, будто его разоблачили. Он предлагал прийти ночью, но Гвенна язвительно заметила, что в мутной воде залива трудно что-то разглядеть даже в полдень. Если трактир действительно заминировали, а тот, кто это сделал, проходил бы сейчас мимо, для него было бы более чем очевидно, что Валин что-то подозревает. Тем не менее Валину ничего не оставалось, кроме как, стиснув зубы, наблюдать за работой Гвенны. Утро сменилось днем, и к моменту, когда она наконец вылезла из воды, ее губы посинели, а тело колотила дрожь.

– Ну что ж, – сказала она, наклоня голову набок и выжимая волосы таким жестом, будто скручивала шею курице, – если кто-то и подложил заряд в эту Шаэлеву лачугу, он использовал материалы, о которых я никогда не слышала.

– Какова вероятность, что это так? – осторожно спросил Валин.

– Какова вероятность, что завтра утром ты спутаешь свой член с яйцами?

Валин уставился в темноту залива. Из-под воды торчало несколько обгорелых балок, между сваями, словно накипь, покачивался слой трухи и щепок – обломки рухнувшего трактира, еще не унесенные приливами в открытое море. Никто из местных жителей не попытался расчистить завалы, но это было нормально для Крючка. Несколько лет назад в паре кварталов отсюда случился пожар, выгорел целый ряд домов. Обитатели острова переверостили обгорелые развалины в поисках чего-нибудь ценного, после чего оставили каркасы гнить.

– Ты нашла там, внизу, хоть что-нибудь? – спросил Валин.

– Трупы, – коротко ответила Гвенна. – Больше десятка.

Валин перевел взгляд на плещущие волны. Он представил себе ужас людей, оказавшихся в ловушке среди горящих бревен и понимающих, что сейчас их утащит на дно и они утонут.

– Плохая смерть.

– Для плохих людей, – пожала плечами Гвенна.

Валин помолчал. Обитатели Крючка были, без всяких сомнений, люди грубые: карманники, злоупотреблявшие удачей на материке; пираты, уставшие от своего ремесла или обнищавшие настолько, что уже не могли снова пуститься в плавание; картежники, скрывающиеся от долгов, шлюхи и жулики, которые надеялись прибрать к рукам ту мелкую монету, что осталась у кого-нибудь в карманах. Это были отчаянные и опасные люди, почти все без исключения, но «отчаянный» далеко не всегда означает «плохой».

– Ты обыскивала тела? – спросил Валин.

– Только одного. – Гвенна пожала плечами. – Он задолжал мне. Не сказать, чтобы мои деньги пошли ему на пользу.

– А что насчет здания? – Валин подошел на шаг ближе и понизил голос.

Немощный проулок сейчас пустовал, но вокруг было слишком много раскрытых ставней, слишком много распахнутых дверей покачивалось на ветру, поскрипывая петлями.

– Ничего.

– Ты уверена?

Она бросила на него оскорбленный взгляд:

– Трактир стоял на сорока восьми сваях. Я проверила все до единой: ни ожогов, ни царапин от взрыва, никаких следов боеприпасов. Если здание кто-то заминировал, хотела бы я отыскать этого ублюдка и вытрясти из него все секреты.

Валин не знал, чувствует ли он облегчение. С одной стороны, тот факт, что обветшалое питейное заведение обрушилось под собственной тяжестью, означал, что никто не собирался его убивать – пока. С другой стороны, мысль, что нападение уже произошло, как ни странно, принесла бы ему некоторое утешение. Его учили иметь дело с реальными угрозами и конкретными опасностями. Когда человеку на голову падает крыша, это вполне реальная вещь. Он мог справиться со взрывами и заминированными зданиями почти так же хорошо, как если бы речь шла о поединке на кинжалах или кулачном бое. Но какие-то тайные замыслы, смутные заговоры и безликие убийцы – со всем этим он совершенно не понимал, что делать. Будь у него выбор, Валин предпочел бы сразиться с нападающими лицом к лицу, клинок против клинка. Но ему, Кент побери, не дали выбора! Оставалось лишь покрепче стиснуть зубы и почаще оглядываться, а тем временем постараться снова сосредоточиться на тренировках.

* * *

Пока Валин оплакивал смерть отца и охотился за призраками, Халова проба приближалась, и, как напоминал ему скорбный список имен, выгравированных на Камне павших за линией барачков, кадет мог запросто умереть на Островах и без секретных заговоров. Он возобновил свои долгие предрассветные заплывы, удвоил длину вечерних пробежек вокруг острова и со страстью вернулся к изучению тактики и стратегии. Солнечные деньки в начале весны сменились обложными дождями, от которых униформа промокала насквозь, стоило выйти за дверь. После восьми лет тренировок ему вдруг стало отчаянно не хватать времени. Надо было изучать карты, практиковаться в языках, корпеть над схемами флотилий и крепостей – и, разумеется, не забывать об учебных боях.

На Карше имелось несколько площадок, где и кадеты, и ветераны могли как следует попотеть, бегая с препятствиями или от души тыкая друг в друга притупленными клинками. Самые простые из них представляли собой квадраты на земле, наспех обозначенные несколькими колышками с натянутой веревкой. И только за западным краем базы, невдалеке от главной посадочной площадки Гнезда, наверху каменистого склона, спускающегося вниз к морю, располагалась единственная на Островах настоящая арена – широкий круг, утопленный в землю примерно на фут и обложенный по краям камнями.

Валин прибыл незадолго до седьмого колокола, голый по пояс и потный как вол после пробежки по периметру острова. Прошла уже неделя с тех пор, как Гвенна обследовала останки Менкерова трактира, и, хотя он не забыл предостережения эдолийца и горе от убийства отца не отступило, неизбежные тренировки несколько отвлекли его от нависшей угрозы. «Время заткнуться и пристегнуть ремни», – говорили кеттрал. Ничто так не помогало собраться с мыслями, как три фута стали, со свистом несущиеся тебе в лоб.

Конец каждого вечера, с седьмого до восьмого колокола, отводился для занятий, которые в Гнезде значились как «парный ближний бой». Кадеты прозвали это время попросту «месиловом». Те, кому как-то удалось пережить утро, не пополнив коллекцию синяков и ссадин, могли быть уверены, что после месилова они отправятся в койку с болью во всем теле. Условия были просты: двое кадетов выходили на широкий, неглубоко врытый в землю ринг с запада от оружейной и кузницы и сражались. Проигрывал тот, кто первый просил пощады. Иногда поединки велись на затупленных мечах, иногда на ножах или дубинках, иногда просто на кула-

ках. Один из инструкторов всегда присутствовал – теоретически, чтобы проследить за соблюдением немногочисленных правил. На практике, однако, старые солдаты частенько подливали масла в огонь, подбадривая дерущихся градом насмешек и оскорблений со своего края ринга. Порой делали ставки.

Вокруг ринга собралось сорок-пятьдесят кеттрал – здесь были и ветераны, и кадеты. Кто-то разминал мышцы, кто-то делал круговые вращения руками, чтобы разогнать кровь, другие тихо разговаривали, сбившись в стайки. Валин заметил на дальней стороне площадки Ха Лин, Гента и Лейта с Талалом и двинулся к ним по кругу, пользуясь моментом, чтобы перевести дыхание.

– Я хочу сказать, – говорил Лейт, доказывая что-то Генту и разводя руками, – что молоток – совершенно бесполезное оружие. Это просто смешно!

– Он бесполезен, если ты не можешь его поднять, – возразил Гент, скептически поглядывая на руки пилота.

– Шаэля ради, это же плотницкий инструмент! Наверное, не зря каждый кеттрал носит за спиной два меча, а не пару молотков! Вал, – он повернулся к новоприбывшему, – скажи хоть ты что-нибудь разумное этому буйволу!

– Можешь не стараться, – прервала Лин, предостерегающе выставив ладонь. – Они спорят с шестого колокола и уже давно потеряли способность воспринимать разумные доводы.

– Сегодня деремса на молотках? – спросил Валин, с предвкушением поглядывая в сторону арены.

Больше всего на свете инструкторы любили начинать ежедневные тренировки с какого-нибудь неожиданного поворота, а молоток мог оказаться в поединке весьма опасным оружием.

– Понятия не имею, – отозвалась Лин, сверкая глазами. – Но не беспокойся, даже если так, я буду с тобой помягче.

– То же самое мне всегда шлюхи на Крючке говорят, – заметил Лейт, подмигнув. – Не верь ей, Вал! Впрочем... – Он оценивающе оглядел их парочку, прищурился. – ...С такой милашкой, как Ха Лин, возможно, ты и сам не захочешь пощады...

Лин небрежно отмахнулась от пилота поясным ножом, но Валин видел, что на ее щеках заиграл румянец. Ему хотелось придумать в ответ что-нибудь легкое и остроумное – чтобы она посмотрела на него и рассмеялась. Однако мастером по части остроумия среди них был Лейт, и прежде чем Валин успел найти слова, со стороны ринга донесся грубый громкий хохот, разрушив спокойную обстановку. Лин обернулась на звук, мрачнее на глазах.

Сами Юрл со своей шайкой. Среди кадетов многие обладали большой силой и неприятным характером – и то и другое было до некоторой степени необходимо, чтобы выжить на Островах, – однако приятели Юрла были хуже всех. Горстка жестоких юнцов, записавшихся в кеттрал не из пылкой любви к империи, но потому, что тренировки удовлетворяли их острую потребность в жестокости, дарили зверское наслаждение от убийства, от чужой боли и от чувства собственного могущества. Они называли себя «любимчиками Мешкента», хотя наиболее рьяные поклонники этого бога жили за пределами Аннура. Тем не менее название это вполне им подходило; Валин почти не сомневался: если их повысят до действительных кеттрал, они принесут достаточно горя, чтобы Владыка Боли ими гордился. Он также был уверен, что любой из них без зазрения совести продаст своих товарищей манджарским работникам за пригоршню монет; но на Островах каждому требовался кто-то, готовый прикрыть его спину, и за годы обучения кадеты поневоле сбивались в группы.

Нахмурился, Валин снова повернулся к Лин:

– Постарайся сегодня держаться от Юрла подальше. До Пробы всего три недели, и если что-нибудь случится...

– Ничего не случится! – отрезала она.

Заметив, что на него смотрят, блондин локтем подтолкнул одного из компаньонов под ребра, что-то сказал, и оба грубо рассмеялись. Затем Юрл снова принялся разглядывать Лин, вызывающе облизывая губы.

– Смейся, смейся, ублюдок, – пробормотала Лин достаточно громко, чтобы Валин услышал. – Ты еще у меня посмеешься.

Первым поединком в этот вечер стала грубая драка между двумя младшими кадетами. Она продолжалась, пока оба не свалили друг друга в грязь, и закончилась тем, что парень покрупнее отполз к краю ринга, держась за подбитый глаз. После завязался долгий поединок на мечах – утомительный танец, полный выпадов и обманных движений, продлившийся, кажется, полвечера. Старшие кадеты и инструкторы подбадривали соперников криками и давали советы из-за ограждения. Валин нетерпеливо ждал, когда начнется что-нибудь стоящее, на чем можно поучиться. В конце концов один из юнцов нанес удачный удар, другой повалился на землю, и Джордан Арберт, старший инструктор, решил, что настало время посмотреть на настоящий бой.

– Эй, кто-нибудь, уберите этого Шаэлем трепанного идиота с моего ринга! – прорычал он. – Оттащите его в лазарет... Тут есть парочка самозванцев, которые думают, что готовы к Халовой пробе. Хотелось бы взглянуть, чего они стоят, прежде чем ставить свои деньги на чью-то жизнь. Так... Посмотрим, кого же я хочу...

Он задумчиво оглядел толпу кадетов. Валин потянулся рукой за спину, чтобы освободить в ножнах учебные клинки, и покрутил головой в разные стороны, разминая затекшую шею.

– Такой богатый выбор... А что, если сегодня мы немного усложним задачу? Двое на двое! Посмотрим, сумеют ли кровожадные ублюдки вроде вас действовать сообща. – Лицо инструктора искривила зловещая усмешка. – На одной стороне я хочу видеть Юрла и Айнхоа. Вот уж неприятная парочка!

Валин не мог не согласиться. Хотя Балендин Айнхоа и входил в круг приспешников Юрла, трудно было найти двух настолько непохожих друг на друга людей. Если Юрл был мускулист и смазлив – образцовый экземпляр богатого аннурского дворянина, – то Айнхоа выглядел так, словно только что вылез из ханнских джунглей. Его длинные темные косы были увешаны перьями морских птиц, в ушах красовались кольца из железа и слоновой кости, по рукам змеились синие татуировки. По слухам, Балендин оказался на Островах после того, как люди в его городе – каком-то крошечном городишке на западном побережье Баска – обнаружили, что он лич. Когда они явились за ним, он перебил половину толпы и бежал, по дороге крадя все, что попадалось под руку, и убивая всех встречных. В конце концов, чтобы его усмирить, вызвали кеттрал, которые решили проблему, призвав его на службу.

В любом другом месте Аннурской империи лича бы вздернули, закололи или задушили на месте. Валин вырос в убеждении, что люди, подобные Балендину, есть чудовища, что силы, которыми они владеют, отвратительны и противны природе. Он помнил, как Кренчан Шо, командир эдолийской гвардии, говорил, помахивая ножом, чтобы подчеркнуть свои слова: «Они обкрадывают мир, который их окружает, сосут силу из земли, по которой ходят. Никому нельзя позволять гнуть и крутить законы природы по собственной прихоти».

Шо не был одинок в своих взглядах. Личей ненавидели все. За ними охотились повсюду. Исключением были только кеттрал.

Гнездо всегда искало людей, ходящих по краю. Им было недостаточно птиц, недостаточно того, что они контролировали те немногие рудники, где добывалось сырье для легендарных кеттральных боеприпасов, недостаточно, что их солдаты были обучены и снаряжены лучше любого другого боевого подразделения в мире. Командование Гнезда хотело иметь в своем распоряжении еще и личей – даже убийц, таких как Балендин. В особенности убийц.

Только прибыв на Кирины, Валин испытал омерзение и ужас, когда обнаружил, что ему предстоит сражаться бок о бок с чудовищными созданиями. У него ушли месяцы, чтобы пре-

одолеть отвращение, и годы, чтобы почувствовать себя спокойно рядом с этими странными отпрысками рода человеческого. Как выяснилось, слухи об их могуществе, равно как и об их порочной природе, были значительно раздуты. Для начала, они вовсе не бормотали нескончаемые заклинания и не пили кровь младенцев. И, что еще важнее с тактической точки зрения, у каждого лича имелся свой собственный колодец – источник, из которого он черпал силу. Колодцем мог быть гранит, вода, кровь – все что угодно, и тайну своего колодца каждый лич хранил пуще собственной жизни. В отсутствие колодца личи были не могущественнее любого человека, и этот факт значительно уравнивал шансы. Проблема заключалась лишь в одном: не зная, что является колодцем для конкретного лича, было невозможно выяснить, когда его следует остерегаться.

Балендин шагнул на ринг, жестом приказав своим собакам оставаться на месте – это были волкодавы-близнецы, уродливые слюнявые твари, следовавшие за ним повсюду. Они уселись, словно часовые, сразу же за кругом камней, разинув пасти и громко пыхтя на жарком после-полуденном солнце. Лич посмотрел вверх, где в небе парил кругами его ручной ястреб. Словно почувствовав его взгляд, птица испустила пронзительный крик.

– Эта Кентова тварь напоминает мне стервятника, – сказала Лин.

– Обычная птица, – отозвался Валин.

– Может, и так, – согласился Лейт и повернулся к Талалу. – Ну что, тебе так и не удалось вычислить, где у этого ублюдка колодец?

Талал мрачно покачал головой.

– Вы вместе тренируетесь по крайней мере дважды в неделю, неужели это так трудно? В мире не так уж много вещей!

– Это труднее, чем ты думаешь, – отозвался Талал. – Друг друга мы опасаемся еще больше, чем всех остальных. Каждый маскируется по-своему.

Он показал на браслеты, унизывавшие его темные запястья.

– Хочешь сказать, что твой колодец – не медь и не золото? – спросил пилот.

– Я ничего не хочу сказать. Однако посмотри на Балендина: перья, кольца, татуировки...

И это ведь только то, что он носит на себе! А колодец может быть и чем-то вонне, скажем, влагой или солью. Камнем или песком.

– Или этими Кентом клятыми тварями, – добавил Валин, настороженно поглядывая на волкодавов. – Он повсюду таскает их с собой.

– Может, и так, – согласился Талал. – У личей прошлого бывали колодцы-животные. Реннон Пирс, хозяин воронов, имел целую стаю, они всегда сидели на крыше его дома и летали над его головой, куда бы он ни шел.

– И ты еще удивляешься, что у всех чешутся руки вздернуть вас, ублюдков, на первом суку, – буркнул Гент. – Без обид, Талал, но во всей этой мерзости есть что-то нездоровое.

Талал молча взглянул на крепкого товарища. Его глаза, наполовину прикрытые веками, были непроницаемы. Затем он снова повернулся к Валину.

– Люди строили догадки насчет Балендинова ястреба и волкодавов с того дня, как он здесь появился. Возможно, они играют какую-то роль. А возможно, он так играет с нами. Попробуй узнай наверняка.

– Кроме того, – кисло добавил Лейт, – на арене это все равно будет не важно.

Согласно правилам, на ринге Балендин, как и любой другой кадет, должен был полагаться лишь на себя и свои клинки. Командование придерживалось концепции «всестороннего воспитания солдата», оно не видело проку в обучении группы кадетов, которые окажутся беспомощными в сражении, если у них вдруг пересохнет колодец. В реальности, однако, все обстояло несколько иначе: до тех пор пока лич работал незаметно, изменяя вокруг себя мироздание так, чтобы никто не догадался, такое вмешательство негласно допускалось. Инструкторы кет-

трал при желании могли вычислить подобные штучки, но никогда этого не делали – кадеты учились биться при любых обстоятельствах, привыкали иметь дело с любым противником.

– Итак, одна пара у нас есть, – размышлял Арберт. – Как вы считаете, кого мне поставить против них?

Кадеты разразились хором предложений. Между жестокими тренировками и изматывающей учебой на Островах оставалось не так уж много свободного времени на развлечения, и большинство собравшихся ждали ежедневного месилова с тем же нетерпением, с каким жители Аннура предвкушают накрытый обеденный стол.

Арберт поднял руку, призывая к тишине, но прежде, чем успел что-либо сказать, на ринг вышла Ха Лин.

– Шаэль на палочке! – вполголоса выругался Валин.

– Я буду с ними драться, – ровным голосом произнесла она, не отводя взгляда от противников.

Сами Юрл ухмыльнулся.

– Одна-одинешенька? – хохотнул Арберт. – Ну нет, это будет несправедливо! – Он повернулся к толпе кадетов. – Кто-нибудь хочет присоединиться?

Кадеты неловко топтались на месте, кто-то засмотрелся на бараки, другие уставились в открытое море. Сами Юрл, каким бы самодовольным ублюдком он ни был, стремительно орудовал клинками и не щадил на ринге никого. К тому же надо было принимать в расчет еще и лича.

– Извращенец, – пробурчал Гент, опасливо поглядывая на Балендина.

Рослый кадет мало чего боялся, но его страх перед личами мог сравниться лишь с его же ненавистью к ним.

– Я бы поспешил на подмогу прекрасной даме, – заметил Лейт, ухмыляясь Валину, – но не лишать же тебя возможности проявить рыцарские качества.

Валин вздохнул. Похоже, его возвращение на ринг обещало быть более волнующим, чем он предполагал. Он не мог бросить Лин на произвол судьбы; к тому же у него чесались кулаки на Сами Юрла еще с их встречи в кабаке Менкера. Один на один против него он вряд ли бы выстоял, но Балендин владел мечами весьма средне. Если лича быстро вывести с поля, они с Лин смогут сосредоточить усилия на Юрле.

«И к тому же, – уныло подумал Валин, – все равно больше никто не вызвался».

– Я готов, – сказал он, перешагивая веревку.

Схватка началась неудачно. Валин предпочел бы выступить против Юрла, оставив Балендина для Лин, но лич успел первым завладеть его вниманием, так что Лин пришлось защищаться самой. Она была на целую голову ниже и, разумеется, слабее противника, но искупала эти недостатки сообразительностью. Когда клинки Юрла замелькали вокруг, бросая вызов, отвлекая, прошупывая, она продолжала драться локоть к локтю с Валином, не давая сбить себя с толку серией хитрых уловок.

Только прибыв на Острова, Валин думал, что в фехтовании важнее всего сила, техническое мастерство и смелость. Реальность оказалась гораздо приземленнее. Хотя все эти качества, несомненно, имели значение, они бледнели перед дисциплиной – способностью выждать, наблюдать и избегать ошибок. Гендран писал: «Первый шаг к победе – это избежать поражения». Пока Валин яростно отражал атаки лича, Лин держалась сбоку от него, ведя свою напряженную, осторожную игру; дышала она тяжело, но ровно. Валин понял, что улыбается. Если Лин сумеет удержать Юрла еще немного, он найдет брешь в защите противника, а потом они вдвоем навалятся на Юрла...

И тут лич заговорил.

– Я никогда не понимал, – произнес он сухим, сдержанным тоном, который не вязался с каплями пота, катившимися с его лба, – почему кеттрал позволяют женщинам сражаться.

Валин отмахнулся от его выпада и заставил его отступить на пару шагов, однако лич продолжал свои подначки:

– Я, конечно, знаю все официальные оправдания: что женщина проскользнет там, где мужчину заметят, что их часто недооценивают как противников... Но все равно концы не сходятся. Начать с того, что они маленькие и слабые. К тому же они отвлекают. Вот, например, я сейчас на ринге. Мне надо бы сосредоточиться на своих клинках, а все, о чем я могу думать, – это как бы содрать штаны с этой сучки.

Лин рядом с Валином зарычала, парируя широкий рубящий удар сверху.

– Не слушай его, – посоветовал Валин. – Он просто пудрит тебе мозги.

– Вообще-то, – с сальной усмешкой возразил Балендин, – меня больше интересуют не мозги, а другие части тела... Что ты на это скажешь, сучка? Могу сделать тебе поблажку сейчас, а стонать ты у меня будешь немного позже.

Сами Юрл хохотнул густым мерзким смешком и отступил на шаг, демонстративно открываясь.

– Оставь его... – сказал было Валин.

Однако Лин напала уже не на Юрла – она использовала передышку, чтобы ринуться на Балендина, перекрыв Валину линию атаки и нарушив боевой порядок. Лич отступил.

На секунду Валину показалось, что сейчас она одолеет противника, впечатает в землю – столь яростными ударами Лин осыпала лича. Она шаг за шагом продвигалась вперед, пока внезапно, стоя на плотно слежавшемся песке, не подвернула ногу и с воплем гнева и отчаяния не рухнула на ринг.

Широко улыбаясь, Балендин с кошачьей грацией перепрыгнул через ее распростертое тело и снова напал на Валина. Лич был не самым сильным бойцом, однако знал, как занять своего соперника, и Валин обнаружил, что, как бы он ни продвигался вперед, враг не уступал.

За спиной лича Сами Юрл сделал шаг к Лин. Она замахнулась на него одним из мечей, но он с легкостью парировал удар, затем точным стремительным движением прыгнул на нее и повалил на землю, впечатав лицом в грязь. Лин закричала. Валин изо всех сил пытался не отвлекаться от собственного поединка – он ничем не смог бы помочь Лин, если бы, как и она, оказался распластным по земле; однако было трудно игнорировать ее разъяренные вопли, и он чувствовал, как в груди горячей красной волной поднимается гнев. Юрл оседлал девушку и, вместо того чтобы закончить схватку ударом в основание черепа, засунул руку между ног отчаянно извивающейся Лин, пытаясь раздвинуть бедра.

«Ловушка, – мрачно понял Валин. – Юрл хочет, чтобы я сорвался».

Это было ясно и в то же время не имело никакого значения. Он попросту не мог обмениваться с Балендином пустыми выпадами, когда рядом кричала Лин.

А, Шаэль с ним! Валин с ревом ринулся вперед, осыпая лича градом яростных ударов, чтобы заставить податься назад. На мгновение ему показалось, что это сработает. Балендин начал отступать. Со смятением на лице лич шагнул назад, открывая Валину Сами Юрла. Валин ступил в образовавшийся промежуток, но в спешке умудрился споткнуться – на ровном, казалось бы, месте. А потом упал. Он успел извернуться, пытаясь выставить руку в защиту, но лич оказался быстрее. Затупленный клинок опустился Валину на лоб, и кругом стемнело.

* * *

– Вот ведь ублюдок! – яростно ругалась Лин, соскребая кровь со щеки.

Вместо того чтобы явиться в лазарет, как было предписано инструкцией, они с Валином спустились вниз к пристани, подальше от базы, от разговоров и взглядов, чтобы самим промыть себе раны.

– Шаэлем клепанный, Кентом стукнутый сукин сын!

– Это Балендин, – сказал Валин, щупая рану на лбу.
Останется шрам. Пускай, у него уже было их немало.

– Я знаю, что это Балендин! – рывкнула Лин. – Когда я двинулась к нему, лодыжка подвернулась, словно я ступила в глину. В глину! Да у нас уже сколько дней не было дождя!

Валин кивнул:

– У меня то же самое: будто кто-то схватил за ногу. Я рухнул прежде, чем успел вообще понять, что происходит.

– Гент прав, – пробормотала Лин. – Их всех и правда надо вздернуть. Каждого Кентом клятого лича на обоих континентах!

Валин покосился на нее:

– Даже Талала?

– К Шаэлю Талала! Нет, он, конечно, неплохой парень, – поспешила она поправиться прежде, чем Валин успел возразить. – Но можно ли ему доверять? Можно ли доверять хоть кому-то из них? Мне наплевать, что Гнездо хочет приручить еще одну силу!

Валин не был уверен, что согласен с ней, но после выпавшей на их долю передрыги у него не осталось сил спорить.

– И самое мерзкое, – горячилась Лин, – что для любого, кто смотрел на бой со стороны, все выглядело так, будто они победили!

– Но они и вправду победили, – заметил Валин.

– Они сжульничали!

– Не имеет значения. В конце схватки мордой в грязи лежали мы. Мне не меньше твоего хочется пересчитать Юрлу зубы, но нужно смотреть на вещи трезво. Когда мы начнем летать на задания, у нас не будет правил, за которыми можно спрятаться.

– Я не нуждаюсь в твоих Кентовых лекциях, – отрезала Лин, сплевывая в волны сгусток крови и щупая языком шатающийся зуб. – Мало мне того, что Юрл с Айнхоа нас побили, так еще и ты будешь травить мне душу своими сентенциями!

Валин собирался было положить руку ей на плечо, но отодвинулся, уязвленный гневной отповедью.

– Нечего срывать на мне злость. Не я нарушил боевой порядок.

Она вскинулась, но тут же виновато потупилась:

– Прости, Вал. Я просто в бешенстве от мысли, что со стороны это выглядело так, будто я поскользнулась на ровном месте. Стояла-стояла – и вдруг рухнула. Ребята небось до сих пор ржут.

Что-то в ее словах зацепило внимание Валина, но он не мог понять что. Он стоял, глядя на море, и мысленно повторял их. В голове до сих пор гудело от удара, поэтому у него ушло некоторое время, чтобы собраться с мыслями.

– Повтори, что ты сейчас сказала? – попросил он.

– Я говорю, что это выглядело так, будто я рухнула ни с того ни с сего! Наверняка никто не понял, что произошло на самом деле.

Рухнула.

– Как трактир Менкера, – тихо проговорил он.

– Хотелось бы думать, что я выгляжу немного приятнее, чем какой-то прогнивший кабак!

– Я говорю не о тебе и не о кабаке. Я о том, из-за чего и ты, и кабак рухнули.

Лин вскинула голову и взглянула на него. Ее глаза горели гневом.

– Пресвятой Хал! – выдохнула она. – Этот долбаный лич!

12

– Пойдем, Каден! – подгонял Патер, дергая Кадена за пояс в попытке ускорить его на тропе. – Они, наверное, уже начинают. Поторопись же!

– Начинают что? – спросил Каден в третий раз.

Порой ему казалось, что в малыше только и есть что голубые глаза и острые локти. Обычно воодушевление Патера вызывало у Кадена улыбку, но сегодня он был слишком разгорчен и расстроен, и совершенно не в том настроении, чтобы терпеть постоянные понукания и дерганье за одежду.

Он потратил почти все утро, ломая небольшую каменную лачугу, и его хинское самообладание дало трещину. Такая работа даже при более благоприятных обстоятельствах требовала много сил и времени – неровные гранитные глыбы то и дело впивались в ладони и придавливали пальцы, так что его руки приобрели черно-синий оттенок. А сейчас обстоятельства были далеки от благоприятных. Если на то пошло, он лишь день назад закончил строить эту самую лачугу, забери ее Шаэль! Все это, разумеется, входило в «обучение», по мнению Тана. Вот уже без малого две недели, сразу после случая у пруда, Каден по требованию монаха таскал камни со всех окрестных гор, укладывал их друг на друга, проверял, чтобы стены получались прямыми и ровными, и отправлялся за новым материалом. Тан не сказал ему, для чего предназначается здание, но Каден предполагал, что оно хоть чему-нибудь да послужит! Однако стоило ему закончить работу и разогнуться, уложив последний камень, как Тан с безразличным кивком велел:

– Отлично. Теперь разбери ее. – Он повернулся, собираясь уходить, и потом добавил через плечо: – И я не хочу увидеть здесь груды мусора. Каждый камень должен оказаться в точности там, откуда ты его взял.

Не успел Каден смириться с мыслью, что следующие полторы недели придется таскать камни обратно по крутым горным тропкам и отыскивать для каждого его родную ямку в земле, как появился Патер. Мальчик тяжело дышал и махал ручкой, призывая послушника оторваться от работы. По всей видимости, его прислал Тан – он лепетал что-то о собрании в трапезной, общем собрании монахов. Настоятель редко устраивал подобное, и Каден почувствовал, как внутри разгорается любопытство.

– Почему Нин всех созывает? – терпеливо спросил он.

Патер закатил глаза:

– Не знаю! Мне никто ничего не говорит! Это насчет той козы, которую ты нашел.

У Кадена неприятно засосало под ложечкой. Прошел почти месяц с тех пор, как он набрел на растерзанную тушу животного, и он приложил все усилия, чтобы выбросить эту сцену из головы. Он рассказал о случившемся настоятелю и всем остальным; после этого ему мало что оставалось, тем более что и Тан ни на минуту не оставлял его без дела. Однако временами, таща очередной камень с вершин по горным проходам, он чувствовал, как неприятный холодок пробегал по затылку, оглядывался – но ничего не обнаруживал. И тем не менее, если Нин созывает всех...

– Что-то произошло? – спросил он.

Патер в ответ лишь сильнее потянул его за балахон.

– Да не знаю я! Скорее!

Очевидно, от малыша невозможно было добиться чего-то более вразумительного, поэтому Каден постарался замедлить дыхание и утихомирить свое нетерпение. До основных монастырских построек было не так уж далеко.

Обычно утром на немощем дворе все неторопливо занимались своими делами: монахи исполняли дневные труды, послушники таскали в тяжелых железных котлах воду для при-

готовления вечерней трапезы, ученики спешили с поручениями от своих умиалов, старшие монахи прогуливались по дорожкам или сидели в тени можжевельных кустов и, погруженные в выполнение своих обетов Пустому Богу, склоняли под капюшонами бритые головы. Обычно утром в воздухе висел тихий гул песнопений, доносящийся из медитационного зала, – глубокая басовая нота, которую прерывали резкие удары топора возле колоды, где послушники кололи дрова для очага. И хоть монастырь нечасто можно было назвать оживленным, внутри всегда текла жизнь. Однако сегодня Ашк-лан лежал молчаливый и пустой под яростными лучами весеннего солнца.

Совсем другая картина открывалась внутри трапезной. Здесь поместились почти две сотни человек; старшие и наиболее почитаемые монахи сидели на скамьях в передней части зала, послушники в ожидании стояли сзади. В воздухе висел густой запах шерсти, дыма и пота. Хинская дисциплина предписывала избегать любых волнений – едва ли можно было ожидать смятения от монахов, привыкших часами молча сидеть, скрестив ноги, в снегу, но все же Каден видел, что сейчас эти люди взволнованны – впервые с тех пор, как он поселился в монастыре. Десятки человек одновременно вели тихие разговоры, на лицах были написаны ожидание и интерес. Каден с Патером протиснулись в заднюю часть трапезной, с трудом закрыв за собой деревянные створки дверей.

В нескольких шагах впереди стоял Акйил, и Каден, поймав взгляд приятеля, начал пробираться к нему через толпу, таща за собой Патера.

– Как продвигается строительство твоего дворца? – спросил Акйил.

– Великолепно! – отозвался Каден. – Возможно, я перенесу сюда столицу, когда наконец-то взойду на трон.

– Что? Ты готов отказаться от этой шикарной аннурской башни, к которой твоя семья так привязана?

– Не вижу ничего плохого в добротной каменной архитектуре, – ответил Каден и обвел рукой зал. – Что здесь происходит?

– Сам не знаю, – пожал плечами Акйил. – Алтаф что-то нашел.

– Что именно?

– Только не надо читать мне лекции о важности деталей. Мне никто не докладывает. Все, что я знаю, – это что Алтаф, Тан и Нин почти все утро просидели, запершись в келье настоятеля.

– Тан?

Каден поднял бровь. Теперь понятно, почему умиала весь день не было видно и никто до сих пор не устроил ему разнос.

– Он-то тут при чем?

Акйил устремил на него взгляд, полный страдания:

– Как я только что объяснил, мне здесь никто ничего не докладывает.

Каден собрался было нажать на него посильнее, но в этот момент перед собравшимися монахами встал Шьял Нин.

– Мне ничего не видно! – прошептал Патер.

Каден взгромоздил малыша себе на плечи.

– Три недели назад, – без предисловий заговорил настоятель, – Каден нашел в горах нечто... необычное.

Он помедлил, дожидаясь, пока собравшиеся не утихнут. Шьял Нин был человеком лет шестидесяти, тощим как палка, бурым, как ствол можжевельника, и сухим, как вяленая баранина. Ему больше не приходилось выбривать себе череп, поскольку тот естественным образом облысел, а в уголках его глаз легли глубокие морщинки от постоянного прищуривания. Когда Каден прибыл в монастырь, настоятель сперва показался ему человеком пожилым, даже хилым, однако долгие часы карабканья вслед за ним по крутым горным тропинкам впослед-

ствии разубедили его. Возраст и худощавое телосложение Нина скрывали энергию, которая проявлялась в его походке и наполняла его голос, ясно и сильно разносившийся по залу трапезной.

– Он нашел труп козы, растерзанной неизвестным существом. Мы с двумя братьями провели расследование, но не смогли прийти к заключению. С тех пор у нас пропало еще три козы. Двух Рампури и Алтаф отыскиали – обе оказались за пределами наших пастбищ, и обе были обезглавлены. У обеих был раскрыт череп и не хватало мозга. А недавно братья обнаружили тело скалистого льва. В таком же состоянии.

Никто не произнес ни слова, но воздух вздрогнул от общего вздоха. Последнее сообщение было для Кадена новостью, и судя по лицам других монахов, те тоже слышали об этом впервые. Каден взглянул на своего друга – Акйил скорчил недоуменную гримасу и покачал головой. Расчлененная коза, даже жестоко растерзанная, – это одно дело, но скалистые львы – прирожденные хищники. Даже пятнистому медведю пришлось бы повозиться, чтобы завалить одного из них.

– Первое животное было убито в восьми милях отсюда, трупы остальных мы находили все ближе и ближе к монастырю. Вначале мы надеялись, что коз задрал какой-нибудь кочующий хищник, который затем отправится дальше. Однако похоже, эта тварь поселилась здесь надолго.

Нин подождал, пока слушатели усвоят эту мысль, и продолжил:

– Причину понять несложно. В Костистых горах не так уж много дичи, особенно зимой. И козы из нашего стада – относительно легкая добыча. Но они необходимы нам самим, чтобы выжить. По-видимому, наилучшим решением для нас будет выследить этого хищника и убить его.

Услышав это, Акйил поднял бровь. С охотой монахи, возможно, еще справились бы, но убийство никак не входило в хинское обучение. Разумеется, каждый год для кухни забивали несколько десятков коз, но едва ли этот опыт поможет в случае с существом, разорявшим монастырское стадо. Каден плохо понимал, чем, по представлению Нина, монахи должны убить животное. Каждый из них за поясом рясы носил нож, обычный, универсальный, с коротким лезвием, которым можно при необходимости срезать ягоды синики или проткнуть кусок баранины в вечерней похлебке; однако от него было бы мало проку при встрече с любым хищником. Каден попытался представить, как он нападает на скалистого льва, вооруженный жалким ножиком, и содрогнулся.

– Первым делом, – говорил между тем Нин, – необходимо отыскать это существо. У нас ушло почти две недели, чтобы найти его след – судя по всему, тварь предпочитает передвигаться по камням, – но в конце концов Рампури это удалось. Он нарисовал для нас несколько копий.

– Так, значит, там действительно не было никаких следов! – пробормотал Каден вполголоса, вспоминая свою первую горькую встречу с новым умиалом и чувствуя одновременно обиду и удовлетворение.

– То есть ты не так уж безнадежен, – с ухмылкой отозвался Акйил.

– Ш-ш-ш! – зашипел на них Патер, сидя у Кадена на плечах и повелительно хлопая его по голове ладошкой.

Нин передал несколько свитков монахам из переднего ряда.

– Прежде всего я хотел бы знать, не видел ли кто-нибудь такие следы до сегодняшнего дня.

Он терпеливо ждал, пока свитки, переходя из рук в руки, не доберутся до дальнего конца зала. Монахи один за другим брали бумагу, запоминали рисунок и передавали следующему. Ученикам требовалось больше времени, чтобы тщательно выгравировать в памяти все детали,

и прошло несколько минут, прежде чем листы добрались до задних рядов. Наконец кто-то передал свиток Акйилу, который поднял его так, чтобы показать всем поблизости.

Каден сам не знал, что ожидал увидеть: возможно, некое подобие отпечатка лапы скалистого льва или что-нибудь напоминающее широкие стопы и длинные когти медведя. Однако то, что оказалось перед глазами, не походило вообще ни на один след, какие ему доводилось встречать. Было ясно одно: эти отпечатки оставили не лапы и не когти. Он даже не смог бы сказать, сколько ног имела эта тварь.

– Это еще что такое, во имя Шаэля? – спросил Акйил, вертя лист в попытке хоть что-нибудь понять.

На рисунке виднелось с десяток углублений – такие отметины могла оставить среднего размера палка, если бы ее неоднократно втыкали в землю... Острая палка. Ни одна ямка не превышала в ширину пары дюймов, но, судя по расстоянию между ними, существо было размером с крупную собаку. Каден присмотрелся поближе: похоже, половина отметин разделялась надвое тонкой линией, так, словно посередине ноги, или что это там было, имелась щель.

– Раздвоенные, – заметил Акйил. – Может, что-то вроде копыта?

Каден покачал головой. На копыте разлом, разделяющий два пальца, был бы шире; весь смысл раздвоенного копыта в том, чтобы обеспечить животному надежную опору. Именно это позволяет козам уверенно ступать по неровной поверхности. Кроме того, отпечатки были не той формы. Они больше напоминали не копыта, а какие-то клешни с плотно сжатыми половинками. Каден неохотно вызвал в памяти сама-ан растерзанной козьей туши и принялся изучать разорванную шею, раздробленный череп. Такие повреждения могли нанести клешнями... Во всяком случае, если клешни достаточно большие. По его позвоночнику пробежал тревожный холодок. Что это за животное размером с козу, с двенадцатью ногами с клешнями на концах?

– Итак, теперь, когда вы все могли ознакомиться с рисунком, – заговорил настоятель, – скажите, встречал ли кто-нибудь подобные следы прежде?

– Я вообще не уверен, что это следы, – отозвался Серкан Кундаши, делая шаг от стены. – Больше похоже на царапины от палки на земле.

– Но там не было палки, – заметил Нин.

– Я живу в этих горах вот уже тридцать лет, – сказал Реббин, старший повар в трапезной. – Я готовил обед из всего, что только можно приготовить, но мне никогда не доводилось видеть ничего подобного.

Настоятель мрачно кивнул, словно ничего другого не ожидал. Он снова открыл было рот, когда заговорил кто-то в передних рядах.

Кадену из-за толпы не было видно кто, но по медленной, мягкой речи он понял, что это отшельник Йеррин. Йеррин, хотя и носил хинскую рясу и соблюдал хинскую дисциплину, держался в стороне, спал в пещере на полпути к Вороньему Кругу и появлялся в монастыре лишь два-три раза в месяц, всегда неожиданно, чтобы выпросить себе еды в трапезной или ниток в кладовой. Он был грязным, но при этом добрым. У него имелись имена для всех деревьев и половины животных в окрестных горах. Порой Каден наткнулся на него на каком-нибудь горном карнизе или в ущелье, где отшельник навещал своих «друзков», как он их называл, – перевязывал надломленные бурей ветки или собирал опавшие листья для своей постели. Каден не ожидал увидеть его здесь.

– Я знаю эти следы... Или очень похожие, – сказал Йеррин.

В зале воцарилась полная тишина; все напрягли слух, чтобы расслышать его тихий голос. Йеррин помолчал, словно бы собираясь с мыслями, и затем добавил:

– Мои дружки оставляют такие следы рядом с моей пещерой.

– Кто эти твои дружки? – спросил Нин, его голос звучал терпеливо, но сурово.

– Ну как же, морозные пауки, конечно, – отозвался Йеррин. – Они приходят за муравьями, которые живут в большой земляной куче.

Каден попытался понять, что это значит. Он, разумеется, изучал пауков – все виды, включая морозных. Но до сих пор не знал, что они могут оставлять следы.

– Но эти следы не совсем такие, как те, что оставляют мои дружки, – простодушно заметил Йеррин. – Тут больше ног.

– И к тому же эта тварь размером с крупную собаку, – вмешался Серкан, высказывая самое очевидное, с точки зрения Кадена, возражение. – Пауки не вырастают до таких размеров!

– Твоя правда, – согласился отшельник. – Твоя правда... Однако мир велик. У меня много дружков, но тех, с кем еще предстоит подружиться, еще больше.

Каден взглянул на Рампури Тана, стоявшего в тени в дальнем конце зала. Выражение его лица было трудно разглядеть, но глаза в полумраке ярко блестели.

– Ну хорошо, – подытожил Шьял Нин, когда стало понятно, что Йеррину больше нечего сказать. – Нельзя позволить этому существу уничтожать наши стада. Выследить его у нас шансов мало. Это означает, что мы должны как-то заманить его к себе. Рампури предложил привязать нескольких коз в полумиле от монастыря, а паре монахов засесть среди скал в засаде. Что же до остальных, никому не позволено покидать монастырский двор в одиночку. Ученикам и послушникам вообще запрещается выходить за пределы монастыря без умиала.

Ответ последовал незамедлительно: Чалмер Олеки, бывший учитель Кадена, поднялся со своей скамьи в первом ряду. Он был старейшим из хин, в полтора раза старше настоятеля, и его слабый голос слегка дрожал.

– Эта тварь убивает коз, согласен. Это проблема для нас, тоже согласен. Но неужели ты веришь, что она станет нападать на взрослых людей?

Шьял Нин собрался было ответить, но его опередил Тан, выступивший вперед из тени. Каден всегда считал, что от его умиала исходит некая угроза, еще до того, как был вынужден обучаться под его руководством. В прошлом, однако, что-то всегда эту угрозу сдерживало. Тан напоминал ему громадный снежный склон высоко в горах, готовый обрушиться лавиной при первом раскате грома, или вздетый меч, неподвижно замерший в верхней точке своей траектории, остановленный на неопределенное время некой таинственной силой. В движении Тана не было ничего особенного – всего лишь шаг вперед, не больше, – и тем не менее Каден вздрогнул, словно это небольшое движение отмечало некую перемену, нарушение долго сохранявшегося равновесия.

– Если ничего не знаешь о существе, – проскрежетал монах голосом, жестким, как горный обвал, – думай, что оно явилось тебя убить.

13

Теперь, снова оказавшись перед развалинами трактира, Валин уже сам не очень понимал, что надеялся тут увидеть. Большая часть строения исчезла под мутными волнами в хаосе разбитых балок и разбухших от воды стен. И даже если здесь и оставалось то, на что стоило бы посмотреть, тусклый красный диск солнца уже клонился к горизонту, и света было слишком мало, чтобы увидеть что-то, помимо скелетоподобных очертаний.

Уверенность, которую Валин испытал тотчас после схватки на ринге, угасала в нем, подобно вечернему свету. Да, возможно, за разрушением трактира Менкера стоит лич – личей на Островах водится, вероятно, больше, чем в любом другом месте империи. Да, возможно, все это часть заговора против него, против его семьи, часть намечавшегося переворота. Загвоздка в том, что возможно почти все что угодно. Ему нужна конкретика, опора, материал для исследования, а кеннинг лича, если он имел место, оставил бы еще меньше следов, чем взрывчатые вещества кеттрал. Значит, нужно опрашивать людей – людей, которые могли заметить что-нибудь необычное, увидеть что-то неожиданное.

– Выбрались только четверо, – сказал он, хмурясь. – Кроме Юрена, из развалин удалось выкарабкаться еще троим.

– Четверо из двенадцати, – пожал плечами Лин. – Не так уж плохо, учитывая, что эта халупа съехала напрямиком в залив. В большинстве сражений у проигравших поменьше шансов выжить.

Порез у нее на щеке уже зарубцевался, но свежая рана от недостойного поражения на ринге, по-видимому, все еще болела. Кеттрал уделяли бесчисленные часы турникетам, шинам, лекарственным травам и перевязочным средствам, однако мало кто говорил об унижении, которое испытываешь, когда твое лицо утыкается в грязь, в то время как один твой соратник грубо засовывает тебе руку между ног, а десятки других на это смотрят.

– Но это было не сражение, – возразил Валин, перед которым снова встал образ Салии с горячей красной стружкой крови, вытекающей из раны на шее. – Люди просто пришли сюда выпить. Они не подписывались ни на что другое.

– Никто не подписывается на явную смерть.

– Ты меня поняла.

Лин устремила на него жесткий взгляд:

– Хочешь сказать, что чувствуешь себя виноватым?

– Конечно, – пожал плечами Валин. – За мной кто-то охотится, а дом рушится на этих бедолаг. Я думал, наше дело – защищать граждан Аннура.

– Да разве можно называть эту падаль гражданами? – всплеснула руками Лин. – Большинство из них, покажись они на материке, тут же вздернули бы или зарезали.

– Но это не значит, что они заслужили такую смерть.

– Избавь меня от своего чувства вины, Валин. Ты жалеешь себя и тратишь время впустую. Ты их не убивал – наоборот, пытался спасти. Ты благородный человек, ты это хочешь от меня услышать? Ты принц, мать-перемать!

У Лин раскраснелись щеки, ее глаза горели. Сдержав резкий ответ, Валин попытался положить руку Лин на плечо. Она дернулась.

– Давай просто найдем ублюдков, которые это сделали, – сухо сказала она, отказываясь встречаться с ним взглядом. – Так будет лучше.

Валин хотел было ответить, но отвернулся, пытаясь охладить свой гнев. Над грязной улицей нависали ветхие постройки: отслаивающаяся краска, проседающие крыши, напрочь сгнившие пороги под покосившимися дверьми... Несмотря на яркие цвета, каждый из этих

домов выглядел так, словно был готов в любой момент сдаться и рухнуть в бухту рядом с трактором Менкера. Может быть, они с Лин все вообразили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.